

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал включен во вторую категорию Перечня
рецензируемых научных изданий ВАК (K2) по научным
специальностям: 5.4.2. Экономическая социология
(социологические науки). 5.4.4. Социальная структура,
социальные институты и процессы (социологические науки).
5.5.1. История и теория политики (политические науки). 5.5.2.
Политические институты, процессы, технологии (политические
науки). 5.5.3. Государственное управление и отраслевые
политики (политические науки). 5.5.4. Международные
отношения (политические науки). 5.7.2. История философии
(философские науки). 5.7.7. Социальная и политическая
философия (философские науки). 5.7.8. Философская
антропология, философия культуры (философские науки).

A journal included in the second category of the List
of VAC's peer-reviewed scientific publications (K2)
on specialties: 5.4.2. Economic sociology (sociological
sciences). 5.4.4. Social structure, social institutions and
processes (social sciences). 5.5.1. History and theory
of politics (political sciences). 5.5.2. Political institutions,
processes, technologies (political sciences). 5.5.3. Public
administration and sectoral policies (political sciences).
5.5.4. International Relations (Political Sciences).
5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences).
5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences).
5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture
(philosophical sciences).

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue "The Press of Russia"

Vol. 14, No. 6, 2024

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, заместитель научного руководителя — директор Музея Финансового университета, Финансовый университет, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Маматов М.А., кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ферганского госуниверситета, Республика Узбекистан

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан факультета массовых коммуникаций, Венский университет, Вена, Австрия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана кафедры психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующая кафедрой современной социологии социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Пляйс Я.А., заместитель главного редактора, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI-VII созыва

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор Кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент, научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Юхно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOVA A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Deputy Scientific Director – Director of the Museum of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society “Radetel”, Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodovskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgoplov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of “Russia in Global Affairs” magazine, Moscow, Russia

Mamatov M.A., Cand. of Historical Sciences, D. of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Fergana State University, Republic of Uzbekistan

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Plyays Ya.A., Deputy Editor-in-Chief, D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff (“Kondratieff Circle”), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI-VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА: «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ И МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Огнев А.С., Сучилина А.А. Дидактические возможности мультимодального игрового моделирования для успешного освоения курса «Основы российской государственности» студентами вуза	6
Табак В.Н. Видеопроект как форма организации самостоятельной работы современного российского студента в рамках дисциплины «Основы российской государственности»	20
Лукушин В.А., Асафов А.Н. Лучшие практики реализации курса «Основы российской государственности» (по материалам веб-сайтов университетов)	30
Матвейчев О.А. Деколонизация сознания: необходимость и возможности.	39

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Шапкин И.Н. Французская школа солидаризма: теоретические воззрения Леона Дюги	45
Долженко О.А., Печенкин Н.М. Категория ментальности как основа анализа феномена культурных констант и их трансформаций	54
Лустин Ю.М. Политическое лидерство и информационное общество: диалектико-типологический подход	63
Быков К.В. Методы управления историко-культурным наследием: диагностика, прогнозирование, проектирование	70
Кафтан В.В., Погорелый А.П. Идеино-архетипический код служения русского воинства и современность.	81

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Барташевич Д.А. Влияние фейков на формирование негативного образа России в странах Евросоюза	91
Тимофеева Е.А. Основные постулаты современной концепции развития молодежной политики в Российской Федерации	99
Ли М. Образ России в Китае: краткая историография российских исследований	106
Кулакова Н.Н. «Трудные времена» как стимул для единения и развития гражданского общества в России	113
Кондрахина Н.Г., Южакова Н.Е. Роль педагога в развитии интегрированной предметно-языковой компетентности будущего выпускника неязыкового вуза	121
Гусейнова К.Э. Модели социальных агентов в современном управленческом поле	135

**COVER STORY: "THE FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD"
IN HIGH SCHOOL: TEACHING AND METHODOLOGICAL SUPPORT EXPERIENCE**

Ognev A.S., Suchilina A.A. The Didactic Potential of Using Multimodal Game Modelling to Effectively Teach the Subject of "Fundamentals of Russian Statehood" to High School Students	6
Tabak V.N. Video Project as a Form of Organizing Independent Work of a Modern Russian Student within the Framework of the Discipline "Fundamentals of Russian Statehood"	20
Lukushin V.A., Asafov A.N. Best Practices in Implementing the Course "Fundamentals of Russian Statehood" (Based on Materials from University Websites).....	30
Matveychev O.A. Decolonization of Consciousness: Needs and Opportunities...	39

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Shapkin I.N. The French School of Solidarity: Theoretical Views of Leon Duguit	45
Dolzhenko O.A., Pechenkin N.M. The Category of Mentality as a Basis for Analyzing the Phenomenon of Cultural Constants and Their Transformations	54
Lustin Yu.M. Political Leadership and the Information Society: A Dialectical-Typological Approach	63
Bykov K.V. Methods of Historical and Cultural Heritage Management: Diagnostics, Forecasting, Design	70
Kaftan V.V., Pogorely A.P. Ideological and Archetypal Code of Service of the Russian Armed Forces in the Modern Conditions	81

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

Bartashevich D.A. The Impact of Fake News on the Formation of a Negative Image of Russia in EU.....	91
Timofeeva E.A. The Main Tenets of the Modern Concept of Youth Policy Development in the Russian Federation	99
Li M. The Image of Russia in China: A Brief Historiography of Russian studies	106
Kulakova N.N. "Hard times" as an Incentive for Unity and Development of Civil Society in Russia	113
Kondrakhina N.G., Yuzhakova N.E. The Role of a Teacher in the Development of Integrated Subject-Language Competence of a Future Graduate of a Non-Linguistic University	121
Guseynova K.E. The Models of Social Agents in the Modern Management Field	135

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Международный
научно-практический журнал
Том 14, № 6 (72), 2024

Главный редактор –
А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –
Д.В. Онегов

Корректор – **Н.В. Колобова**

Верстка – **Е.А. Смирнова**

Переводчик – **Д.В. Онегов**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.3
Тел.: **8 (499) 553-10-74**
(вн. 10-88)

E-mail: dvonegov@fa.ru
humanities.fa.ru

**Оформление подписки
в редакции**

по тел.: **8 (499) 553-10-71**
(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru
С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 31.03.2025

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 18,5 п. л.

Заказ № 389

Отпечатано в отделе полиграфии
Финансового университета
(Москва, Ленинградский пр-т,
д. 51)

© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor – **D.V. Onegov**

Proofreader – **N.V. Kolobova**

Design, make up – **E.A. Smirnova**

Translator – **D.V. Onegov**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.3
Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**
(internal 10-88)

E-mail: dvonegov@fa.ru
humanities.fa.ru

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 553-10-71**
(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 31.03.2025

Format 60 x 84 1/8.

Size 18,5 printer sheets.

Order № 389

Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt,
Moscow)

© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-6-19
УДК 378.147:37.02:37.091.33-027.23(470+571)(045)

Дидактические возможности мультимодального игрового моделирования для успешного освоения курса «Основы российской государственности» студентами вуза

А.С. Огнев^{a,b}, А.А. Сучилина^a

^a Финансовый университет, Москва, Россия;

^b ИНИОН РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты эмпирических исследований, которые подтверждают, что одним из эффективных способов освоения образовательного модуля «Основы российской государственности» является использование различных видов мультимодального игрового моделирования на занятиях. Важно чередовать эти виды и направлять студентов на поиск решений, актуальных для них самих, их семей и нашей страны в целом. Согласно данным, без активного и целенаправленного содействия преподавателей многие современные студенты не способны эффективно использовать материалы образовательного модуля «Основы российской государственности». Многие из них не готовы воспринимать знания, содержащиеся в этом модуле, как руководство к действию или информацию о возможностях, которые у них есть. В статье описаны варианты применения мультимодального игрового моделирования, которые позволяют эффективно решать эту проблему. У студентов складывается ответственное отношение к своей судьбе и судьбе своей страны, понимание их неразрывной связи; формируется установка на самостоятельное и осмысленное определение приоритетов и увязка личных жизненных планов со стратегическими целями и задачами Отечества.

Ключевые слова: будущее России; Основы российской государственности; дидактические средства; мультимодальное игровое моделирование; субъектогенез; эффективность образования

Для цитирования: Огнев А.С., Сучилина А.А. Дидактические возможности мультимодального игрового моделирования для успешного освоения курса «Основы российской государственности» студентами вуза. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):6-19. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-6-19

ORIGINALPAPER

The Didactic Potential of Using Multimodal Game Modelling to Effectively Teach the Subject of «Fundamentals of Russian Statehood» to High School Students

A.S. Ognev^{a,b}, A.A. Suchilina^a

^a Financial University, Moscow, Russia;

^b INION RAS, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents empirical research findings that demonstrate how using various forms of multimodal game modeling in classes can significantly enhance the effectiveness of the educational module “Fundamentals of Russian Statehood”. These forms of game modeling should be interspersed and specifically focused on finding ways to solve important problems for students, their families, and our country as a whole. The research also indicates that without active and purposeful teacher assistance, most modern students are not able to use the materials of the “Fundamentals of Russian Statehood” module in a practical way. Without outside encouragement, many students are not ready to see the knowledge in this module as a guide to action, an incentive for personal goal-setting, or even information about the possibilities available to them. The article describes how multimodal game modeling can effectively address this problem by cultivating a sense of responsibility for one’s own fate and the fate of one’s country, recognizing their inseparable connection. It also helps students to determine their priorities proactively and meaningfully, and to connect the implementation of personal life plans with the strategic goals and objectives of their country.

Keywords: Russian future; Fundamentals of Russian Statehood; didactic tools; multimodal game modeling; subjectogenesis; effective education

For citation: Ognev A.S., Suchilina A.A. The didactic potential of using multimodal game modelling to effectively teach the subject of "Fundamentals of Russian Statehood" to high school students. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):6-19. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-6-19

ВВЕДЕНИЕ

Парадоксальное сочетание экспоненциального роста объема и разнообразия информации с ограниченной осведомленностью молодежи о широко известных фактах можно объяснить феноменом «информационных пузырей»¹. Современное поколение студентов черпает основную информацию о мировых событиях из социальных сетей, которые предлагают персонализированные подборки новостей, адаптированные под интересы и предпочтения каждого пользователя. Это приводит к тому, что некоторые молодые люди не знакомы с такими культурными символами, как Чебурашка, в то время как другие не осведомлены о функциональном назначении и историческом значении Мавзолея на Красной площади в Москве. В условиях недостаточной осведомленности и критического мышления у молодежи наблюдается рост восприимчивости к информации, распространяемой в социальных сетях. Эта информация часто содержит недостоверные данные и предложения, потенциально опасные для человека. Кроме того, в таких потоках информации присутствуют элементы, способствующие формированию деструктивных установок и развитию критического мышления, граничащего с нигилизмом. [1–3].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Как следует из целого ряда публикаций, особую озабоченность и у исследователей, и у тех, кто по роду своей деятельности сталкивается с проблемами воспитания новых поколений, вызывают целенаправленные попытки внести разлад в российское общество, закрепить в общественном сознании ориентиры, противоречащие основополагающим традиционным ценностям [2–6]. При этом авторы таких работ зачастую в качестве основного средства противодействия подобным попыткам называют формирование у молодежи

ответственного отношения не только к своей жизнедеятельности, но и к будущему собственной страны [1, 2, 7–11, 19].

И в связи с этим вполне логичным представляется введение в цикл гуманитарных дисциплин образовательного модуля «Основы российской государственности», нацеленного на воспитание у молодежи зрелой гражданственности, здорового патриотизма, готовности именно с этих позиций оценивать события прошлого и настоящего, разрабатывать и принимать решения в отношении будущего [1, 2, 12–17].

Но сама специфика такого модуля, скорость и масштабность его внедрения породили целый комплекс дидактических задач, которые стали серьезным вызовом для всей системы высшего образования [1, 18–22]. Практически уже на этапе разработки программы этого образовательного модуля явно обозначилось стремление преподавателей-предметников рассматривать «Основы российской государственности» то ли как приложение к циклу исторических дисциплин, то ли как разновидность правоведения. «Родимые пятна» проявились в его трактовке и у политологов, и социологов, и философов. Но все же большинство преподавателей, причастных к работе с «Основами российской государственности», исходили из общемировоззренческой направленности модуля и, соответственно, ориентации на формирование универсальных (общекультурных) компетенций, а не компетенций, присущих отдельным областям социального знания [23, 25–32, 34, 35, 37, 38].

Еще одна сложность возникла при попытке согласовать десятилетиями декларируемую независимость высшего образования от какой-либо идеологической направленности с заявленной на государственном уровне приверженностью России как страны-цивилизации традиционным ценностям. В качестве базового принципа для поиска эффективных методов работы в современном вузе большинство исследователей, занимающихся вопросами преподавания «Основ российской государственности», выделяют необходимость организации учебного процесса в диалогической форме в качестве разновидности субъект-субъектного взаимодействия.

¹ Пузырь фильтров (англ. filter bubble; информационный пузырь, фильтр интересов, стена фильтров), ситуация информационной изоляции, обусловленная действием персонализированных алгоритмов, на основе которых работают поисковые системы и ленты социальных сетей. Декалов В.В. Пузырь фильтров. Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/puzyr-fil-trov-c57689/?v=9046836>

В трудах, посвященных дидактическим особенностям модуля «Основы российской государственности», рассматриваются вопросы отраслевой специфики профессиональной деятельности специалистов разного профиля, для учета которой в ряде случаев создаются авторские коллективы из специалистов различных областей. Однако не редко это приводит к появлению учебных пособий, которые объединяет лишь название модуля и перечень рекомендуемых тем, входящих в него.

Сама процедура оценки эффективности освоения студентами учебного материала вызывает множество вопросов. Но еще больше споров и разногласий рождают попытки сразу после завершения работы с этим учебным модулем оценить результаты его внедрения: уровень сформированности гражданской позиции студентов, готовность постоянно укреплять суверенитет Родины, быть теми, благодаря кому растет народонаселение страны, кто содействует межнациональному и межконфессиональному согласию в государстве, кто своим саморазвитием и самореализацией способствует благополучию и процветанию России.

Следует отметить, что задача создания и внедрения подобного образовательного модуля в столь сжатые сроки и в таких объемах является практически беспрецедентной. Решение данной задачи уже дало множество примеров далеко не тривиальных педагогических инноваций [1, 2, 4, 12, 15, 17, 18, 21, 24, 28, 33, 36, 39, 40]. Инновационный потенциал этого чрезвычайно масштабного проекта далеко не исчерпан. Междисциплинарный характер этого модуля вызывает активную дискуссию, что является хорошим шансом определить инвариантную основу разумного и цивилизованного патриотического воспитания. В случае успеха сформированное мировоззрение станет основой для формирования патриотических ценностей. Принятая как норма дискуссионность практических занятий обеспечивает регулярное обновление форм и содержания работы, с учетом социокультурных изменений, происходящих в молодежной среде, стране и мире. Такие изменения неизбежны и требуют адаптации образовательных подходов.

Междисциплинарный характер модуля в сочетании с дискуссионностью практических занятий может дать хороший импульс для выхода наших студентов из своих «информационных пузырей». При этом сами учащиеся с высокой

информированностью по ряду вопросов в этом случае становятся неисчерпаемым ресурсом, опорой и соратниками друг для друга. И именно здесь появляется возможность для развития и совершенствования способности формулировать свою мысль, облекать ее в удобоваримую форму с учетом индивидуальных особенностей собеседников, выбирать подходящее место и время для продуктивного диалога. Трудно переоценить возможности, которые предоставляет грамотно организованный процесс освоения «Основ российской государственности» для развития готовности слушать, слышать, понимать и уважать другого, даже если ты с ним в чем-то и не согласен.

Модуль «Основы российской государственности» дает такие возможности для осознания учащимися основ их мировоззрения, как:

- 1) выявление ключевых компонентов мировоззрения;
- 2) анализ и интерпретация этих компонентов;
- 3) оценка устойчивости и продуктивности мировоззренческих установок;
- 4) формирование критического подхода к мировоззренческим системам.

Эти задачи не ограничиваются лишь добавлением к традиционным дисциплинам, таким как история, право и социология, а предполагают интеграцию в образовательный процесс на более глубоком уровне, способствуя формированию комплексного и рефлексивного восприятия мировоззренческих процессов. Но это уже совершенно иные способы работы преподавателей и иной взгляд на эту работу организаторов образовательной деятельности и вуза, и страны в целом. И это задачи, которые пока не имеют готовых решений.

Мы только начинаем осознать и пока еще можем лишь контурно обозначать возможности в плане изучения и ежегодной оценки того, как видят свое будущее и будущее своей страны более миллиона первокурсников, оказавшихся студентами российских вузов и демонстрирующих свои представления об этом при освоении «Основ российской государственности». С этим вопросом сопряжены такие методологические и методические вопросы, как способы выявления подобных представлений, их фиксация, общение, выработка практических рекомендаций и, что особенно важно, их реализация. При этом нельзя забывать, что главным является обучение, образование наших студентов. И, как мы полагаем на уровне нашей рабочей гипотезы,

одним из вариантов эффективного решения этой задачи с учетом результатов наших многолетних исследований дидактического и исследовательского потенциала различных дидактических форм может стать использование в реализации модуля «Основы российской государственности» мультимодального игрового моделирования [8, 41–43].

В ходе проверки указанной гипотезы было учтено, что согласно общей теории систем и такому ее прикладному направлению, как системный анализ, при изучении объектов, непосредственный контакт с которыми физически невозможен, используются специально созданные объекты-заместители. С их помощью воссоздаются наиболее существенные с точки зрения решаемой задачи свойства объекта-оригинала, что позволяет в модельном режиме предметно изучать и наглядно описывать причинно-следственные связи между элементами исследуемой системы. Именно это и происходит, когда в рамках образовательного модуля «Основы российской государственности» участники учебных занятий рассматривают абстрактно-логические модели таких систем, как страна, общество и государство, семья, личность, индивид и индивидуальность.

Преимущественно на уровне облеченных в вербальную форму словесных абстракций в вузах и рассматриваются история и культура, географические, экономические и политические особенности государств. И этого зачастую оказывается вполне достаточно, если речь идет об усвоении определенного вида информации — особенно той, которая постоянно подкрепляется интуитивно очевидными связями с повседневной практикой.

Но совсем иначе дело обстоит с усвоением таких понятий, как:

- государство-цивилизация;
- мировоззренческий пентабазис;
- ценностные константы;
- соборность;
- самореализация;
- агенты истории;
- целостная модель мира;
- культурный код;
- футурологический анализ;
- общество как семья семей;
- ДНК России.

Эти важные для продуктивного усвоения образовательного модуля «Основы российской государственности» понятия для большинства сту-

дентов с повседневной практикой еще не имеют очевидной наглядно-действенной связи. В ходе самого освоения этого модуля они должны получить для каждого из них свое индивидуальное осмысление и на рациональном, и на эмоциональном уровнях. И тогда на помощь могут прийти наглядно-образные отображения персональных представлений об этих понятиях, созданные путем наглядно-действенного мышления.

В мультимодальном игровом моделировании (МИМ²) такой мыслительный процесс проходит в форме создания метафорических композиций из игрушечных миниатюр, метафорических ассоциативных карт, кинетического песка, рисуночных композиций на столах световых планшетов и т.п. [8, 41–43]. Его дидактическую состоятельность, высокую эффективность и совместимость с традиционными видами образовательной деятельности на протяжении более десяти лет подтверждает использование МИМ как в образовательных модулях («Жизненная навигация», «Технологии личностного развития», «Человеческий фактор в авиационно-транспортных системах»), так и в учебных дисциплинах («Организационная психология», «Психологическое консультирование», «Политический менеджмент», «Конфликтология», «Технологии делового общения»). Более полутора тысяч студентов при освоении данных модулей и дисциплин создавали метафорические модели своего желаемого будущего, персональные программы саморазвития, программы организационного развития реально действующих предприятий, модели эффективно действующих команд как ключевых субъектов реализации конкретных проектов, имитировали переговорный процесс как средство в разрешении актуальных межличностных конфликтов и т.п. [41–43, 45]. Формируемый в результате усвоения подобных абстракций позитивно окрашенный и прагматически ориентированный опыт их использования многократно зафиксирован средствами инструментальной диагностики и подтвержден путем лонгитюдных исследований [46–50].

Помимо общей теории систем и системного анализа при проверке высказанной гипотезы в ка-

² Методика мультимодального игрового моделирования подразумевает построение объектов-заместителей, которые в знако-символической форме отображают наиболее существенные для чувственного восприятия различных модальностей особенности объектов-прототипов, позволяющие на наглядно-действенном уровне анализировать возможные варианты решения связанных с ними задач [44].

честве теоретико-методологического основания также были использованы субъектно-деятельностный и субъектогенетический подходы к организации реализации различных видов психолого-педагогической практики [43, 45]. В результате вся работа, включая ее образовательную и исследовательскую компоненты, строилась с ориентацией на повышение готовности учащихся к ответственному целеполаганию и разумной реализации поставленной цели. Важнейшими компонентами анализа и психолого-педагогического воздействия были такие составляющие мотивационно-смысловой сферы личности, как ценности-цели (безусловные жизненные ориентиры) и ценности (общепринятые нормы). Также было важно создание предпосылок для их осмысления и перевода в разряд установок, побуждающих учащихся к осознанным действиям. Это, в свою очередь, подразумевало конвертацию заявляемых учащимися личностно значимых проблем в подлежащие решению задачи. Соответственно, проводившим исследование педагогам отводилась роль фасилитаторов субъектогенеза, стадии которого подразумевают принятие учащимися на себя роли первопричины собственной активности, которая направлена на прагматическое применение приобретаемого опыта как на этапе осознания и осмысления желаемого будущего, так и на различных этапах последовательного воплощения своих замыслов в жизнь [41–43, 45].

В ходе исследования анализировались созданные учащимися высших учебных заведений Москвы ($n = 250$) средствами МИМ метафорические модели, отражавшие их представления о той России, которая существует в настоящий момент, и которую они хотели бы видеть в будущем. Эти построения предварялись занятиями, на которых те же учащиеся строили, обсуждали и оптимизировали метафорические модели их персонального саморазвития, личных представлений о благополучных вариантах собственных семей. Тематические блоки из модуля «Основы российской государственности» в этом исследовании были представлены в виде заданий о метафорическом отображении ключевых событий истории нашего Отечества, его важнейших конкурентных преимуществ, особенностей политического устройства, специфики России как страны-цивилизации.

Наряду с контент-анализом созданных композиций и сопровождавших этот процесс авторских пояснений, в исследовании также использова-

лись результаты фокусированных интервью, направленных на уточнение смысла как отдельных элементов, так и всех созданных с их помощью метафорических моделей.

В качестве дополнительных средств анализа происходящего с участниками проводившихся исследований использовались различные виды инструментальной регистрации психофизиологических реакций. Для этого применялись компьютерные кардиометры семейства «Кардиокод», регистраторы психофизиологических реакций Барьер-14 и КРИС и айтрекеры серии GP-3. В работе с этими приборами в качестве визуальных стимулов использовались сделанные самими учащимися на персональные смартфоны цифровые снимки созданных ими композиций.

В качестве основных показателей характера и интенсивности эмоциональных реакций на созданные композиции рассматривались заложенные в программном обеспечении перечисленных приборов расчеты индексов напряженности Баевского, характеристики графиков кожно-гальванических реакций — площади по кривым таких графиков и длина их линии на выделенных интервалах, которые соответствовали времени демонстрации стимулов.

Среди характеристик непроизвольного внимания как показателей субъективной значимости в исследовании использовались автоматически фиксируемые айтрекерами абсолютные и удельные характеристики фиксации взгляда испытуемых на различных элементах предъявлявшихся им визуальных стимулов. Обязательной составляющей этой части исследования была послетестовая беседа, направленная на уточнение возможных причин каждого испытуемого в ходе проводившегося тестирования. Это подразумевало демонстрацию полученных результатов и их обсуждение в режиме фокусированного интервью.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В результате проведенных исследований было выявлено интуитивное стремление учащихся отображать в своих моделях желаемого будущего не только и не столько важные показатели личного, семейного и общегосударственного успеха, сколько метафорическое обозначение отсутствия волнующих их сегодня проблем. Описание будущего на языке реальных результатов, целевых показателей успеха для большинства принимавших участие в данном исследовании стало возможным

лишь благодаря усилиям ведущих практические занятия преподавателей.

Характерной особенностью моделей персонального успеха наряду с физическим здоровьем оказались декларативные заявления о крепкой семье в сочетании с возможностями для саморазвития. Кроме того, в число важнейших признаков будущего успеха более трети участников исследования включили возможность путешествовать, посещать другие страны. Примечательно, что именно этот ориентир в первоначально созданных метафорических моделях желаемого будущего вызвал наибольший отклик в виде психофизиологических реакций. Для уточнения его значимости участников таких занятий просили обозначить метафорическое отображение ситуации, когда такой возможности нет или когда заявленные цели не реализуются. Оказалось, что именно визуальные стимулы, метафорически олицетворяющие отсутствие возможностей для путешествий, вызывают у современной молодежи наиболее интенсивные психофизиологические реакции, которые ими самими интерпретируются как следствие негативных переживаний. При этом у таких испытуемых неоднократно на глазах появлялись слезы, у них возникала экспрессивная жестикуляция, их пояснения содержали характерные для негативных эмоций тональность и темпо-ритмические особенности вербальных и невербальных компонентов речи.

Поддавляющее большинство первоначальных метафорических моделей России будущего как позитивные цели содержали сохранение и преумножение достижений прошлого — космос, балет, научные открытия, спортивные рекорды. Оказалось, что без дополнительного побуждения со стороны преподавателей основная масса студентов ни каких-либо инноваций, ни тем более своего участия в их реализации в метафорических картинах будущего России не обозначила. Тем не менее при подобного рода запросе часть студентов такие ориентиры указала, хотя практически никто из них не связал их с действующими национальными проектами. При этом даже заявившие в качестве приоритетных целей России будущего достижения в области культуры, науки, медицины, экологии, развития отношений с другими странами не только ничего не смогли сказать о том, как этому могут способствовать такие национальные проекты, как «Культура», «Наука и университеты», «Здравоохранение», «Экология», «Международная

кооперация и экспорт», «Туризм и индустрия гостеприимства». А о наличии таких национальных проектов, как «Беспилотные авиационные системы», «Экономика данных», «Продолжительная и активная жизнь», большая часть студентов вообще не подозревала. Показательно и то, что даже студенты, называвшие важнейшие задачи для успеха нашей страны в будущем, практически ничего не знали о том, что из себя представляют направленные на ее решение национальные проекты и как они сами могут использовать их для реализации своих собственных планов.

Но зато собственные построения моделей желаемого будущего нашей страны, их обсуждение и попытки оптимизации создали благодатную почву для выяснения того, что национальные проекты из себя представляют и как ими можно воспользоваться для достижения своей собственной мечты, как реализовать то, что они включают в свои представления о благополучии их семей. Особый интерес в разговоре об этих намерениях вызвали такие национальные проекты, как «Жилье и городская среда», «Семья», «Молодежь России». При этом настораживающим фактом оказался пониженный интерес к проекту «Демография». И это в целом перекликается с тем, какие метафорические модели участники проведенного исследования использовали для описания желаемых вариантов собственных семей. В этих моделях зачастую идеальными назывались семьи, в которых растет не более двух детей. Неожиданным оказалось в таких семьях ролевое описание и того, кого участники проведенных исследований считали своим наилучшим избранником. В числе важнейших характеристик такого персонажа выделялись безопасность предполагаемого союза и его (ее) способность быть хорошим партнером для приятного времяпровождения — путешествий, встреч с друзьями и т.п.

Часто обозначаемое в метафорических моделях саморазвитие как важная часть персонального успеха и то ценное, что может дать Россия будущего, практически ни разу не сопровождалось декомпозицией до уровня конкретных результатов, в которых такое саморазвитие выражается. В ходе обсуждений созданных моделей и посредством послетестовых фокусированных интервью было установлено, что обозначаемое таким образом саморазвитие участниками проведенных исследований воспринималось не как приобретение качеств, позволяющих ставить и решать более

амбициозные задачи и успешно справляться с жизненно важными проблемами, а как ни к чему не обязывающее ознакомление с чем-то новым, расширение доступа к разного рода благам и даже как приобретение все больше и больше возможностей для разного рода развлечений. Однако без особых усилий преподавателям удавалось отметить низкую смысловую нагрузку такой трактовки саморазвития и побудить учащихся отразить в создаваемых ими метафорических моделях, как саморазвитие в качестве дополнительного ресурса будет повышать вероятность реализации желаемого будущего и более успешно справляться с реальными трудностями.

Относительно оптимального сочетания различных видов МИМ в ходе практических занятий проведенное исследование показало, что использование метафорических ассоциативных карт более всего подходит для иллюстрации учащимися ключевых вех из истории нашей страны и вопросов, касающихся ценностных основ России как суверенного государства. При этом для повышения включенности учащихся в совместную образовательную деятельность, для активизации обмена мнениями оказалось, что целесообразно чередовать построение и обсуждение индивидуальных тематических композиций с последующим созданием их групповых вариантов. Это позволило сделать совместные обсуждения более предметными и, что подчас бывает совсем нелишним, придать им характер конструктивного диалога. Осуществляемый в этом случае перенос внимания на метафорическую модель обсуждаемого явления, а не только на создавшего ее автора помогает избежать деструктивной полемики с выраженной атакой на персональные особенности обладателей иного мнения и сторонников других взглядов. Но при этом оказалось, что для сохранения высокой заинтересованности в подобных формах работы лучше всего использовать этот вариант МИМ не более трех раз. Также было установлено, что повысить прагматическую ориентацию возникающих дискуссий помогают вопросы и пожелания преподавателя, направленные на выявление всего того, что будет способствовать достижению участниками подобных занятий персонального успеха и семейного благополучия в качестве полноправных граждан России как страны, располагающей необходимыми для этого ресурсами.

Согласно полученным данным применение кинетического песка лучше всего ограничить

одним-двумя занятиями, на которых предполагается сделать акцент на внутреннем настрое, способствующем успеху в реализации намеченных планов. Достаточно продуктивными оказались и те занятия, на которых разбирались преодоление трудностей и профилактика рисков, с которыми учащиеся предполагали столкнуться при реализации планов по осуществлению своих намерений.

Использование метафорических узоров на поверхности световых столов и планшетов оказалось наиболее продуктивным на вводных занятиях в качестве пропедевтики, помогающей понять суть предстоящего учащимся разнопланового мультимодального игрового моделирования. Как и использование кинетического песка, эта форма МИМ оказалась достаточно продуктивной при формировании установок на преодоление разного рода трудностей. Хорошие результаты были получены и в ходе применения этой разновидности МИМ при обсуждении значимости того, что принято считать основаниями для консолидации, уважительного отношения к существующим в современной России межкультурным, межнациональным и межконфессиональным различиям.

Песочное игровое моделирование оказалось наиболее универсальной разновидностью МИМ. Оно с успехом может применяться при освоении практически всех тем образовательного модуля «Основы российской государственности». Но, как и в отношении других разновидностей МИМ, для профилактики потери интереса к дидактическим средствам такого рода, исходя из полученных данных, лучше всего использовать песочное моделирование в составе не более трех практических занятий. По тем же основаниям целесообразно такие занятия чередовать либо с занятиями с использованием других разновидностей МИМ, либо вообще без его применения.

Полученные данные также свидетельствуют, что самостоятельный положительный дидактический эффект дали и проводившиеся в ходе практических занятий инструментальные измерения психофизиологических реакций на визуальные стимулы, созданные на основе построенных учащимися метафорических композиций. Но оптимальным в этом случае оказались лишь однократные замеры каждым из перечисленных видов регистраторов, которые лучше всего производить на первых двух или трех занятиях. Этого оказалось вполне достаточно для формирования у учащихся доверия к действительности

МИМ. Ограничение тремя первыми занятиями будет профилактикой излишнего внимания учащихся на процедурах, которые в данном случае выполняют только вспомогательные функции. С учетом оперативности подобного рода замеров, значимости их для понимания сути предстоящих занятий с использованием различных вариантов МИМ наиболее предпочтительными оказались регистрация электродермальной активности и выявление окулометрических показателей внимания участников проведенных исследований. При этом следует учитывать, что, как показали наши исследования, у ряда учащихся перспектива использования регистраторов электродермальной активности может вызывать чувство тревоги из-за опасений, которые традиционно вызывают полиграфические проверки и существующие на уровне обыденного сознания страхи относительно «детекторов лжи». Напротив, использование айтрекеров чаще вызывает скорее любопытство, чем тревогу. Хотя и в этом случае целесообразно неукоснительно следовать принципу добровольности участия в подобных измерениях, уважать как готовность, так и отказ учащихся от роли респондента в диагностике такого рода.

Отдельно следует отметить обнаруженную высокую дидактическую ценность создававшихся для решения исследовательских задач визуальных стимулов, которыми стали цифровые фотографии построенных учащимися метафорических композиций. Для них они стали предельно краткими, но эмоционально и интеллектуально емкими напоминаниями о проделанной работе. Наличие таких визуальных метафор в собственном смартфоне позволяет учащимся без труда в удобное для них время и в подходящем для этого месте напомнить себе о том, что ими было сделано и как они намеревались распорядиться полученным опытом. Эти снимки оказались эффективными триггерами в отношении сформированных прагматических установок. Они также оказались важным средством планомерно-поэтапного перевода схем ориентировки для предстоящих действий от материальных формы их репрезентации до симультанных кодов как высшего уровня усвоения новых знаний. Также оказалось, что благодаря проводившимся во время занятий обсуждениям такие схемы ориентировки характеризуются высокой степенью разумности, так как учащиеся в ходе принятия решений стали в большей степени руководствоваться преимущественно главным

в достижении успеха, а не второстепенным и несущественным. Кроме того, было установлено, что усвоенный благодаря мультимодальному игровому моделированию как дидактическому средству материал и сохранение его в виде подобного рода визуальных конспектов отличается высокой степенью осознанности и осмысленности. Об этом свидетельствовала легкость, с которой учащиеся могли объяснить, что каждый элемент цифровых снимков означает, как это связано с материалом освоенного ими образовательного модуля и где в повседневной жизни все это они намерены применять на практике.

ВЫВОДЫ

Полученные результаты подтвердили справедливость предположения о том, что одним из дидактических средств существенного повышения эффективности освоения образовательного модуля «Основы российской государственности» является использование на его занятиях различных вариантов мультимодального игрового моделирования. При этом оптимальным оказалось чередование разновидностей такого моделирования и его ориентация на поиск путей к решению жизненно важных задач самих учащихся, их семей и всей нашей страны в целом.

Кроме того, из полученных материалов также следует, что без активного и целенаправленного содействия преподавателей, хорошие возможности для которого дает работа с использованием мультимодального игрового моделирования, основная масса современных студентов не в состоянии прагматически распорядиться материалами образовательного модуля «Основы российской государственности». Без побуждения извне студенты не готовы рассматривать заложенные в этом модуле знания как руководство к действию, побуждение к персональному целеполаганию или хотя бы информацию об имеющихся в их распоряжении возможностях. Тем не менее применение различных вариантов мультимодального игрового моделирования позволяет решить эту проблему с высокой эффективностью за счет культивирования у студентов ответственного отношения к своей собственной судьбе и судьбе своей страны с учетом их неразрывной связи и формирования установки на инициативное и осмысленное определение своих приоритетов и увязку реализации персональных жизненных планов со стратегическими целями и задачами своего собственного отечества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шатилов А.Б. Курс «Основы российской государственности» как составная часть государственной политики по формированию национальной идентичности и патриотизма у студенческой молодежи Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(2):24–29. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-24-29
2. Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю., Лукашенко С.П. Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства России. Ярославль: Шукаева и семья; 2024. 296 с. <https://elibrary.ru/pnnbfd>
3. Нешков С.В. Образ будущего как средство дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в России. *Вопросы политологии*. 2021;69(5):1435–1438. DOI: 10.35775/PSI.2021.69.5.014
4. Бродовская Е.В., Парма Р.В., Лукушин В.А., Склярова Н.Ю. Деструктивное информационно-психологическое воздействие на молодежь России в социальных медиа (по материалам круглого стола). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):12–18. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-12-18
5. Селезнев П.С., Титов В.В., Баржаев Р.Р. Качество жизни как фактор поддержания устойчивости национально-государственной идентичности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):17–21. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-17-21
6. Галас М.Л. Особенности политического сознания и поведения российской молодежи в условиях турбулентности миропорядка. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(1):111–121. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-111-121
7. Шестопал Е.Б. Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти. *Вестник Томского государственного университета*. 2021;(464):99–112. DOI: 10.17223/15617793/464/12
8. Домбровская А.Ю., Огнев А.С. Измерение образа будущего Российской Федерации в сознании российской молодежи: когнитивистика и киберметрия в прикладном политическом исследовании. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(3):128–134. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-128-134
9. Курапова А.С., Курапов С.В. Представления о «России будущего» у студентов-первокурсников (по материалам семинарских занятий курса «Основы российской государственности»). *Информация–Коммуникация–Общество*. 2024;1:218–222.
10. Ильичева М.В. Образ будущего страны в представлениях студенческой молодежи России: трансформация в условиях перемен и кризисных потрясений. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2023;(3):39–56. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-3-39-56
11. Шайхисламов Р.Б., Асадуллина Г.Р., Садретдинова, Э.В. Образ России настоящего и будущего в представлениях юношества: смысловые в условиях новых вызовов и возможностей. *Society and Security Insights*. 2023;6(1):13–31. DOI: 10.14258/SSI(2023)1-01
12. Шинкевич В.Е. Опыт преподавания курса «Основы российской государственности» в контексте формирования патриотизма у обучающихся высшей школы. *Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии*. 2024;(53). <https://www.elibrary.ru/iezsoo>
13. Комаровский В.С. Видение будущего страны российской молодежью: надежды и опасения. *Власть*. 2021;(5):187–194. DOI: 10.31171/vlast.v29i5.8556
14. Бойко П.Е., Галустьянц Г.Л. О философско-историческом содержании курса «Основы российской государственности». *Вестник Челябинского государственного университета*. 2023;4(474):85–90. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-474-4-85-90
15. Шляпина С.Ф., Помазкина В.М., Грязных А.Д. Курс «Основы российской государственности» как способ сохранения исторической памяти. *Мир инноваций*. 2023;27(4):111–118. <https://www.elibrary.ru/knwxfw>
16. Борзова Т.А. Возвращение к истокам: о подходах к преподаванию курса «Основы российской государственности» в высшей школе. *Мир науки, культуры, образования*. 2023;101(4):138–142. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-4101-138-142
17. Давыденкова А.Г. Философско-мировоззренческие вопросы в вузовском курсе «Основы российской государственности». *Наука. Общество. Государство*. 2024;12(2):139–148. DOI: 10.21685/2307-9525-2024-12-2-14
18. Бабина О.И., Никуленков В.В. Методика преподавания семинарских занятий курса «Основы российской государственности». *The Newman in foreign policy*. 2023;5(74):25–29. <https://www.elibrary.ru/ausgiu>
19. Маханек А.Б. Ценности российского мировоззрения в содержании дисциплины «Основы российской государственности». *Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки*. 2024;(2):36–40. DOI: 10.46845/2071-5331-2024-2-68-36-40.

20. Белогорская Л.В. Павлова О.А., Мыкалова Е.Е. Анализ уровня удовлетворенности курсом «Основы российской государственности» студентами. *Вестник педагогических наук*. 2024;(4):120–124. DOI: 10.62257/2687-1661-2024-4-120-124
21. Потеряева О.Б. Коммуникативные и ценностные аспекты методики преподавания курса «Основы российской государственности». *Проблемы современного педагогического образования*. 2023;(81–3):254–257. <https://www.elibrary.ru/jmndcl>
22. Салимгареев М.В. Проблемные контуры курса «Основы российской государственности» в методологическом контексте. *Управление устойчивым развитием*. 2024.(1):114–119. DOI: 10.55421/2499992X_2024_1_114
23. Рыбаков С.В. Предпосылки создания, цели и задачи учебного курса «Основы Российской государственности». *Казачество*. 2024;(74):98–107. <https://www.elibrary.ru/gtfcqs>
24. Шляпина С.Ф. Модель педагогического сопровождения духовного самоопределения личности студентов как одна из основ проектирования курса «Основы российской государственности». *Вестник Челябинского государственного университета*. 2023;(10):79–85. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-79-85
25. Галимуллина Н.М., Вагаева О.А. Внедрение дисциплины «Основы российской государственности» в образовательный процесс высшей школы: восприятие обучающимися и методика преподавания. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2024;(4):235–250. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11054
26. Юркина Н.Н. Формирование компонентов курса «Основы российской государственности» для педагогических вузов. *Преподаватель XXI век*. 2023;(3–1):11–19. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-3-11-19.
27. Осин Р.С. Мировоззренческие и теоретико-методологические положения курса «Основы российской государственности»: критический анализ. *Общество: философия, история, культура*. 2024;(2):74–79. DOI: 10.24158/fik.2024.2.9
28. Фидарова К.К., Калабекова С.В., Погосова К.Л. Использование интерактивных методов работы при реализации дисциплины «Основы российской государственности» (на примере вузов СКФО). *Культура Мира*. 2024;12(36):183–188. <https://www.elibrary.ru/ctmmuj>
29. Никуленков В.В. Бабина О.И. Методика преподавания семинарских занятий курса «Основы Российской государственности». *The Newman in Foreign Policy*. 2023;6(75):25–36. <https://www.elibrary.ru/ungqng>
30. Галанина Н.В. Роль и значение дисциплины «Основы Российской государственности» для общегуманитарной подготовки государственных служащих. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2024;(1):245–246. <https://www.elibrary.ru/mkysqv>
31. Гуляев А.А. Значимость новой дисциплины «основы российской государственности» в вузах. *Власть*. 2023;31(5):100–103. DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9785
32. Зорина Е.М., Кузьмин А.В. Правовая культура студентов как результат интерактивности семинарских занятий по дисциплине «Основы российской государственности». *Социология и право*. 2023;15(4):493–502. DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-493-502
33. Borzova T.A. Дисциплина «Основы российской государственности» как базовый воспитательный потенциал образовательного процесса современной высшей школы. *Мир науки, культуры, образования*. 2024;(3):42–45. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-42-45
34. Королева Л.В. Учебный курс «Основы российской государственности» глазами политолога. *Вопросы политологии*. 2024;14(3):1163–1171. DOI: 10.35775/PSI.2024.103.3.038
35. Широкова М.А. Цивилизационный подход в содержании курса «Основы российской государственности». *Актуальная культура*. 2024;(1):1–12. <http://journal.asu.ru/cc/article/view/15021>
36. Бабаева А.В., Шмелева Н.В., Макарова А.О. «Основы российской государственности»: опыт реализации учебного курса в высшей школе. *Инновации в образовании*. 2024;(8):26–34. <https://www.elibrary.ru/rcrnic>
37. Саратовцева Н.В., Берназ М.Д., Монахов Д.Д. Курс «Основы российской государственности» и его место в учебном процессе высшей школы. *Социосфера*. 2024;(2):194–196. <https://www.elibrary.ru/rkrwmd>
38. Лапина И.Ю., Гурьев Е.П. Мировоззренческие принципы российской цивилизации в курсе «Основы российской государственности». *Клио*. 2023;(10):214–226. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_09_214
39. Макарова Е.О. Курс «Основы российской государственности» как инструмент политической социализации молодежи. *Педагогика современности*. 2023;(3):27–31. <https://www.elibrary.ru/pptkec>
40. Астафьев Д.А., Годовова Е.В. Внедрение в образовательный процесс дисциплины «Основы российской государственности»: опыт Оренбургского государственного педагогического университета. *Вестник Саратовского областного института развития образования*. 2024;(2):52–57. <https://www.elibrary.ru/rxlmeu>

41. Замолоцких Е.Г., Лихачева Э.В., Огнев А.С. Мультимодальное игровое моделирование как инструмент формирования и развития универсальных компетенций. *Мир образования — образование в мире*. 2024;(1):124–133. DOI: 10.51944/20738536_2024_1_124
42. Батколина В.В., Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Огнев А.С. Факторы эффективности применения игрового песочного моделирования в образовательной деятельности современных вузов. *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире*. 2024;(3):76–85. DOI: 10.18137/RNU.V925X.24.03.P.076
43. Замолоцких Е.Г., Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Огнев А.С. Мультимодальное игровое моделирование в контексте современных глобальных вызовов. Москва: Издательство «Спутник +»; 2024. 127 с. DOI: 10.25633/6890–6
44. Фан Ц., Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Огнев А.С. Особенности использования мультимодального игрового моделирования в ходе подготовки кадров высшей квалификации. *Человеческий капитал*. 2023;176(8):129–137. DOI: 10.25629/HC.2023.08.15
45. Огнев А.С., Лихачева Э.В. Практика внедрения позитивно-ориентированного субъектогенеза в систему высшего образования. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014;11(2):51–67. <https://psy-journal.hse.ru/2014-11-2/132382405.html>
46. Zernov V.A., Lobanova E.V., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Dymarchuk D.D., Yesenin D.S., Mizin N.V., Ognev A.S., Rudenko M.Y., Galoi N.Y., Sudarikova A.R. Cardiometric evidence data on human self-control of emotional states in the context of the use of metaphoric associative cards. *Cardiometry*. 2020;(16):55–61. DOI: 10.12710/cardiometry.2020.16.5561
47. Likhacheva E.V. Ognev A.S., Kazakov K.A. Hardiness and purposes in life of modern Russian. *Middle East Journal of Scientific Research*. 2013;14(6):795–798. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.14.6.2138
48. Zernov V.A., Lobanova E.V., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Ognev A.S., Rudenko M. Yu. Cardiometric confirmations of psychotherapeutic effectiveness of psychological sand modeling. *Cardiometry*. 2021;(19):38–42. DOI: 10.18137/cardiometry.2021.19.3842
49. Розенова М.И., Огнев А.С., Лихачева Э.В., Екимова В.И. Методы оценки эффективности Sandplay-терапии для взрослых. *Современная зарубежная психология*. 2022;11(4):61–72. DOI: 10.17759/jmfp.2022110406
50. Розенова М.И., Огнев А.С., Екимова В.И., Кокурин А.В. Современные антистресс-технологии в профессиях экстремального и помогающего типа. *Современная зарубежная психология*. 2023;12(3):19–30. DOI: 10.17759/jmfp.2023120302

REFERENCES

1. Shatilov A.B. The Course “Fundamentals of Russian Statehood” as an integral part of a state policy to base national identity and patriotism within students in the Russian Federation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(2):24–29. (In Russ.) DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-24-29
2. Baghdasaryan V.E., Ierusalimskiy Yu. Yu., Lukashenko S.P. Tradicionnye cennosti kak osnova novogo mirovozzrencheskogo stroitel'stva Rossii. Yaroslavl: Shukaeva i sem'ya; 2024. 296 p. (In Russ.). <https://elibrary.ru/pnnbfd>
3. Neshkov S.V. The image of the future as a means of destabilizing the internal political situation in Russia. *Political science issues*. 2021;69(5):1435–1438. (In Russ.). DOI: 10.35775/PSI.2021.69.5.014
4. Brodovskaya E.V., Parma R.V., Lukushinc V.A., Sklyarova N. Yu. Destructive informational and psychological influence on Russian youth in social media (based on roundtable discussion materials). *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):12–18. (In Russ.) DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-12-18
5. Seleznyov P.S., Titov V.V., Barzhaev R.R. Quality of life as a factor in maintaining the national-state identity steadiness. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):17–21. (In Russ.). DOI:10.26794/2226-7867-2024-14-1-17-21
6. Galas M.L. Peculiarities of the political consciousness and behaviour of Russian youth in a turbulent world order. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(1):111–121. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-1-111-121
7. Shestopal E.B. Image of an ideal future: Russians' normative concepts of authorities. *Tomsk state university journal*. 2021;(464):99–112. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/464/12
8. Dombrovskaya A. Yu., Ognev A.S. Measuring the image of the Russia's future among Russian youth: Cognitive science and cybermetrics for the political study. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(3):128–134. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-128-134

9. Kurapova A.S., Kurapov S.V. First-year students have ideas about the “Russia of the future” (based on the materials of the seminar classes of the course “Fundamentals of Russian statehood”). *Information — Communication — Society*. 2024;1:218–222. (In Russ.). <https://elibrary.ru/aeahnwf>
10. Ilyicheva M.V. The image of the country’s future in the views of Russian students: Transformation in the face of changes and crisis shocks. *Izvestiya Tula State University*. 2023;(3):39–56. (In Russ.). DOI: 10.24412/2071-6141-2023-3-39-56
11. Shaikhislamov R.B., Asadullina G.R., Sadretdinova E.V. The image of Russia of the present and the future in the ideas of youth: Semantic themes in the context of new challenges and opportunities. *Society and Security Insights*. 2023;6(1):13–31. (In Russ.). DOI: 10.14258/SSI(2023)1–01
12. Shinkevich V. Ye. The experience of teaching the course “Fundamentals of Russian Statehood” in the context of the formation of patriotism among students of higher education. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy otkrytoj akademii*. 2024;(53). (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/iezsoo>
13. Komarovskiy V.S. Vision of the future of the country by Russian youth: Hopes and fears. *Vlast’*. 2021;(5):187–194. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v29i5.8556
14. Boyko P. Ye., Galustiyants G.L. About the philosophical and historical content of the course “Fundamentals of Russian Statehood”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;474(4):85–90. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2023-474-4-85-90
15. Shlyapina S.F., Pomazkina V.M., Gryaznykh A.D. The course “Fundamentals of Russian Statehood” as a way to preserve historical memory. *World of innovation*. 2023;27(4):111–118. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/knwxfw>
16. Borzova T.A. Return to the origins: On approaches to teaching the course “Foundations of the Russian Statehood” in higher school. *Мир науки, культуры, образования*. 2023;101(4):138–142. (In Russ.). DOI: 10.24412/1991-5497-2023-4101-138-142
17. Davydenkova A.G., Vasilenkova A.A. Philosophical and ideological issues in the academic discipline “Principles of Russian Statehood”. *Science. Society. State*. 2024;12(2):139–148. (In Russ.). DOI: 10.21685/2307-9525-2024-12-2-14
18. Babina O.I., Nikulenkova V.V. Methods of teaching seminar classes the course “Fundamentals of Russian Statehood”. *The Newman in Foreign Policy*. 2023;5(74):25–29. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/ausgiu>
19. Machanek A.B. The values of the Russian worldview in the content of the discipline “Foundations of Russian statehood”. *The Tidings of the Baltic State Fishing Fleet Academy: Psychological and pedagogical sciences*. 2024;(2):36–40. (In Russ.). DOI: 10.46845/2071-5331-2024-2-68-36-40
20. Belogorskaya L.V., Pavlova O.A., Mykalova E.E. Analysis of the level of satisfaction of students with the course “Fundamentals of Russian Statehood”. *Bulletin of Pedagogical Sciences*. 2024;(4):120–124. (In Russ.). DOI: 10.62257/2687-1661-2024-4-120-124
21. Poteryaeva O.B. Communicative and value aspects of teaching methods of the course “Fundamentals of Russian Statehood”. *Problems of modern pedagogical education*. 2023;(81–3):254–257. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/jmndcl>
22. Salimgareev M.V. Problematic aspects of the course “Fundamentals of Russian Statehood” in a methodological context. *Upravlenie ustojchivym razvitiem*. 2024;(1):114–119. (In Russ.). DOI: 10.55421/2499992X_2024_1_114
23. Rybakov S.V. Prerequisites for the creation, goals and objectives of the course “Fundamentals of Russian Statehood”. *Almanac Cossacks*. 2024;(74):98–107. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/gtfcqs>
24. Shlyapina S.F. Model of pedagogical support of spiritual self-determination of a person as one of the basis for designing the course “Foundations of the Russian Statehood”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(10):79–85. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-79-85
25. Galimyllina N.M., Vagaeva O.A. The introduction of the discipline “Fundamentals of Russian Statehood” into university curriculum: students’ attitude and teaching methods. *Scientific-methodological electronic journal “Koncept”*. 2024;(4):235–250. (In Russ.). DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11054
26. Yurkina N.N. Formation of components of the course “Fundamentals of Russian Statehood” for pedagogical universities. *Prepodavatel XXI vek*. 2023;(3–1):11–19. (In Russ.). DOI: 10.31862/2073-9613-2023-3-11-19
27. Osin R.S. Ideological and theoretical-methodological provisions of the course “Fundamentals of Russian Statehood”: Critical analysis. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2024;(2):74–79. (In Russ.). DOI: 10.24158/fik.2024.2.9
28. Fidarova K.K., Alabekova S.V., Pogossova K.L. The use of interactive methods of work in the implementation of the discipline “Fundamentals of Russian Statehood” (on the example of universities in the north Caucasus federal district). *Cultural World*. 2024;12(36):183–188. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/ctmmuj>

29. Nikulenkov V.V., Babina O.I. Methods of teaching seminar classes the course "Fundamentals of Russian Statehood". *The Newman in Foreign Policy*. 2023;6(75):25–36. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/ungqng>
30. Galanina N. The role and significance of the discipline "Fundamentals of Russian Statehood" for general humanitarian training of civil servants. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*. 2024;(1):245–246. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/mkysqv>
31. Gulyaev A.A. The importance of a new discipline "Fundamentals of Russian Statehood" in universities. *Vlast'*. 2023;31(5):100–103. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9785
32. Zorina E.M., Kuzmin A.V. Legal culture of students as a result of interactivity of seminars on the discipline "Fundamentals of Russian Statehood". *Sociology and law*. 2023;15(4):493–502. (In Russ.). DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-493-502
33. Borzova T.A. Discipline "Fundamentals of Russian Statehood" as a basic educational potential of the educational process of modern high school. *The world of science, culture and education*. 2024;(3):42–45. (In Russ.). DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-42-45
34. Koroleva L.V. The training course "Fundamentals of Russian Statehood" through the eyes of a political scientist. *Political science issues*. 2024;14(3):1163–1171. (In Russ.). DOI: 10.35775/PSI.2024.103.3.038
35. Shirokova M.A. Civilizational approach in the content of the course "Fundamentals of Russian Statehood". *Current culture*. 2024;(1):1–12. (In Russ.). <http://journal.asu.ru/cc/article/view/15021>
36. Babaeva A.V., Shmeleva N.V., Makarova A.O. "Fundamentals of Russian Statehood": The experience of implementing a training course at the university. *Innovacii v obrazovanii*. 2024;(8):26–34. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/rcnrc>
37. Saratovtseva N.V., Bernaz M.D., Monakhov D.D. The course "Fundamentals of Russian Statehood" and its place in the educational process of higher education. *Sociosphere*. 2024;(2):194–196. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/rkrwmd>
38. Lapina I. Yu. Worldview principles of russian civilization in the course "Fundamentals of Russian Statehood". *Klio*. 2023;(10):214–226. (In Russ.). DOI: 10.51676/2070-9773_2023_09_214
39. Makarova E.O. The course "Fundamentals of Russian Statehood" as a tool of political socialisation of youth. *Pedagogika sovremennosti*. 2023;(3):27–31. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/pptkec>
40. Astafyev D.A., Godovova E.V. Introduction of the discipline "Fundamentals of Russian Statehood" into the educational process: Experience of the orenburg state pedagogical university. *Vestnik Saratovskogo oblastnogo instituta razvitiya obrazovaniya*. 2024;(2):52–57. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/rxlmeu>
41. Zamolotskikh E.G., Likhacheva E.V., Ognev A.S. Multimodal game modeling as a tool for the formation and development of universal competencies. *World of education — education around the world*. 2024;(1):124–133. (In Russ.). DOI: 10.51944/20738536_2024_1_124
42. Batkolina V.V., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Ognev A.S. Application of game sand modeling in educational activities of modern universities: Factors of effectiveness. *Vestnik of the Russian New University*. 2024;(3):76–85. (In Russ.). DOI: 10.18137/RNU.V925X.24.03.P.076
43. Zamolotskikh E.G., Likhacheva E.V., Ognev A.S., Nikolaeva A.S. Moscow: Mul'timodal'noe igrovoe modelirovanie v kontekste sovremennyh global'nyh vyzovov [Multimodal game modeling in the context of modern global challenges]. Izdatel'stvo «Sputnik +»; 2024. 127 p. (In Russ.). DOI: 10.25633/6890-6.
44. Fang J., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Ognev A.S. 2023;176(8):129–137. Peculiarities of using multimodal game modeling in the during training of higher qualified staff. *Human capital*. 2023;176(8):129–137. (In Russ.). DOI: 10.25629/HC.2023.08.15
45. Ognev A., Likhacheva E. Implementation of positive subjectivity genesis in higher education system. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2014;11(2):51–67. (In Russ.). <https://psy-journal.hse.ru/2014-11-2/132382405.html>
46. Zernov V.A., Lobanova E.V., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Dymarchuk D.D., Yesenin D.S., Mizin N.V., Ognev A.S., Rudenko M.Y., Galoi N.Y., Sudarikova A.R. Cardiometric evidence data on human self-control of emotional states in the context of the use of metaphoric associative cards. *Cardiometry*. 2020;(16):55–61. DOI: 10.12710/cardiometry.2020.16.5561
47. Likhacheva E.V. Ognev A.S., Kazakov K.A. Hardiness and purposes in life of modern Russian. *Middle East Journal of Scientific Research*. 2013;14(6):795–798. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.14.6.2138
48. Zernov V.A., Lobanova E.V., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Ognev A.S., Rudenko M. Yu. Cardiometric confirmations of psychotherapeutic effectiveness of psychological sand modeling. *Cardiometry*. 2021;(19):38–42. DOI: 10.18137/cardiometry.2021.19.3842

49. Rozenova M.I., Ognev A.S., Likhacheva E.V., Ekimova V.I. Methods for evaluating the effectiveness of sandplay therapy for adults. *Journal of modern foreign psychology*. 2022;11(4):61–72. (In Russ.). DOI: 10.17759/jmfp.2022110406
50. Rozenova M.I., Ognev A.S., Ekimova V.I., Kokurin A.V. Modern anti-stress technologies in extreme and helping professions. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2023;12(3):19–30. (In Russ.). DOI: 10.17759/jmfp.2023120302

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Александр Сергеевич Огнев — доктор психологических наук, профессор, заместитель директора, Институт гуманитарных технологий и социального инжиниринга, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия; главный научный сотрудник, Центр политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Alexandr S. Ognev — Dr. Sci. (Psychol.), Prof., Deputy Director, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia; Senior Research Fellow, Centre for Political Studies Financial University, Moscow, Russia; Leading Research Fellow, INION RAS, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2944-6615>

asognyov@fa.ru

Анна Александровна Сучилина — доцент, заместитель декана по учебной и учебно-методической работе, кафедра политологии, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Anna A Suchilina — Assoc. Prof., Deputy Dean on educational and educational-methodical work, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-0513-2331>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

AASuchilina@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.12.2024; принята к публикации 27.02.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 29.12.2024; accepted for publication on 27.02.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-20-29

УДК 378.046:32(470+571)(045)

Видеопроект как форма организации самостоятельной работы современного российского студента в рамках дисциплины «Основы российской государственности»

В.Н. Табак

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Реализация новой учебной программы в рамках курса «Основы российской государственности» осуществлялась в изначально негативной информационной и психологической среде, с целым рядом предубеждений, характерных для студентов и их родителей, в связи с нежеланием выступать в роли объектов «идеологического» влияния, о чем свидетельствуют разнообразные социологические исследования и опросы. Этот вызов, заключающийся в изначальном антагонизме среды (обучающиеся и их родители) и действующего лица (педагога) является интеллектуальным вызовом для педагогов, которым доверено чтение курса «Основы российской государственности», наделенного очевидной идеологической и воспитательной миссией. Вместе с тем, профессиональные обязанности требуют от преподавателя рассматривать упомянутый вызов как педагогическую задачу, в связи с чем вопрос о выборе метода преподавания дисциплины является одним из ключевых и существенных в деле успешной реализации курса и, в конечном итоге, достижения государственной задачи – формирования патриотически настроенной активной личности студента, связывающего свое будущее с развитием страны. В течение двух лет этот метод использовался автором статьи как факультативная форма организации самостоятельной работы студентов; апробация метода позволила сформировать наблюдения относительно целесообразности, ограничений и перспектив его использования в образовательном процессе. **Ключевые слова:** видеопроект; Основы российской государственности; методика преподавания; самостоятельная работа студента

Для цитирования: Табак В.Н. Видеопроект как форма организации самостоятельной работы современного российского студента в рамках дисциплины «Основы российской государственности». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):20-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-20-29

ORIGINAL PAPER

Video Project as a Form of Organizing Independent Work of a Modern Russian Student within the Framework of the Discipline “Fundamentals of Russian Statehood”

V.N. Tabak

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The implementation of the new curriculum within the framework of the course “Fundamentals of Russian Statehood” was carried out in an initially negative informational and psychological environment, with a number of presuppositions characteristic of students and their parents, due to their unwillingness to act as objects of “ideological” influence, as evidenced by various sociological studies and surveys. This challenge, which consists in the initial antagonism of the environment (students and their parents) and the actor (teacher), is an intellectual challenge for teachers who are entrusted with reading the course “Fundamentals of Russian Statehood”, endowed with an obvious ideological and educational mission. At the same time, professional duties require the teacher to consider the mentioned challenge as a pedagogical task, and therefore the question of choosing a method of teaching the discipline is one of the key and essential in the successful implementation of the course and, ultimately, achieving the state goal of forming a patriotic, active student’s personality, linking his future with development. countries. Teachers using the video project method note that it is one of the most effective teaching methods at the university, aimed at visualizing the learning process through student reflection and multimodality. For two years, this method was

used by the author of the article as an optional form of organizing student's independent work; the approbation of the method made it possible to form observations regarding the expediency, limitations and prospects of its use in the educational process.

Keywords: video project; Fundamentals of Russian statehood; teaching methods; student's independent work

For citation: Tabak V.N. Video project as a form of organizing independent work of a modern Russian student within the framework of the Discipline "Fundamentals of Russian Statehood". *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):20-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-20-29

ВВЕДЕНИЕ

С сентября 2023 г. в программе обучения студентов всех специальностей введена новая дисциплина — «Основы российской государственности» (далее — ОРГ).

О необходимости разработки и внедрения ОРГ было заявлено 22 декабря 2022 г. на заседании Государственного Совета, посвященном вопросам реализации молодежной политики в современных условиях¹. Курс был разработан в рамках проекта «ДНК России», который направлен на учебно-методическое и научно-исследовательское сопровождение государственной политики в области просвещения, высшего образования и молодежной политики. Курс призван помочь в противоборстве с информационными атаками, с фальсификацией истории, способствовать просветительской деятельности среди российской молодежи [1, с. 13–14].

Правовую основу, как обосновывающую введение курса, так и определяющую в некоторой степени его содержание, составляет ряд нормативных правовых актов^{2, 3, 4, 5}.

Также, по нашему мнению, к указанному списку нормативных актов следует отнести Концепцию внешней политики Российской Федерации, определяющую Россию как самобытное государство-цивилизацию, обширную евразийскую и евро-тихоокеанскую державу, сплотившую русский народ и другие народы, составляющие

культурно-цивилизационную общность Русского мира⁶.

Целью ОРГ, согласно концепции УМК, является «формирование у обучающихся системы знаний, навыков и компетенций, а также ценностей, правил и норм поведения, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности, формированием духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности, осознающей особенности исторического пути российского государства, самобытность его политической организации и сопряжение индивидуального достоинства и успеха с общественным прогрессом и политической стабильностью своей Родины»⁷.

Согласно циркулярному письму заместителя министра науки и высшего образования курс ОРГ направлен «на формирование у обучающихся развитого чувства гражданственности и патриотизма»⁸. Как отмечают исследователи, ОРГ призвана формировать у обучающихся пятую универсальную компетенцию, которая согласно ФГОС 18 ВО обеспечивает способность студента «воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах» [2, с. 17–18].

В то же время проведенный в 2023 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опрос о том, что думают россияне об ОРГ, продемонстрировал результаты, требующие вдумчивой и осторожной работы с методическим инструментарием курса.

Наиболее скептически к новой дисциплине отнеслись молодые люди 18–24 лет — каждый четвертый из их числа заявил о нежелании (26%) и безразличии (25%) к предмету⁹. Кроме того, во-

¹ Заседание Государственного Совета. URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/70169>

² Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>

³ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534>

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>

⁷ Письмо Министерства науки и высшего образования РФ от 21.04.2023 № МН-11/1516-ПК «О направлении проекта концепции модуля»

⁸ Там же.

⁹ Можно ли научить государственности? wciom.ru. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mozhno-li-nauchit-gosudarstvennosti> (20.09.2023).

преки замыслу авторов инициативы, возлагающих на новую дисциплину в том числе идеологические и воспитательные функции, для россиян она прежде всего представляется источником новых знаний для студентов. Так, 32% среди назвавших курс нужным, считают, что польза от введения учебного предмета состоит в первую очередь в получении дополнительных знаний о своей стране, 24% — об истории, 17% считают, что предмет будет способствовать патриотическому воспитанию учащихся. Таким образом, данные опроса могут свидетельствовать о расхождении в целевых ориентирах и ожиданиях от данного курса у педагогов, с одной стороны, и у студентов и их родителей, с другой. Как пишет в своей статье М.А. Широкова, «общедидактической закономерностью является [...] необходимость совпадения целей преподавателя с целями учащихся, без этого не приходится говорить об эффективности обучения» [3].

Более подробно ценностные установки молодежи представлены в исследовании ВЦИОМ, проведенном в 2020 г. Так, более 70% опрошенной молодежи поколения «зумеров» (20 лет и младше), которые в контексте преподавания курса являются целевой аудиторией, находят либеральную идеологию симпатичной, православно-державная же идеология наименее симпатична молодежи — всего 19% считают ее симпатичной, более 56% безразличны к ней, 25% относятся негативно¹⁰. При этом к наполнению православно-державной идеологии авторы опроса отнесли традиции, духовность, цивилизацию и возвышение России в мире, т.е. все те позиции, которые заложены в проекте ДНК России.

В контексте изучаемого вопроса показательны данные анкетирования, проведенного под руководством доктора политических наук, профессора кафедры политологии С.В. Расторгуева в рамках государственного задания по теме «Политическая самоидентификация молодежи как фактор социального протеста в современной России». Респондентами опроса стали представители российской молодежи в возрасте от 14 до 35 лет из 20 субъектов Российской Федерации. По результатам опроса, наименее влиятельными с точки зрения политического участия являются коллеги и учителя. При этом 16% готовы перейти к деструктивному участию в политике в случае значительного снижения качества

жизни населения, а 15% — при навязывании властью решений через применение силы и шантажа.

Данные указанных опросов свидетельствуют, что реализация новой учебной программы осуществляется в изначально негативной информационной и психологической среде, с целым рядом предубеждений, которые есть у студентов, а также у взрослого поколения. Важно превратить этот очевидный вызов в педагогическую, а значит, творческую и научную задачи.

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ВЫБОР РЕЛЕВАНТНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ

Современные студенты, с точки зрения возрастной психологии относящиеся к юношескому возрасту, обладают специфическими чертами социального поведения и определенным уровнем интеллектуального развития, что необходимо принимать во внимание при разработке методики курса. В частности, следует помнить, что в возрасте 15–17 лет студенты делают первые шаги в освоении профессиональных знаний и во многом от успешности этих шагов зависит их самооценка, готовность к продолжительному, интенсивному учебному труду и итоговый результат по освоению всей образовательной программы. Зачастую студент, ориентированный на узкую специализацию, рассматривает общеобразовательные дисциплины как дополнительную нагрузку, которую необходимо пройти для получения знаний в интересующей его области. Решением данной проблемы по изменению установки, которая не позволяет вовлечь студента не в имитационную деятельность, а в качественную работу, будет выстраивание связей между общеобразовательной дисциплиной и непосредственно личностью студента, заинтересованного в ином рода знаниях, а также предложение увлекательных, в том числе игровых форматов работы на практических (семинарских) занятиях.

Установление доверительного и доброжелательного отношения между преподавателями и студентами в процессе освоения ОРГ является критически важным, с учетом политической роли курса. Помимо обладания широкими междисциплинарными знаниями в области политологии, истории, социологии, конституционного права преподаватель курса должен быть готов выступить в роли ментора, старшего «товарища», поддерживающего тех, кто сомневается или откровенно не разделяет ценности курса, соответствующие ценностям современного

¹⁰ Федоров В. Ценности современного российского общества. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-07-20_Cennosti_sovremennogo_rossii_skogo_obshchestva_Fedorov.pdf

российского государства. Психологическая сторона взаимодействия преподавателя и студента как на занятиях, так и за их пределами, личность преподавателя, для которого преподавание ОРГ является не только работой, но и в определенной мере личной миссией, формирует крепкий фундамент для позитивного контакта и в дальнейшем — восприятия своей собственной активной и созидательной роли в будущем страны. В качестве ролевой модели педагог может взять в качестве руководящего принципа идею, изложенную в философской системе Конфуция и заключающуюся в необходимости личным примером создавать образец поведения для студентов. Значительным преимуществом будет наличие в опыте самого преподавателя неких событий, ситуаций, связанных с гражданским выбором и соответствующими принятыми им решениями, которые демонстрировали бы желаемое политическое поведение. В рамках курса студенты могут делиться своим опытом общественного или политического участия, своими достижениями, необходимо поощрять подобного рода рассказы, так как они обладают высоким потенциалом воспитательного воздействия в студенческих группах. Вовлечение студентов в конструктивные активности за пределами аудитории также является дополнительным инструментом формирования связей, которые помогают совместно двигаться к общим образовательным целям.

Важной характеристикой студентов, в силу юношеского возраста большинства из них, является активное формирование абстрактного мышления, узнавание новых и закрепление уже известных понятий. Для этого предлагается также использовать игровые методы (наподобие «Крокодила», когда студенту даются ключевые общественно-политические термины и словосочетания, он демонстрирует их через пантомиму, а аудитория отгадывает слова). Эта игра позволяет студенту проявить себя с творческой стороны, способствует формированию ассоциаций с ключевыми понятиями курса на уровне физического тела и эмоций, вызывает непременно ажиотаж и интерес у большинства студентов и «разряжает» обстановку в сложных группах, где студенты изначально не настроены положительно к самой идее ОРГ и слабо интересуются историей и политикой.

Современный студент стремится к поиску себя в социальной иерархии, и этот процесс редко бывает простым. В опыте у некоторых студентов отсутствуют модели поведения, демонстрирующие

их готовность к взрослой ответственной жизни. Решением этой педагогической задачи является использование метода моделирования как комплексного краткосрочного, но эффективного приема по формированию способности играть определенную профессиональную роль — в контексте курса, сопряженную с государственной деятельностью. В рамках модели Государственного Совета, Государственной Думы, Администрации Президента, Правительства РФ студенты фактически берут на себя роль ответственного за судьбы других людей лиц. Следует учитывать, что реализация данной модели требует многочасовой подготовки как от преподавателя, разрабатывающего концепцию и общий сценарий, так и от студентов, которые должны изучить позиции ключевых стейкхолдеров модели, подготовить выступления, подготовиться к дискуссии. Рекомендуемое время для проведения модели — 2 смежных семинарских занятия, из которых первое занятие посвящается «официальной части», а «второе» — дискуссиям, выработке решений, подведению итогов.

Сложности, связанные с юношеством, обуславливают «срединную» позицию педагога, который, с одной стороны, создает психологический комфорт для освоения дисциплины и в целом успешного обучения, а с другой, должен делать это, не снижая требований к результатам освоения новых знаний.

Важной характеристикой современных студентов является практически постоянное использование средств информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), что также является важной информацией для учета при планировании методов обучения, в связи с чем предлагается рассмотреть метод видеопрокта как один из наиболее перспективных и интересных с точки зрения обучающихся.

ВИДЕОПРОЕКТ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТА. МЕСТО В ИЕРАРХИИ МЕТОДОВ

В иерархии методов обучения метод видеопрокта является разновидностью проектного метода, который, в свою очередь, может использоваться как форма самостоятельной работы студента.

В целях лучшего понимания изучаемого метода определим каждый из элементов данной иерархии, основываясь на наработках ученых и экспертов-практиков.

Самостоятельная работа — это вид деятельности обучающихся, основанной на внутренней мотивации, осуществляемый при аудиторной

и внеаудиторной работе, нацеленный на формирование общекультурных и профессиональных компетенций, носящий междисциплинарный интегративный характер, реализуемый на всех этапах образовательного процесса под руководством преподавателя на основе интерактивного взаимодействия с обучающимися в условиях применения информационных и коммуникационных технологий (определение Е.В. Рогалевой) [4, с. 482].

Эксперты отмечают, что весьма эффективной формой внеурочной (внеаудиторной) деятельности студентов вузов является проведение творческих и научных конкурсов по изучаемым дисциплинам. При этом наибольшая эффективность может быть достигнута при объединении творчества и науки. Именно при их единстве в значительной степени проявляются основные стратегические линии развития личностной активности обучающихся (физический, социальный и познавательный виды активности) [5].

Метод проектов имеет своей целью обучение умениям и навыкам проблематизации, целеполагания, выдвижения гипотез, структурирования и систематизации, планирования и организации мышления и деятельности по решению разнообразных теоретических и практических задач» (определение Н.Ю. Пахомовой) [6, с. 79].

Проектная деятельность способствует развитию самообразовательной компетенции и таких интеллектуальных умений, как умение работать с информацией, находить ее, извлекать главные идеи из текста, обобщать, анализировать, делать выводы [6, с. 482]. Метод проектов способствует формированию готовности студентов к осуществлению научно-исследовательской деятельности [5].

В этой связи проектную технологию можно рассматривать как эффективный образовательный инструмент в формате онлайн-обучения, поскольку выполнение проектного задания стимулирует студентов к самостоятельной работе, приобретению новых практических лингвистических и социокультурных знаний и развитию навыков критического мышления для поиска нестандартных решений [7, с. 124].

Исследователи А.Г. Широколобова, Н.И. Долгова рассматривают метод видеопрокта как системную педагогическую технологию, при которой студент самостоятельно осуществляет детальную разработку исследовательской проблемы (задачи), представляемой в форме видеоролика (2–5 мин), а сам видеопроект как способ организации учеб-

ной деятельности студента, направленный на формирование исследовательских, организационных и самообразовательных компетенций посредством создания видеоролика [8, с. 33–34].

По виду деятельности технология видеопрокта относится к практико-ориентированным видам проектов, т.е. носит прикладной характер и содержит реальный результат деятельности — видеоролик [4, с. 483]. Это важно, поскольку дает возможность получить осязаемый результат собственной работы не в отложенной перспективе, а к завершению обучения дисциплине.

Функциональное определение видеопрокта позволяет относить его к форме проектной деятельности (разновидности), формам самостоятельной внеаудиторной работы студента, форме творческого самовыражения, форме развития мультимодальных компетенций студента, в том числе и профессиональных, форме мотивации познавательной деятельности через синтез науки и творчества, а также видеть в нем междисциплинарное задание [8, с. 33].

АКТУАЛЬНОСТЬ МЕТОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЕНЫХ, ПРАКТИКОВ

Метод создания видеопрокта как самостоятельной работы студента (школьника) не является новым словом в педагогике. Тем не менее количество научных статей, содержащих методические разработки данного метода, не велико, что говорит о все еще неактивном использовании данного метода, о его скорее избирательном применении — часто для развития лингвистических компетенций при обучении иностранному языку, либо для развития медиакомпетенции у студентов соответствующих специальностей. Это удивительно, с учетом того, что в отечественной педагогике утвердилось мнение, что развитие навыков, связанных с использованием ИКТ, является обязательным для всех специалистов, независимо от профиля подготовки. Современное поколение студентов-диджиталов, живущее в визуальном мире, мало читает книг, практически не смотрит телевизор и 90% информации получает из интернета.

Преподаватели, использующие метод видеопрокта (или — в другой терминологии — технологию студенческого видеопрокта), отмечают, что он является одним из эффективных методов обучения в вузе, направленным на визуализацию учебного процесса через студенческую рефлексию и мультимодальность [7, с. 124].

Понятие мультимодальности обозначает комбинацию различных семиотических систем в текстах (например, речь, письмо, изображение, жест). Мультимодальность в актах коммуникации проявляется разными способами и осуществляется не только через устную или письменную речь, но и посредством жестов, осанки, мимики, фотографий, видеоизображений, мемов и пр. Мультимодальный текст может быть не только бумажным — например, книги, комиксы, плакаты, но и цифровым, представленным в виде слайд-презентаций, цифровых нарративов, электронных книг, блогов, электронных постеров, веб-страниц и социальных сетей, а также анимации, фильмов, видеоигр [7, с. 125].

ЗНАЧЕНИЕ И СПЕЦИФИКА МЕТОДА ВИДЕОПРОЕКТА

Создание самостоятельного обучающего видеоконтента и авторских презентаций студентами, по мнению Е.А. Димитровой и С.В. Ладаускас, позволяет одновременно решать несколько педагогических задач:

- усилить обучающий эффект,
- сформировать устойчивую мотивацию,
- расширить общий и профессиональный кругозор,
- активизировать самостоятельную учебную и познавательную деятельность [9, с. 101].

Применение технологии видеопроектов в учебном процессе интенсифицирует усвоение знаний и приобретение навыков [4, с. 482].

В рамках такого вида проекта деятельность должна быть строго структурированной и запланированной заранее. С другой стороны, технология видеопроекта также является и творческим процессом, что в большей степени отвечает мотивации, интересам и потребностям студента. В рамках творческого проекта деятельность невозможно строго структурировать на этапах планирования и создания видеопроекта, так как он постепенно видоизменяется согласно интересам участника (–ов) проекта [6, с. 483]. В этом проявляется диалектическая природа видеопроекта и многоаспектность его как образовательного метода.

По мнению П.А. Васильевой, к основным преимуществам проектной технологии следует отнести следующие:

- 1) повышает мотивацию к обучению, так как проектные задания направлены на эмоционально-чувственную сторону восприятия и получения знаний;

2) облегчает процесс обучения и восприятия учебного материала, так как он представлен в упрощенной визуальной форме;

3) вовлекает студентов в творческий учебный процесс, в котором студент может выступать в роли соучастника создания «учебного продукта», а не быть его «пассивным потребителем»;

4) способствует развитию навыков критического мышления и медийной грамотности;

5) обеспечивает интегративность и междисциплинарность обучения [7, с. 127].

Недостатки этой формы работы:

- творческий проект предполагает отсутствие строгих критериев оценки и известную степень субъективности, что вызывает зачастую вопросы у студентов;
- задание не предполагает обучение студентов навыкам создания видеороликов, что может вызывать определенные трудности;
- высокая трудозатратность.

Данную форму работы рекомендуется использовать тем преподавателям, у которых есть опыт создания или участия в видеопроектах. Эти преподаватели должны обладать соответствующей компетенцией в области видеопроизводства и быть готовыми объяснить причины снижения оценки.

ТЕХНОЛОГИЯ ВИДЕОПРОЕКТА И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Ю.В. Жидяева выделяет следующие этапы в работе над видеопроектом:

- 1) подготовительный; 2) творческий; 3) аналитический; 4) технический; 5) демонстрационный; 6) рефлексивный [4, с. 483].

П.А. Васильева описывает 4 этапа работы над созданием студенческого видеопроекта:

- 1) вводный или учебно-ознакомительный;
- 2) аналитический;
- 3) деятельностный;
- 4) рефлексивный или оценочно-результативный [7, с. 127–128].

Также П.А. Васильева предлагает трехзвенный подход к определению этапности видеопроекта, ориентированный на тезаурус, используемый студентами, а также представляющий собой общую технологическую схему для реализации любых студенческих проектов:

- подготовка проекта;
- реализация проекта;
- демонстрация, обсуждение, оценка проекта.

Подготовка проекта предполагает определение темы и примерного содержания видеоролика. На данном этапе студент (или творческая группа студентов) должен определиться с тем, что вызывает его особенный интерес. В принятии решения о выборе темы нередко учитываются и утилитарные факторы, например, студенты стараются выбирать объекты для съемок, которые территориально близки и не требуют серьезных временных затрат на передвижение. В контексте преподавания ОРГ тема видеопроекта может вписываться в область таких понятий, как «Россия», «культура», «история», «достижения», «общественная польза», «суверенитет» и т.д.

Реализация проекта — максимально сложный для студента, с точки зрения технологии проведения, этап, включающий в себя содержательный и технический аспекты. Содержательный этап предполагает продумывание сюжета, написание текста, подбор иллюстративного материала, съемку, монтаж. В отдельных случаях этап монтажа занимает большую часть этапа реализации проекта. Важно, учитывая то, что не у всех студентов одинаковые способности в быстром освоении новых цифровых навыков, задавать минимальную планку для хронометража видео — до 3 минут, действуя по принципу «лучше меньше, да лучше».

С точки зрения «стрессогенности» процесс демонстрации, обсуждения и выставления оценок занимает, очевидно, верхние позиции. На этом этапе роль преподавателя крайне важна как наставника, который умеет найти лучшее в каждой работе, но не стесняется указать и на недостатки подобной деятельности. Важно обеспечить психологическую поддержку тем студентам, которые испытывают стеснение в публичных выступлениях, а таких ребят на первых курсах достаточно много. Следовательно, логичным решением будет проведение предварительной работы на семинарских занятиях в различных форматах, которая направлена на развитие компетенции публичных выступлений. Защиту видеопроекта следует оставлять на период завершения курса.

ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТ СТУДЕНТОВ

Метод видеопроекта был предложен автором статьи как форма самостоятельной деятельности студента в 9 группах, изучавших Основы российской государственности на английском языке. Представленные видеоролики можно распределить по качеству проведенной работы на следующие типы.

1. Простые в исполнении видеоролики, составленные из фотоматериалов (слайдов) и закадрового текста. При этом ролики могут быть разной степени проработанности по содержанию, но зачастую этот способ создания видеоролика используют, когда по тем или иным причинам студент не хочет появляться в кадре.

2. Видеоролики, в которых студент, имеющий хорошо развитые коммуникационные навыки, свободно излагает мысли, однако нередко такие видеоролики скупы по привлекаемому материалу и малосодержательны.

3. Сложносоставные видеоматериалы, включающие и фото, и видео, однако могут быть мелкие недочеты в монтаже или содержании материала.

4. Максимально сбалансированные по содержанию и форме видеоролики, где форма не превалирует над содержанием, использование тех или иных приемов оправдано и гармонично.

Исходя из качества представленного контента, можно говорить и о той роли, которую студенты берут на себя при выполнении задания.

Стоит отметить, что значительная часть студентов по тем или иным причинам оказалась не готова к такой форме работы (например, студенты с высокими баллами не были заинтересованы в осуществлении дополнительной трудозатратной самостоятельной работы) — индифферентные.

Вторая категория студентов — сделавшая проекты по принципу наименьшего сопротивления (например, несколько студентов использовали один и тот же культурный объект — Музей Финансового университета), в расчете на минимальную оценку. Причем по такому принципу действовали не только средние по успеваемости, но и некоторые отличники. В такого рода «ленивых работах» прослеживается поверхностность и недоработка содержания, превалирует сам автор. Например, две работы выделялись на фоне других — они были подготовлены студентами со свободным владением английским языком, однако оказались бедны по дополнительно привлеченному материалу.

Третья категория — потрудились выполнить задание, но им не хватило художественной проработки проекта.

Часть студентов подошла к работе со всей ответственностью — поработав много с источниками информации или создав действительно ценный с художественной точки зрения видеоролик. За такими работами много труда: подбор

фоновой музыки, содержания, иллюстраций, сведение этого всего к некоторому единообразию и целостности.

СИСТЕМА И ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНИВАНИЯ ВИДЕОПРОЕКТА.

ОШИБКИ ПРИ ПЕРВИЧНОЙ АПРОБАЦИИ

К основным упущениям при первичном использовании метода стали: отсутствие подробных методических рекомендаций по подготовке видеоработ и заранее озвученных критериев оценивания, а также исключение этапа совместной рефлексии по просьбе некоторых студентов, не готовых к публичной защите своей работы. В практике автора ряд студентов отказались от публичной защиты проектов, и преподаватель принял решение оценить работы студентов и дать обратную реакцию в режиме тет-а-тет посредством электронной переписки через корпоративный портал. Впрочем, по завершении этого рода работы, в устной форме были подведены общие итоги и даны рекомендации для всех. При повторной апробации эти недостатки были преодолены.

По итогам апробации было принято решение о коррекции методики оценки видеопрокта. Авторский подход заключается в выставлении интегральной оценки как среднего арифметического между оценкой, которую дадут студенты, и оценкой преподавателя, при этом предлагается оценить по 10-балльной шкале следующие параметры работ:

- оценка работы автора (выступающего в роли блогера, репортера или диктора);
- оценка содержания видеоролика (выбор темы и ее воплощение);
- качество видеодорожки (качество монтажа, кадров, трудоемкость процесса).

В тоже время следует сказать, что в качестве оцениваемых параметров Ю.В. Жидяева предлагает рассматривать в том числе:

- объем и полноту видеопрокта, его логичность, завершенность;
- сформированность навыка самопрезентации: культура речи, манера подачи информации, чувство времени, умение удерживать внимание аудитории;
- актерские навыки, уровень эмоционального воздействия на аудиторию;
- качество видеоматериала: качество видеоряда, звука, рисунков и текста на видео, монтажа;
- участие в дискуссии: убежденность, дружелюбие, полнота и аргументированность ответов

на вопросы аудитории, умение вести дискуссию (если проект выносится на обсуждение) [4, с. 484–485].

Выбор параметров оценки необходимо осуществлять с учетом задач, стоящих перед студентами, осваивающими конкретную дисциплину.

ВЫВОДЫ

Автор предлагаемой методики в процессе изучения теоретического материала, а также в процессе апробации метода пришел к следующим выводам:

1. Несмотря на наличие ряда упущений в первичной организации самостоятельной работы студентов в целом использование метода следует считать оправданным с точки зрения тех задач, которые стоят перед курсом в целом, прежде всего, с точки зрения формируемых компетенций. Это способ создать эмоциональную связь между «я» студента и понятием страны через активное формирование смыслов, так как рассказать о чем-то — форма нарратива. В этой связи студент становится частью культуры России (в широком смысле) которая воспроизводит себя через ретрансляцию идей, смыслов, событий, фактов.

2. Создание видеопрокта способствует формированию максимальной личной вовлеченности студента в работу, создает чувство собственной значимости, сопричастности российской истории и культуре, студент примеривает на себя роль создателя, что соответствует идее личностного развития, активного и деятельностного.

3. Создаваемый студентом контент становится отличным способом для последующей само-рефлексии и самоидентификации студента и как гражданина (с учетом общей тематики проекта), и как юного профессионала; умение и готовность увидеть себя со стороны — сильнейший стимул для последующих преобразований личности.

4. Метод предполагает серьезные временные затраты, связанные с обдумыванием и реализацией проекта, в том числе и освоением новых цифровых компетенций, поэтому рекомендуется выделять 1–2 месяца на подготовку этого вида работы.

5. Следует оставить данный метод как факультативный, не допуская обязательности в работе над видеопроком, сохраняя в ее основе принцип свободы творчества.

6. Для многих молодых людей привлекательна идея блогерства — новое направление в медиасфере, которое интересно молодежи, это способ сочетать полезное с приятным и интересным, но

в то же время требующий приложения значимых временных и трудовых ресурсов (продумывание проекта, подбор материалов, запись, монтаж). Студент выступает одновременно в роли режиссера, диктора, актера.

7. Предполагаемая максимальная степень персональной вовлеченности в проект со стороны студента практически сводит на нет формальное отношение к заданию, хотя и не исключает его (что продемонстрировала первичная апробация методики). Для предупреждения подобной ситуации следует тщательно продумать поощрительную систему, которая не создавала бы ситуации «охоты за баллами» в качестве ведущего мотива подобной деятельности. Ведущим мотивом должно стать стремление к развитию, обретению новых компетенций. При этом «побочным» (но для преподавателя — одним из целевых) результатом применения метода должно стать укрепление социальных, когнитивных связей студента со своей страной через конкретные артефакты ее истории и культуры.

8. Метод видеопрокта как частный вид проектного метода позволяет преподавателю по-новому взглянуть на аудиторию. В опыте преподавателя студенты, не проявлявшие ак-

тивности при использовании традиционных методов работы, сумели проявить свои лучшие качества — дисциплинированность, ответственность, качественную проработку материала, продемонстрировать художественный вкус и авторское видение отдельных сюжетов российской истории и культуры.

Также автор сформулировал новые педагогические гипотезы, которые были положены в основу дальнейшей проработки метода:

1) оказание содействия студентам на всех этапах работы над видеопроектом в роли *супервайзера, наставника* позволит улучшить персональные достижения в этом проекте;

2) включение *совместной рефлексии* относительно полученных результатов по завершении проекта позволит достичь одной из образовательных задач применяемого метода — развитие цифровых компетенций;

3) совместное оценивание студентами и преподавателями видеопрокта позволит достичь большей объективности в выставлении баллов за творческую работу, а также усилит ответственность студентов за успех друг друга, что должно способствовать коллективному сплочению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилова В.В. Основные проблемы преподавания нового курса «Основы российской государственности» в вузах. IX Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина. Сборник материалов чтений (Пермь, 04–06 октября 2023 года). Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний; 2023:13–16.
2. Никитин А.Ф. Курс «Основы российской государственности» в высшей школе: проблемы и перспективы. Педагогический дизайн в образовании. Периодический сборник научных и методических материалов студентов, магистрантов и преподавателей. Москва: ООО Издательский дом «Научная Библиотека»; 2023:16–23.
3. Широкова М.А. К вопросу о целях и содержании политического образования в современной России (на материале курса «Основы российской государственности»). *Социодинамика*. 2023;(10):109–119. DOI: 10.25136/2409–7144.2023.10.44072
4. Жидяева Ю.В. Видеопроект по иностранному языку как технология организации самостоятельной работы обучающихся в неязыковом вузе. *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2022;(5):481–486.
5. Савва Л.И., Савва В.А. Приемы активизации студентов вуза на лекциях, практических и лабораторных занятиях. Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. Сб. ст. по матер. XI междунар. науч.-практ. конф. Часть I. Новосибирск: СибАК; 2011. URL: <https://sibac.info/conf/pedagog/xi/25893> (дата обращения: 08.01.2024).
6. Пахомова Н.Ю. Метод учебного проекта в образовательном учреждении: пособие для учителей и студентов педагогических вузов. Москва: АРКТИ; 2008. 112 с.
7. Горохова Н.Э. Психолого-педагогическая практика использования художественной литературы как средство интеллектуального развития студентов. В монографии: Современные университетские дискурсивные практики: лингвистический и психолого-педагогический аспекты. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет; 2023:54–74. <https://www.elibrary.ru/altarg>

8. Широколобова А.Г., Долгова Н.И. Видеопроект как форма самостоятельной работы студентов по дисциплине «Иностранный язык» в неязыковом вузе. *Открытое и дистанционное образование*. 2019;(1):33–38. DOI: 10.17223/16095944/73/4
9. Димитрова Е.А., Ладаускас С.В. Конкурс научных видеофильмов и презентаций как средство активизации познавательной деятельности студентов вузов: опыт проведения. *Вестник Российской правовой академии*. 2020;(3):697–101. DOI: 10.33874/2072-9936-2020-0-3-97-101

REFERENCES

1. Gavrilova V.V. The main problems of teaching the new course “Fundamentals of Russian Statehood” in universities IX Pedagogicheskie chteniya, posvyashhenny`e pamyati professora S.I. Zlobina: Sbornik materialov chtenij (Perm, October 04–06, 2023) Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service; 2023:3–16. (In Russ.).
2. Nikitin A.F. The course “Fundamentals of Russian Statehood” in higher education: Problems and prospects. *Pedagogicheskij dizajn v obrazovanii: Periodicheskij sbornik nauchny`x i metodicheskix materialov studentov, magistrantov i преподавателей*. Moscow: OOO Izdatel'skij dom “Nauchnaya Biblioteka”; 2023:16–23. (In Russ.).
3. Shirokova M.A. On the question of the goals and content of political education in modern Russia (based on the course “Fundamentals of Russian Statehood”). *Sociodynamics*. 2023;(10):109–119. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409–7144.2023.10.44072
4. Zhidyaeva Yu.V. A video project on a foreign language as a technology for organizing independent work of students in a non-linguistic university. *Pedagogy. Theory & Practice*. 2022;(5):481–486. (In Russ.).
5. Savva L.I., Savva V.A. Methods of activating university students in lectures, practical and laboratory classes. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii: sb. st. po mater. XI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Chast' I*. Novosibirsk: SibAK; 2011. URL: <https://sibac.info/conf/pedagog/xi/25893>
6. Pakhomova N.Y. Metod uchebnogo proekta v obrazovatel'nom uchrezhdenii: posobie dlya uchitelej i studentov pedagogicheskix vuzov. Moscow: ARKTI, 2008; 112 p. (In Russ.).
7. Gorohova N.E. Psycho-pedagogical practice of using fiction as a means of intellectual development of students. In monograph: Modern university discursive practices: Linguistic and psycho-pedagogical aspects. St. Petersburg: St. Petersburg State Economic University; 2023. p. 54–74. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/altyrg>
8. Shirokolobova A.G. Video project as a form of independent work of students in the discipline “Foreign language” in a non-linguistic university. *Open and distance education*. 2019;(1):33–38. (In Russ.). DOI: 10.17223/16095944/73/4
9. Dimitrova E.A., Ladauskas S.V. Competition of scientific videos and presentations as a means of activating the cognitive activity of university students: Experience of carrying out. *Bulletin of the Russian Law Academy*. 2020;(3):97–101. (In Russ.). DOI: 10.33874/2072-9936-2020-0-3-97-101

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Вера Николаевна Табак — ассистент, кафедра политологии, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Vera N. Tabak — assistant, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0005-6649-9865>

vntabak@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.12.2024; принята к публикации 27.02.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 29.12.2024; accepted for publication on 27.02.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-30-38
УДК 378.046:32(470+571)

Лучшие практики реализации курса «Основы российской государственности» (по материалам веб-сайтов университетов)

В.А. Лукушин^а, А.Н. Асафов^{б,с}

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

^б Общественная палата Российской Федерации, Москва, Россия;

^с Российское общество «Знание», Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлен обзор лучших практик реализации курса «Основы российской государственности», введенного в образовательный процесс университетов с сентября 2023 г. Опыт реализации учебного курса в российских вузах демонстрирует разнообразие методов, технологий и конкретных практик в преподавании дисциплины. При этом учитывается, что курс обладает мировоззренческим характером, поднимает важнейшие элементы ценностной проблематики и направлен на формирование патриотических установок студенческой молодежи, их вовлечение в актуальную общественно-политическую повестку. На основании информационных материалов веб-сайтов университетов выделяются наиболее успешные образовательные практики, используемые при организации аудиторной и внеаудиторной работы с обучающимися в рамках реализации курса. Эффекты приведенных образовательных форматов обосновываются с учетом результатов специализированных опросов студентов, завершивших освоение дисциплины. Авторы подчеркивают значимость интерактивных и проактивных форм обучения, направленных на формирование устойчивого интереса студентов к содержанию курса, а также мотивированию обучающихся к конкретной деятельности непосредственно в ходе освоения учебной дисциплины.

Ключевые слова: Основы российской государственности; российская государственность; высшее образование; патриотизм; патриотическая повестка; информационные потоки; молодежная политика; российские университеты

Для цитирования: Лукушин В.А., Асафов А.Н. Лучшие практики реализации курса «Основы российской государственности» (по материалам веб-сайтов университетов). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):30-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-30-38

ORIGINAL PAPER

Best Practices in Implementing the Course “Fundamentals of Russian Statehood” (Based on Materials from University Websites)

V.A. Lukushin^а, A.N. Asafov^{б,с}

^а Financial University, Moscow, Russia;

^б Civic Chamber of the Russian Federation, Moscow, Russia;

^с Znanie, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents an overview of the best practices in implementing the course “Fundamentals of Russian Statehood”, introduced into the educational process of universities since September 2023. The experience of implementing the course in Russian universities demonstrates a variety of methods, technologies and specific practices in teaching the discipline. At the same time, it is considered that the course has an ideological character, raises the most important elements of value issues and is aimed at forming patriotic attitudes of student youth, their involvement in the current socio-political agenda. Based on the university information websites, the most successful educational practices used in organizing classroom and extracurricular work with students as part of the course are highlighted. The effects of the given

educational formats are substantiated considering the results of specialized surveys of students who have completed the course. The authors emphasize the importance of interactive and proactive forms of teaching aimed at forming students' sustainable interest in the course content, as well as motivating students to specific activities directly in the course of mastering the academic discipline.

Keywords: Fundamentals of Russian Statehood; Russian statehood; higher education; patriotism; patriotic agenda; information flows; youth policy; Russian universities

For citation: Lukushin V.A., Asafov A.N. Best practices in implementing the course "Fundamentals of Russian Statehood" (based on materials from university websites). *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):30-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-30-38

ВВЕДЕНИЕ

В период усиления международной напряженности и трансформации геополитических отношений происходит переоценка приоритетов государственной политики в сфере образования. Значительное внимание сегодня приковано к новым поколениям россиян, находящимся в эпицентре внешнего давления, глобальной борьбы за их мировоззрение, которое становится основной мишенью системных действий недружественных государств. С начала 2022 г. Российская Федерация столкнулась с беспрецедентным по своим масштабам и технологичности внешним информационным давлением на молодежь, образовательную систему, образовательные организации, педагогическое сообщество. В подобных условиях базовым направлением развития национальной системы образования является ее суверенизация, т.е. формирование образовательного суверенитета, который предусматривает совершенствование и органичное развитие современного российского образования с учетом уникального собственного опыта [1].

В качестве ответа на перечисленные вызовы с 1 сентября 2023 г. во всех высших учебных заведениях Российской Федерации запущен мировоззренческий курс «Основы российской государственности». Новая дисциплина реализуется на первом курсе образовательных программ высшего образования вне зависимости от направлений подготовки студентов. Новая дисциплина разработана и включена в учебные программы вузов в соответствии с поручением Президента РФ Владимира Путина по итогам заседания Госсовета, состоявшегося 22 декабря 2022 г. Дисциплина направлена на формирование у обучающихся системы знаний, навыков, умений и ценностей, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу и развитием чувства гражданственности [2]. Курс призван продемонстрировать всеобъемлющий духовно-нравственный и культурный фундамент российской

государственности, особенность исторического пути ее развития и самобытности политической организации, а также показать взаимосвязь личного достоинства и успеха с общественным прогрессом и политической стабильностью своей Родины. Как показал опрос ВЦИОМ, две трети россиян считают новый учебный курс нужным (68%). При этом 7 из 10 россиян хотели бы, чтобы их дети или внуки освоили курс «Основы российской государственности» (72%). По данным социологов, молодые люди 18–24 лет (42%) чаще других поколений (28–35%) считают, что молодежь должна знать историю своей страны¹.

Опыт реализации учебного курса в российских вузах демонстрирует разнообразие методов, технологий и конкретных практик в преподавании дисциплины [3]. При этом необходимо учитывать, что курс обладает мировоззренческим характером, поднимает важнейшие элементы ценностной проблематики и направлен на формирование патриотических установок студенческой молодежи, их вовлечение в актуальную общественно-политическую повестку. Это обстоятельство ограничивает использование традиционных подходов к организации и преподаванию курса, а также классической системы оценки знаний и навыков обучающихся. В основу методики преподавания курса, по мнению специалистов, должны быть заложены познавательные и формирующие механизмы, а также интерактивные и мультимедийные средства обучения, мотивирующие студентов к реальной деятельности. Разработанные методические рекомендации по реализации курса «Основы российской государственности» постулируют, что важно использовать такие формы взаимодействия с обучающимися, чтобы они были включены в работу и обсуждение, а также имели возможность задать вопросы и получить

¹ URL: <https://wciom.ru/expertise/kratkii-kurs-rossiiskoi-gosudarstvennosti-za-i-protiv>

открытые, честные, содержательные ответы. Разработчики курса призывают своих коллег к честности и открытости, апеллируя тем, что именно эти качества вызывают уважение среди молодежи, в сознании которой прочно укоренились шаблонные представления, политические мифы и стереотипы. В настоящей статье представлен обзор лучших практик преподавания курса «Основы российской государственности», реализованный на материалах официальных веб-сайтов отечественных университетов.

МЕТОДИКА

Настоящий обзор осуществлен на основе показателей вовлеченности аудитории в информационные материалы, публикуемые на официальных сайтах российских вузов. Уровень вовлеченности пользователей в онлайн-повестку университетов может отражать результативность используемых профессорско-педагогическим составом приемов и методов обучения при реализации курса «Основы российской государственности» и указывать на эффективность тех или иных методик [4]. Иными словами, прослеживается определенная взаимосвязь между показателями вовлеченности и эффективностью работы высших учебных заведений в подготовке специалистов, являющихся высококвалифицированными профессионалами, с одной стороны, и духовно-нравственными гражданами, осознающими уникальность и самобытность культурного, исторического, политического и социально-экономического развития государства, идентифицирующими себя с культурным кодом страны — с другой [5].

Помимо вовлеченности в контент, публикуемый на сайтах вузов, учитывалось мнение студентов, освоивших дисциплину «Основы российской государственности» и прошедших итоговую аттестацию. Это дало возможность проследить отношение обучающихся к курсу, а также выявить наиболее успешные и результативные практики реализации дисциплины, которые маркируются студентами как наиболее интересные и занимательные, вовлекающие в содержание курса и влияющие на их восприятие себя в контексте формирования общегражданской идентичности.

Реализация нового курса обусловлена его программой и единообразна, сведена к обсуждению тем в рамках пяти установленных блоков. Однако, 18–20 часов внеаудиторной нагрузки в рамках курса предполагают активные формы

взаимодействия с обучающимися вне учебных занятий. Это предоставляет возможность преподавателям проявить творческую инициативу, разработать формы деятельности, вовлекающие студентов в образовательный процесс и в ход обсуждения актуальных вопросов, затрагивающих общенациональные, общекультурные, политические, исторические аспекты российской государственности. В ходе проведенной работы акцентируется особое внимание именно на этой части реализации курса, так как уникальность каждого конкретного случая представляет исследовательский интерес.

Результатами проведенного обзора стало выявление нескольких групп образовательных и методических практик, использующихся при реализации курса «Основы российской государственности», и зарекомендовавших себя как наиболее востребованные.

ОРГАНИЗАЦИЯ КРУГЛЫХ СТОЛОВ И КОНФЕРЕНЦИЙ

Такой метод реализации курса подразумевает организацию тематических мероприятий с докладами научного или научно-практического профиля. Как правило, такие мероприятия являются специализированными и посвящены конкретной проблеме или явлению общественно-политической жизни. Зачастую круглые столы и конференции посвящаются конкретным памятным датам. Обратимся к примеру Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, где в ноябре 2024 г. состоялся круглый стол «Широка страна моя родная», в рамках которого студенты Института прокуратуры УрГЮУ и студенты Луганского юридического института (филиала) приняли участие в обсуждении многообразия, уникальности культурных традиций и неповторимости политического, исторического и экономического развития регионов России². Важным является тот факт, что в ходе обсуждения акцентировалось внимание на изменениях, происходящих на общенациональном уровне внутри страны, влияющих на развитие как всей страны в целом, так и отдельных регионов в частности. При этом основным вектором развития, способствующим происходящим трансформациям в обществе, является построение правового

² URL: <https://www.usla.ru/news/shiroka-strana-moya-rodnaya/>

государства на базе развитого гражданского общества, где главная ценность — права и свободы человека. Помимо прочего, круглый стол как форма реализации курса вовлекает студентов младших курсов в научную деятельность, приучает к культуре научного мышления и нормам научного сообщества.

ДЕБАТЫ, ДИСКУССИИ, ДИСПУТ-ЛЕКЦИИ, ДЕЛОВЫЕ ИГРЫ, КЕЙС-СТАДИ

Данный формат является одним из наиболее распространенных при построении практических занятий в рамках курса. В ходе проведения деловых игр, дебатов, диспут-лекций, дискуссий студенты в большей степени вовлекаются в обсуждение проблемных тем и принимают участие в диалоге, учатся, с одной стороны, отстаивать свою точку зрения, а с другой стороны — принимать во внимание аргументацию оппонентов. Примечательно, что проведение дебатов в нередких случаях является инициативой самих студентов, что иллюстрирует пример Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, где обучающиеся первого курса исторического факультета стали главными организаторами дебатного турнира «Диспуты» между обучающимися разных структурных подразделений вуза³. Безусловно, такой формат проведения образовательных интерактивных мероприятий, при котором студенты полноценно вовлекаются в его организацию и участвуют в обсуждении неоднозначных, спорных исторических и политических вопросов, способствует более глубокому и детальному пониманию уникальности отечественной истории, культурных и цивилизационных особенностей развития страны, поскольку погружает студентов в суть довольно сложных проблем, имеющих различные трактовки. Позитивные эффекты подобного образовательного формата связаны не только с формированием практических навыков ведения дискуссии и аргументации своей позиции, но и способностью обращаться к деталям, учитывать различные позиции, слушать и слышать других людей.

Не менее востребованными в рамках курса являются диспуты-лекции. Они предоставляют студентам возможность не только получить новые знания, но и активно их обсудить, высказать свое

мнение и познакомиться с различными точками зрения. Примером реализации такого формата стала практика Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского, где в преддверии празднования Великой Победы для студентов-первокурсников кафедры философии, истории и политологии была организована диспут-лекция «Не смолкнет слава тех великих лет»⁴. Первой темой, предложенной для обсуждения в рамках мероприятия, был доклад о влиянии внутриполитических процессов в каждой отдельной стране в 1930-е гг. на глобальные международные процессы и ход мировой истории. Обсуждение вопросов и тем, затронутых в рамках диспут-лекции, позволило подчеркнуть влияние политических событий и динамики международных отношений накануне Великой Отечественной войны на современные геополитические процессы. По итогам мероприятия участники сошлись на мнении о важности сохранения и защиты исторической памяти и исторической правды для гражданской идентичности россиян.

ПОСЕЩЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ, ЭКСКУРСИЙ, ВЫСТАВОК, ПАМЯТНЫХ И ЗНАЧИМЫХ МЕСТ

Данный формат интересен и важен как для обучающихся всей страны, поскольку предполагает знакомство с историей, культурой, традициями разных регионов большой страны. В ходе таких внеаудиторных мероприятий как правило проводится параллель между развитием региона и отечественной историей, и культурой в целом, подчеркивая важность многообразия, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия. Это позволяет студентам почувствовать причастность как к культуре, традициям, истории родного края, так и ощутить национальную идентичность, сплоченность, не утрачивая при этом собственную уникальность. Подобные мероприятия направлены главным образом на формирование в сознании молодых людей понимания ценности и значимости собственного региона в масштабах развития всей страны.

Обозначенный формат широко используется учебными заведениями и применяется в ходе реализации курса «Основы российской государ-

³ URL: <https://kc.cfuv.ru/главный-специалист-координационног-4/>

⁴ URL: https://brgu.ru/news/konkurs_studencheskikh_issledovatel'skikh_proektov_prezentatsiy_velikaya_otchestvennaya_voyna_v_isto/?sphrase_id=36463

ственности». Например, студенты НИТУ МИСИС в рамках семинарских занятий посетили Музей современной истории России⁵. Занятия на базе музея были специально разработаны сотрудниками для обучающихся из 10 столичных вузов и включили в себя обсуждение тем, связанных с историей государственной символики, административного устройства, достижениями отечественной науки. Занятия выстроены таким образом, что студенты на первом этапе познакомились с уникальными музейными коллекциями, рассказывающими о важнейших событиях и ярких личностях отечественной истории с середины XIX в. до наших дней, а затем выполняли самостоятельные задания на экспозиции, направленные на углубленное изучение исторических источников.

Студенты Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве РФ в рамках дисциплины «Основы российской государственности» посетили обновленный Молодежный центр-музей имени адмирала Нахимова с обзорной экскурсией «Смоляне в истории флота»⁶. В рамках посещения данной выставки было акцентировано внимание обучающихся на значимых, ярких личностях Смоленщины, победы и достижения, которые вошли в историю и способствовали развитию не только родного края, но и всей страны.

В Волгоградском государственном техническом университете также активно применяется эта модель реализации курса «Основы российской государственности»⁷. В частности, студенты первых курсов в рамках изучения регионального компонента дисциплины и участия в создании проекта виртуальной площадки «Краеведческий калейдоскоп» посетили экспозицию «Себряковы с реки Медведицы» в Михайловском краеведческом музее. Выставка отражает вклад представителей донской аристократии в развитие округа и рассказывает о важности поддержки своего региона для каждого жителя: не обязательно обладать внушительным состоянием для того, чтобы заботиться о своем родном крае, иногда

достаточно базовых вещей, отвечающих описанию человека, который любит и уважает свою Родину, готов трудиться и развиваться на благо своей страны.

Студенты Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича посетили экскурсию в Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда, организованную профессорско-преподавательским составом кафедры социально-политических наук факультета социальных цифровых технологий университета⁸. Посещение упомянутой экскурсии в рамках курса было выбрано небезосновательно: для всех, кто связан с Санкт-Петербургом, история города значима и памятна, а влияние блокады Ленинграда на жителей и культурное прошлое региона, гражданственную и национальную идентичность невозможно переоценить. Это связующая нить, определяющая региональную общность, потрясающая ужасающей мощью и глубиной скорби ленинградцев и всей страны в целом.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ, ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИКТАНТЫ

Такой способ реализации курса «Основы российской государственности» направлен на просвещение обучающихся в конкретных областях знаний и часто используется для передачи знаний и наиболее интересных фактов о географии, природе, истории России. Например, в Братском государственном университете студенты первого курса приняли участие в Большом этнографическом диктанте⁹. Данный просветительский проект познакомил обучающихся с культурой народов, проживающих в России, а также позволил оценить общий уровень этнокультурной грамотности. Помимо этого, диктант стал дополнительной проверкой знаний по дисциплине «Основы российской государственности», первый раздел которой рассматривает в том числе и особенности культуры, быта народов и народностей Российской Федерации, а через региональный компонент и малочисленных народов Иркутской области.

⁵ URL: <https://sovrhistory.ru/data/news/2024/09/vuz/index.php>

⁶ URL: <http://www.fa.ru/fil/smolensk/News/2024-10-11-4.aspx>

⁷ URL: https://www.vstu.ru/university/press-center/news/obrazovanie/studenty_sf_volggtu_znakomyatsya_sistoriey_rodного_kraya/?sphrase_id=296947

⁸ URL: <https://www.sut.ru/bonchnews/public-life/08-12-2023-fakultet-sct-organizoval-ekskursiu-v-muzey-blokadi-leningrada>

⁹ URL: <https://brstu.ru/14081-proshel-bolshoj-etnograficheskij-diktan>

ПРИГЛАШЕННЫЕ СПИКЕРЫ

Данный формат также широко используется в ходе реализации дисциплины и предполагает приглашение известных и наиболее интересных для освоения темы спикеров. Это позволяет глубже раскрыть конкретную проблему, особенно если использовать формат ответов на вопросы студентов. Например, в УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева в рамках дисциплины «Основы российской государственности» прошла акция «Встреча с героем»¹⁰. Подобные встречи являются значимыми и информативными для молодого поколения, поскольку в ходе живого, открытого, непринужденного диалога студенты имеют возможность задать вопросы, обсудить острые темы и сформулировать собственное отношение к актуальным событиям прошлого и настоящего, культурным, экономическим и научным победам нашей страны с опорой на аргументацию спикеров, чье мнение является авторитетным в силу их общепризнанных заслуг и достижений. Такие формы взаимодействия важны, поскольку приглашенные спикеры являются ярким человеческим примером, иллюстрирующим служение Родине, стремление к ее развитию и процветанию.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СТУДЕНТАМИ

Для формирования полноценной картины о реализации курса «Основы российской государственности», обоснования его необходимости и своевременности, в том числе с целью обозначения лучших методик преподавания курса, важно обратиться к мнению студентов, изучающих данную дисциплину. Например, С.А. Зайцева в статье «Восприятие учебного курса «Основы российской государственности» студенческой молодежью московских университетов (по результатам глубинного исследования)» на основании проведенных индивидуальных глубинных интервью приходит к выводу о большей позитивной оценке и лояльном отношении респондентов к курсу ОРГ и заинтересованности студентов в его посещении, чем о негативном и протестном настроении в отношении указанной дисциплины. Методика исследования заключалась в проведении социологического исследования (30 глубинных интервью со студентами первых курсов различных московских вузов) для изучения

восприятия студентами преподаваемого курса «Основы российской государственности» [6].

Основываясь на мнении респондентов, можно заключить, что в студенческой среде возникает двоякое отношение к курсу: с одной стороны, молодежь уверена, что данная дисциплина актуальна, ее введение в курс обязательных обосновано и является необходимым, так как позволяет обучающимся восполнить недостающие пробелы в школьной программе и углубить знания в области истории России, ее национальных отличий, особенностей политического устройства и культурного прошлого; с другой стороны, курс вызывает недоверие и опасение, связанные с навязыванием определенного образа мысли, пропаганды идей и ценностей, декларируемых официальной повесткой без разъяснения смысловой сути их содержания. Во многом негативное отношение к курсу может быть связано с методикой преподавания курса: студенты открыто заявляют, что преподаватель является едва ли не ключевым условием для проявления интереса к тем аспектам, которые предполагает курс. Выясняется, что «сухое» изложение материала, подача его «сверху» воспринимается как продиктованное сверху мнение, за несогласие с которым последуют санкции, в то время как активное обсуждение в ходе занятий, совместная постановка острых и не всегда однозначных вопросов в отношении исторического, политического, культурного прошлого и настоящего нашей страны и поиск ответов на них вызывает отклик у студентов, дает повод задуматься о национальной идентичности и гордиться историческим опытом своей страны.

Статья Н.А. Галимуллиной и О.А. Вагаевой «Внедрение дисциплины «Основы российской государственности» в образовательный процесс высшей школы: восприятие обучающимися и методика преподавания» предлагает вниманию результаты исследования, демонстрирующие отношение студентов к курсу и оценку методик преподавания, реализуемых в рамках дисциплины. Методика исследования, проводимого авторами, предполагала онлайн-анкетирование. В анкете представлены восемь вопросов, часть которых предполагает выбор, ограниченный вариантами ответа, предложенными разработчиками, другие дают возможность дополнить представленные варианты собственной версией объяснения своей позиции. Опрос проводился по окончании курса, что дало возможность

¹⁰ URL: <https://www.usla.ru/news/aktsiya-vstrecha-s-geroem>

студентам сформировать мнение относительно его содержательного наполнения и методик преподавания и быть более честными в ответах на вопросы [7].

В качестве результатов исследования представлены ответы обучающихся на вопросы. В частности, студентам было предложено оценить по 5-балльной шкале, насколько оправдались их ожидания от изучения дисциплины «Основы российской государственности». 62% опрошенных ответили, что полностью удовлетворены полученным на занятиях результатом, 24,3% — вполне удовлетворены. 8,1% респондентов отметили результаты изучения дисциплины «Основы российской государственности» как удовлетворительные. У оставшихся 5,2% студентов ожидания от изучения курса не оправдались. Важно подчеркнуть, что сами ожидания от курса у студентов формировались стихийно, поскольку общественное мнение неоднозначно отнеслось к введению дисциплины, а значит, ожидания были основаны на разных точках зрения, мнении окружения, анонсах содержания дисциплины и общем названии.

Важно обратить внимание на то, что при ответе на вопрос «Что из представленных факторов повлияло на Ваше впечатление относительно пройденной дисциплины?» студентам было предложено выбрать не более трех вариантов ответа и лидировал вариант «Диалог между преподавателем и студенческой аудиторией в процессе проведения занятий» (75,1%). Данный результат показывает значимость роли преподавателя в образовательном процессе, влияние его профессиональных и личных качеств на ход обучения и усвоения материала, несмотря на глобальную информатизацию во всех сферах общественной жизни. Первокурсники обратили внимание на интересное содержание дисциплины (49,1%), его полное соответствие предварительной информации о ней (39,9%).

Помимо этого, отвечая на вопрос «Какие средства обучения Вы считаете наиболее эффективными применительно к дисциплине “Основы российской государственности”?» (респондентам нужно было выбрать не более трех вариантов ответа), студенты отметили видеоролики (68,8%), дискуссию на заданную тему (61,3%), интерактивную онлайн-игру (41,6%) (соответствие традиционных народных костюмов и этносов и т.п.).

При ответе на вопрос «Какие разделы дисциплины Вы считаете наиболее важными для

изучения?» студенты определили самыми важными (поставив на 1-е место) «Российское государство-цивилизация» и «Политическое устройство России». Наиболее интересными для изучения были разделы «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации» и «Вызовы будущего и развитие страны». Наиболее сложными для восприятия оказались разделы «Политическое устройство России» и «Российское государство-цивилизация». Как мы видим, философские и политологические аспекты традиционно являются не только важными и значимыми, но и весьма сложными для восприятия и освоения молодежью.

Заметим, что, по результатам упомянутого исследования, 68,8% первокурсников убеждены, что основная польза от изучения предмета «Основы российской государственности» заключается в расширении имеющихся знаний по истории России. 39,9% респондентов отметили в качестве значимого результата обучения формирование чувства гордости за свою страну и свой народ, 39,3% — расширение имеющихся знаний по географии России, 34,7% — лучшее понимание геополитических процессов, происходящих в России и в мире, 33,5% — возможность узнать о государственных программах и национальных проектах, реализуемых в современной России.

ВЫВОДЫ

Лучшие практики реализации «Основы российской государственности» предполагают активное взаимодействие со студентами, включающее их в обсуждение проблемных и спорных тем. Более того, чем «острее» проблема, тем интереснее она для аудитории и тем больший показатель вовлеченности студентов в обучение. Это могут быть как деловые игры, дебаты, лекции-диспуты или мастер-классы на определенную тему, так и вопросно-ответные сессии с участием приглашенных спикеров. Данный тезис подтверждается опросами, проведенными среди студентов, завершивших освоение дисциплины. Обучающиеся отмечают активные формы преподавания как наиболее интересные, позволяющие смотреть на исторические, политические и геополитические вопросы «шире». Важно заметить, что немалую роль студенты отводят и личному вниманию преподавателя, его заинтересованности в проведении курса и готовности обсуждать острые и неоднозначные вопросы. Однако в том случае,

если преподавателю удастся заинтересовать студентов, преодолеть стереотип о «навязанности» курса, студенты говорят о значимости и пользе дисциплины для расширения кругозора, понимания исторических, культурных, географических, политических особенностей России и отмечают, что главным итогом освоения дисциплины для них стало чувство гордости за свою страну, фор-

мирование национальной идентичности и ощущение личной сопричастности с ее прошлым, настоящим и будущим. Кроме того, студенты отмечают высокую роль активного взаимодействия с преподавателем, возможность открыто выражать свое мнение, готовность обсуждать интересующие их вопросы, приветствуют интерактивные формы проведения занятий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. СклЯрова Н. Ю., Бродовская Е. В. Суверенизация национальной системы образования и воспитания в оценках молодежи, обучающейся в педагогических ссузах и вузах РФ. *Власть*. 2023;(2):9–14. DOI: 10.31171/vlast.v31i2.9516
2. Шатилов А. Б. Курс «Основы российской государственности» как составная часть государственной политики по формированию национальной идентичности и патриотизма у студенческой молодежи Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(2):24–29. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-24-29
3. Вилкова А. А. Теоретико-методологические основания изучения процесса восприятия студенческой молодежью мировоззренческих курсов вузов (на примере курса «Основы российской государственности»). *Общество: политика, экономика, право*. 2024;3(128):87–93. DOI: 10.24158/pep.2024.3.9
4. Парма Р. В. Продвижение патриотической повестки в социальных медиа среди российской студенческой молодежи. *Высшее образование в России*. 2024;33(1):44–67. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-44-67
5. Лукушин В. А., Кравчук И. Д. Патриотическая повестка в информационных потоках российских вузов: ключевые направления повышения эффективности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(6):15–21. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-6-15-21
6. Зайцева С. А. Восприятие учебного курса «Основы российской государственности» студенческой молодежью московских университетов (по результатам глубинного исследования). *Россия: общество, политика, история*. 2023;(4):111–131. DOI: 10.56654/ROPI-2023-4(9)-111-131
7. Галимуллина Н. М., Вагаева О. А. Внедрение дисциплины «Основы российской государственности» в образовательный процесс высшей школы: восприятие обучающимися и методика преподавания. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2024;(4):235–250. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11054

REFERENCES

1. Sklyarova N. Yu., Brodovskaya E. V. Sovereignty of the national system of education and upbringing in the assessments of young people studying in pedagogical secondary vocational schools and universities of the Russian Federation. *Vlast'*. 2023;(2):9–14. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v31i2.9516
2. Shatilov A. B. The Course “Fundamentals of Russian Statehood” as an integral part of a state policy to base national identity and patriotism within students in the Russian Federation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(2):24–29. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-24-29
3. Vilkova A. A. Theoretical and methodological foundations for studying the process of perception of university ideological courses by student youth (using the course “Fundamentals of Russian statehood” as an example). *Society. Politics. Economics. Law*. 2024;(3):87–93. (In Russ.). DOI: 10.24158/pep.2024.3.9
4. Parma R. V. Promotion of patriotic agenda in social media among Russian student youth. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2024; 33(1):44–67. (In Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-44-67
5. Lukushin V. A., Kravchuk I. D. Patriotic agenda in the information flows of Russian universities: Key areas of efficiency improvement. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(6):15–21. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-6-15-21
6. Zaytseva S. A. Perception of the course by the students of Moscow universities “Fundamentals of Russian Statehood” (based on the results of in-depth research). *Russia: Society, Politics, History*. 2023;(4):111–131. (In Russ.). DOI: 10.56654/ROPI-2023-4(9)-111-131

7. Galimullina N.M., Vagaeva O.A. Implementation of the discipline “Fundamentals of Russian Statehood” in the educational process of higher education: Perception by students and teaching methods. *Scientific and methodological electronic journal “Concept”*. 2024;(4):235–250. (In Russ.). DOI: 10.24412/2304–120X-2024–11054

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владимир Андреевич Лукушин — главный специалист Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, младший научный сотрудник Центра политических исследований, ассистент кафедры политологии факультета социальных массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Vladimir A. Lukushin — Chief Specialist of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Associate Researcher at the Center for Political Studies, Assistant Professor at the Department of Political Science, Faculty of Social Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

<https://orcid.org/0000-0001-6185-303X>

valukushin@fa.ru

Александр Николаевич Асафов — первый заместитель председателя комиссии по общественной экспертизе законопроектов, Общественная палата Российской Федерации, Москва, Россия; лектор, Российское общество «Знание», Москва, Россия

Alexander N. Asafov — First Deputy Chairman of the Commission for Public Expertise of Draft Laws, Civic Chamber of the Russian Federation, Moscow, Russia; Lecturer, Znanie, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0001-9368-5242>

asafov.alex@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.12.2024; принята к публикации 27.02.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 29.12.2024; accepted for publication on 27.02.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-39-44

УДК 008:39(470+571)(045)

Деколонизация сознания: необходимость и возможности

О.А. Матвейчев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается актуальная проблема формирования суверенной российской политологии, способной адекватно отражать исторический опыт и реалии страны. Особое внимание уделяется фундаментальным различиям между российской и западной политическими традициями, которые особенно ярко проявились в XX в. Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания концептуальной базы, отражающей специфику российского политического развития. **Цель.** Основной целью исследования является анализ роли государства и норм в политической системе России и Запада, а также выявление возможности применения западных политических концепций на российской почве. Дополнительной целью является исследование проблематики деколонизации сознания и формирования уникального российского политического дискурса. **Результаты.** В ходе исследования были получены следующие ключевые результаты: 1) выявлено, что западная политология, реагируя на опыт фашизма, склоняется к антиэтатизму и критике нормотворчества; 2) установлено, что российский опыт демонстрирует прямую связь между силой государства и достижениями страны; 3) проанализированы различия между фашизмом и коммунизмом, а также последствия разрушения государства в России 1917 и 1991 гг.; 4) исследована проблема деколонизации сознания, осложненная западным происхождением терминологического аппарата; 5) подтверждена особая роль индоевропейской цивилизационной матрицы в формировании отвлеченного мышления, философии и науки.

Выводы. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: 1) механический перенос западных политических концепций на российскую почву невозможен и методологически некорректен; 2) русская культура обладает уникальной способностью к синтезу западных и восточных традиций, что подтверждается исследованиями в области индоевропеистики; 3) для формирования основ российской государственности необходимо развивать собственные исследовательские направления, особенно в области фольклористики, палеогенетики и археологии; 4) особую значимость приобретает развитие отечественной школы индоевропеистики как инструмента формирования суверенного политического дискурса.

Ключевые слова: политология; российская государственность; цивилизационные различия; государство; деколонизация сознания; цивилизационная матрица; политический дискурс; суверенность

Для цитирования: Матвейчев О.А. Деколонизация сознания: необходимость и возможности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):39-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-39-44

ORIGINAL PAPER

Decolonization of Consciousness: Needs and Opportunities

O.A. Matveychev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Introduction. The article deals with the problem of forming a sovereign Russian political science that reflects the country's historical experience and realities. Special attention is paid to the fundamental differences between Russian and Western political traditions, especially pronounced in the 20th century. The relevance lies in creating a conceptual framework for Russian political development. **Purpose.** The main goal is to analyse the role of the state and norms in Russia and the West, and to explore the applicability of Western political concepts in Russia. An additional goal is studying decolonization of consciousness and forming a unique Russian political discourse. **Results.** The study revealed: 1) Western political science, reacting to fascism, tends towards anti-statism; 2) it was established that the Russian experience shows a direct

link between state strength and national achievements; 3) the differences between fascism and communism, as well as the consequences of state destruction in 1917 and 1991, were analysed, the study of decolonization complexity due to Western terminology was conducted; 4) the role of the Indo-European civilizational matrix in forming abstract thinking, philosophy, and science was confirmed. **Conclusions.** The research leads to several key conclusions: 1) mechanical transfer of Western political concepts to Russia is methodologically incorrect; 2) Russian culture uniquely synthesizes Western and Eastern traditions, as confirmed by Indo-European studies; 3) developing independent research areas in folklore studies, paleogenetics, and archaeology is crucial for Russian statehood foundations; 4) developing a national Indo-European studies school is essential for forming a sovereign political discourse.

Keywords: political science; Russian statehood; civilizational differences; state; decolonization of consciousness; civilizational matrix; political discourse; sovereignty

For citation: Matveychev O.A. Decolonization of consciousness: Needs and opportunities. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):39-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-39-44

ВВЕДЕНИЕ

Хотелось бы начать обсуждение с оценки роли, которую выполняет курс «Основы российской государственности». В 90-е гг. XX в. из России уехало огромное количество выпускников российских вузов естественнонаучных и технических специальностей. В связи с этим могло создаться впечатление, что российская система образования работает на Запад и огромные деньги, потраченные государством, уходят на то, чтобы молодежь уезжала из страны и пополняла ряды западной элиты.

Данные, которые имеются по «утечке мозгов», зависят от трактовки данного понятия. Одни авторы подразумевают под «утечкой мозгов» выезд из страны любых специалистов, имеющих высшее образование, а другие — выезд лишь тех граждан, которые имеют непосредственное отношение к науке и образованию. Выступая на заседании Совета Безопасности РФ в 2005 г., Президент РФ В.В. Путин сообщил, что с 1989 по 2001 г. Россию покинули более 100 тысяч ученых¹. Согласно оценке Н.С. Агамова и А.Г. Аллахвердян, основанной на подсчете ученых и преподавателей, которые покинули страну насовсем, за тот же период времени из России уехали около 45 тыс. чел. [1]. Л.К. Пипия и В.Е. Чистякова оценивают потери от «утечки мозгов» в страны дальнего зарубежья за период 2002–2015 гг. в диапазоне от 1,9 до 2,5 млн чел. с высшим образованием, в том числе не менее 729,6 тыс. докторов и кандидатов наук [2]. После же начала СВО в феврале-марте 2022 г., а также после объявленной мобилизации в сентябре 2022 г. страну по разным оценкам покинули от 500–800 тыс. до 1 млн чел².

¹ URL: <https://ria.ru/20050317/39536171.html>

² URL: <https://news.rambler.ru/sociology/51113740-glava-vtsioma-nazval-chislo-pokinuvshih-rossiyu-grazhdan-s-nachala-svo/>

Следует отметить, что покинувшие нашу страну специалисты легко осваивались за рубежом, в том числе благодаря отечественной системе образования. Несмотря на то, что на Западе российским университетам присваивали рейтинги, в которых они неизменно находились на низких позициях, а сами ученые на последних местах по НИОКР и научным публикациям в западных журналах, наши специалисты занимали хорошие позиции в Cisco, Boeing, Microsoft и других крупных корпорациях. О многом говорит тот факт, что в Силиконовой долине русский язык является родным для каждого десятого специалиста [3]. Все это указывает на то, что подобные рейтинги ориентированы на продвижение западных университетов и научных журналов, и наукометрия в них применяется для достижения именно таких целей [4].

Курс «Основы российской государственности» направлен в том числе на то, чтобы остановить эту тенденцию. Однако это лишь начало работы. Важно помнить, что помимо передачи научных знаний преподаватели должны воспитывать в студентах патриотизм и идеологию служения нашей стране и народу. Это первый тезис, который очень важен как для учебника, так и для курса в целом [5].

Также очень значимым является содержательное наполнение курса «Основы российской государственности», идеологического по своей сути и близкого политологии.

НОРМЫ, ГОСУДАРСТВО И ВЛАСТЬ: РАЗЛИЧИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОПЫТЕ РОССИИ И ЗАПАДА

Политология во многом опирается на практический опыт. При этом нужно отметить, что опыт нашей страны и западных государств, по крайней мере в XX–XXI вв., существенно различается. Сами большой опыт и шок для Запада — это шок

от прихода к власти Гитлера и его поражения во Второй мировой войне. Западные интеллектуалы устами Т. Адорно или П. Целана говорили, что после Освенцима нельзя мыслить. «В последней части «Негативной диалектики» Т. Адорно запрашивает современность: как можно писать стихи после Освенцима? Основной тезис его гласит: Освенцим является фактом тотальной культурной катастрофы Запада. Что это за время — после? Это не пост, не мета, это время, которое идет и сейчас, время, начавшееся сразу же после события, имя которому Освенцим» [6, с. 109].

Можно утверждать, что вся философия постмодернизма возникла как ответ на вызов: как предотвратить возникновение фашизма. В дальнейшем постмодернисты пришли к серьезному заключению: чтобы предотвратить возникновение фашизма, необходимо отменить нормы, поскольку фашизм отождествлялся с нормотворчеством в целом. Мы не согласны с такой постановкой вопроса. По нашему мнению, отождествление нормы и фашизма — это очевидная подмена понятий.

Понятие «нормы» или «меры», как ее называли еще в Древней Греции, — базовое понятие для всей западноевропейской философии и западноевропейской культуры. Дискуссии о том, что есть «мера», кем она задается, велись еще в ранней греческой философии. Нет ни одного греческого мудреца, который бы не высказывался о пользе меры. Очень важным в плане иллюстрации этого понятия является платоновское указание на фармакон (pharmakon). «Фармакея (Φαρμάκεια) — это также имя нарицательное, означающее потчевание снадобьем (φάρμακον): лекарством и/или отравой» [7], когда одна и та же трава или одно и то же зелье является лечебным и полезным в определенных дозах либо ядом в случае превышения дозы.

Можно утверждать, что определенные практики, применяемые в избыточных количествах, могут быть классифицированы как фашистские. Однако это не означает, что в умеренных дозах эти практики неизбежно приводят к фашизму. Любой негативный феномен должен быть сначала исследован на предмет того, не является ли сама его негативность всего лишь проявлением некой трансгрессии, некоего перехода через норму или через меру. Либо негативность имманентно присуща данному феномену и действительно феномен как таковой нуждается в искоренении.

В противном случае существует риск того, что вместе с негативными аспектами будут устранены и позитивные. В западной политологии существует тенденция к критике норм и нормотворчества, что приводит к отрицанию законов и государства как таковых. Однако важно понимать, что государство является одним из основных институтов, регулирующих общественные отношения и обеспечивающих стабильность. Поэтому западная политология в значительной степени заряжена антиэтатизмом.

Опыт российского государства в XX в., отмеченный двумя трагическими событиями 1917 и 1991 гг., свидетельствует о том, что государство в нашей стране было разрушено. Поэтому, в отличие от других стран, где поражение связывают с усилением государства, в России необходимо искать причины неудач в других факторах.

Например, в Германии Гитлер пришел к власти демократическим путем и сделал целые народы заложниками своего режима. В связи с этим в Германии считают необходимым создавать механизмы сдерживания и противовесов государственной власти.

В России же две трагедии были связаны с ослаблением государства, что привело к катастрофическим последствиям. В то же время наша главная победа в XX в. была достигнута благодаря сильному государству. [8].

В процессе изучения западной политологии, а также в процессе ее преподавания и популяризации в обществе, мы как бы примеряем на себя костюм, который не соответствует нашим особенностям и потребностям. Этот костюм может оказаться тесным и деформирующим. Конечно, можно провести аналогии между западным опытом и событиями XX в. В таком случае на Западе фигура Иосифа Сталина может показаться похожей на Адольфа Гитлера, а Освенцим похожим на ГУЛАГ. Однако проекты фашизма и коммунизма имеют существенные различия. Фашизм предполагает превращение всех наций в ресурсы для одной, в то время как коммунизм подразумевает, что одна нация жертвует собой ради свободы других наций. Если не понимать этих различий и воспринимать фашизм и коммунизм как одинаковые явления, то возникает искажение понимания истории, в том числе западной.

Немного углубляясь в историю, можно сказать, что не только XIX и XX вв., но и более ранняя история поражена серьезными искажениями.

Например, поиск аналогий европейскому рабству и крепостному праву привел к тому, что в истории России совершенно другие феномены стали называться «рабством» и «крепостным правом», хотя никаких правовых и бытийных аналогий к рабству того, что существовало в России, нет. Если говорить точнее, то нечто подобное крепостному праву в России существовало только в «просвещенный» XVIII в.

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ: ПОИСК НОВЫХ ПАРАДИГМ

Возвращаясь из истории в политологию, зафиксировав, что наша политология, если она хочет быть адекватной нашему опыту исторической действительности, должна быть этатистской. Это второй тезис, который относится к суверенизации нашей науки и курсу «Основы российской государственности».

Ну и последний, третий, тезис касается перспективных задач, о которых много сейчас говорится. Неоднократно А. Г. Дугин говорил о деколонизации нашего сознания. Это очень трудная задача, потому что мы все с вами используем западные термины, даже когда говорим о суверенитете. В своей книге «Суверенитет духа» [9], которая была написана 20 лет назад, я писал о необходимости деколонизации сознания, но тогда же мной было отмечено, что и сам термин «сознание» является западным, как и сам дискурс деколонизации: «Когда ищут, например, “призвание России” и “русскую идею”, тоже забывают или не знают, что концепция “призвания” была рождена в протестантской теологии Лютера, конститутивной для Запада, если верить Веберу. А слово “идея”, как уже было сказано, выдуманно Платоном — одним из отцов-основателей всего западноевропейского мира. Об этом надлежит вспоминать всякий раз, когда кто-то ругает Запад за его “материализм”, а Россию называет “идеократической цивилизацией”. Да, слово “материя” тоже западное (из Аристотеля), но это не отменяет того факта, что идеализм — вообще сущность Запада» [10, с. 120–121].

Таким образом, мы не можем сформулировать задачу, которая не была бы внутренне противоречивой, настолько это сложная задача. По крайней мере, за последние 20 лет нам не удалось найти убедительных примеров перехода к новым терминам, формулирования новых серьезных антизападных концепций и т.д.

РУССКАЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И ЕЕ ОСНОВАНИЯ В СВЕТЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Способность легко использовать как западные, так и восточные традиции является неотъемлемой частью российской культуры, частью культурного кода. Всечеловечность русской души отмечал не только А. С. Пушкин. Ф. М. Достоевский в речи о Пушкине писал: «Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому! Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полной любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и склонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное» [11, с. 129–149].

В свою очередь, А. Блок заявлял в своих «Скифах»:

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!
Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...³

Эта русская универсальность на самом деле имеет очень серьезные основания. Из существующих на сегодняшний день актуальных научных исследований наиболее интересными для «Основ российской государственности» будут исследования в области индоевропеистики [11, 12]. К огромному сожалению, она активно развивается не в России, а на Западе, где существуют авторитетные журналы, кафедры, лаборатории, выходят монографии и ведутся постоянные исследования в области фольклористики, палеонетики, археологии и других наук.

В своей книге «Конь, колесо и колесница» С. Петров пишет: «Естественным следстви-

³ URL: <https://www.culture.ru/poems/278/skify?ysclid=m7n4k4w5cc416272241>

ем приручения коня стало его использование вместе с повозкой, т.е. изобретение колесницы. В греко-арийской культурной общности колесница была осознана как символ души, у которой чувства являются конями, а возница — умом, и которая имеет способность вознестись из телесного мира в божественный. Окончательное противопоставление духовного мира телесному привело к возникновению у индоевропейцев отвлеченного мышления, породившего философию и науку. Тем самым индоевропейцы сыграли ключевую роль в отделении человеческого духа от природы» [12, с. 547–548].

ВЫВОДЫ

Некоторые могут возразить, что идея о единой «луковице», из которой все произошло, давно устарела и не соответствует действительности. Однако это утверждение уже давно перестало

быть гипотезой и превратилось в факт с появлением палеогенетики и последних генетических исследований. Ранее археологам, фольклористам и лингвистам не всегда доверяли в полной мере, поскольку эти области знаний считались неточными. Однако генетика является точной наукой, и ее данные могут быть использованы в качестве надежного источника информации [13].

Именно в этом и кроется секрет нашей универсальности. Поэтому мы можем без стеснения пользоваться западными терминами, а не противостоять им и не бояться их, как часто это бывает у евразийцев и политиков. Важно отметить, что курс «Основы российской государственности» не является застывшей догмой, он только начинает формироваться, а следовательно, в дальнейшем он будет развиваться и, надеюсь, эволюционировать в лучшую сторону.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г. Утечка умов из России: причины и масштабы. *Российский химический журнал*. 2003;50(3):108–115. URL: <https://www.elibrary.ru/iamifv>
2. Пипия Л.К., Чистякова В.Е. Проблема «утечки умов» на фоне миграционных процессов в России. *Инновации*. 2020;262(8):17–30. DOI: 10.26310/2071–3010.2020.262.8.003
3. Кошелева Т.Н. Зарубежный опыт инновационной политики для малого предпринимательства. *Общество. Среда. Развитие*. 2010;15(2):14–18. https://terrahumana.ru/arhiv/10_02/10_02_03.pdf
4. Бекларян Л.А., Давыдов Д.В., Дементьев В.Е., Макаров В.Л., Винокурова Н.А., Гребенников В.Г., Козырев А.Н., Левин М.И., Паринов С.И., Солосина М.И., Сушко Е.Д., Устюжанина Е.В., Щепина И.Н. Наукометрия и ее влияние на развитие современной науки. *Вопросы инновационной экономики*. 2019;9(1):11–36. DOI: 10.18334/vines.9.1.399575.
5. Беркут В.П. Идеология государственного служения. *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2017;12(3):11–36.
6. Подорога В.А. Память и забвение (Т.В. Адорно и время «после Освенцима»). *Новое литературное обозрение: теория и история литературы, критика и библиография*. 2012;116(4):109–128. <https://elibrary.ru/pfoqef>
7. Деррида Ж. Фармация Платона. *Платоновские исследования*. 2017;6(1):113–254. <https://elibrary.ru/zbhkfl>
8. Магнитов С.Н., Матвейчев О.А. «Контрреволюционер» Сталин. По ту сторону марксизма-ленинизма. Москва: Книжный мир; 2023. 580 с.
9. Матвейчев О.А. Суверенитет духа. Москва: Поколение; 2007. 512 с.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Т. 26. Ленинград: Наука; 1984. 518 с.
11. Энтони Д. Лошадь, колесо и язык: как наездники бронзового века из евразийских степей сформировали современный мир. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2023. 672 с.
12. Петров С. Конь, колесо и колесница: как предки русских создали современный мир. Москва: Ridero; 2019. 560 с.
13. Sengupta S., Zhivotovsky L.A., King R., Mehdi S. Q., Edmonds C.A., Chow C.E., Lin A.A., Mitra M., Sil S.K., Ramesh A., Usha Rani M.V., Thakur Chitra M., Cavalli-Sforza L.L., Majumder P.P., Underhill P.A. Polarity and temporality of high-resolution Y-chromosome distributions in India identify both indigenous and exogenous expansions and reveal minor genetic influence of Central Asian pastoralists. *American Journal of Human Genetics*. 2006;78(2):202–221. DOI: 10.1086/499411

REFERENCES

1. Agamova N.S., Allakhverdyan A. G. Brain drain from Russia: Causes and scale. *Rossiiskii Khimicheskii Zhurnal*. 2003;50(3):108–115. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/iamifv>
2. Pipiya L. K., Chisjyakova V. E. Brain drain and migration trends in Russia. *Innovations*. 2020;262(8):17–30. (In Russ.). DOI: 10.26310/2071–3010.2020.262.8.003
3. Kosheleva T.N. Foreign experience of an innovative policy for small business. *Society. Environment. Development*. 2010;15(2):14–18. (In Russ.). https://terrahumana.ru/arhiv/10_02/10_02_03.pdf
4. Beklaryan L.A., Davydov D.V., Dementev V.E., Makarov V.L., Vinokurova N.A., Grebennikov V.G., Kozyrev A.N., Levin M.I., Parinov S.I., Solosina M.I., Sushko E.D., Ustyuzhanina E.V., Shchepina I.N. Scientometrics and its impact on the development of modern science. *Russian journal of innovation economics*. 2019;9(1):11–36. (In Russ.). DOI: 10.18334/vinec.9.1.39957
5. Berkut V.P. The ideology of public service. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*. 2017;12(3):11–36. (In Russ.).
6. Podoroga V.A. Memory and oblivion. (T. V. Adorno and the time “after Auschwitz”). *Novoe literaturnoe obozrenie: Teoriya i istoriya literatury, kritika i bibliografiya*. 2012;4(116):109–128. (In Russ.).
7. Derrida Ja. Plato’s Pharmacy. *Platonovskie issledovaniya*. 2017;6(1):113–254. (In Russ.). <https://elibrary.ru/zbhkfl>
8. Magnitov S.N., Matveichev O.A. “Kontrrrevolyucioner” Stalin. Po tu storonu marksizma-leninizma. Moscow: Knizhnyi mir; 2023. 580 p. (In Russ.).
9. Matveychev O.A. Suverenitet duha. Moscow: Pokolenie; 2007. 512 p. (In Russ.).
10. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 tomah. T. 26. Leningrad: Nauka; 1984. 518 p. (In Russ.).
11. Anthony D. The horse, the wheel, and language: How bronze-age riders from the Eurasian steppes shaped the modern world. Moscow: HSE Publishing House; 2023. 672 p. (In Russ.).
12. Petrov S. Kon’, koleso i kolesnica: Kak predki russkih sozdali sovremennyy mir. Moscow: Ridero; 2019. 560 p. (In Russ.).
13. Sengupta S., Zhivotovsky L.A., King R., Mehdi S. Q., Edmonds C.A., Chow C.E., Lin A.A., Mitra M., Sil S.K., Ramesh A., Usha Rani M.V., Thakur Chitra M., Cavalli-Sforza L.L., Majumder P.P., Underhill P.A. Polarity and temporality of high-resolution Y-chromosome distributions in India identify both indigenous and exogenous expansions and reveal minor genetic influence of Central Asian pastoralists. *American Journal of Human Genetics*. 2006;78(2):202–221. DOI: 10.1086/499411

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Олег Анатольевич Матвейчев — кандидат философских наук, профессор факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Oleg A. Matveychev — Cand. Sci. (Philos.), Prof., Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-4568-2650>

matveyol@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.12.2024; принята к публикации 27.02.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 29.12.2024; accepted for publication on 27.02.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ORIGINAL PAPER

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-45-53

УДК 329.12:340.12(045)

Французская школа солидаризма: теоретические воззрения Леона Дюги

И.Н. Шапкин

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются причины, по которым современное научное и политическое сообщество обратилось к теориям солидаризма. Эти теории, разработанные в начале XX в., были направлены на противостояние либеральным и революционным идеям того времени. Своеобразным центром солидаризма являлась в эту эпоху Франция. Здесь оформляются разные его варианты, в том числе концепция «правового солидаризма». Одним из создателей последнего являлся Дюги, известный французский правовед и общественный деятель. Идеи, высказанные им, были использованы в последующие времена учеными и политиками, сформулировавшими концепцию «социально-ориентированного государства». В то время Франция стала настоящим центром движения солидаризма. Здесь зародились различные его проявления, в том числе концепция «правового солидаризма». Одним из основоположников этой идеи был известный французский правовед и общественный деятель Леон Дюги. Его идеи оказали влияние на ученых и политиков, которые впоследствии разработали концепцию «социально ориентированного государства».

Ключевые слова: солидаризм; механическая и органическая солидарность; разделение труда; индивидуалистическое государство; классовая борьба; общественные союзы и ассоциации; синдикализм

Для цитирования: Шапкин И.Н. Французская школа солидаризма: теоретические воззрения Леона Дюги. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):45-53. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-45-53

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

The French School of Solidarity: Theoretical Views of Leon Duguit

I.N. Shapkin

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the reasons for the appeal of the modern scientific and political community to the theories of solidarity. Developed by the beginning of the twentieth century, they were antagonists to the liberal and revolutionary theories of that time. France was a kind of center of solidarity in this era. Various variants of it are being formulated here, including the concept of “legal solidarity”. One of the creators of the latter was Leon Duguit, a well-known French jurist and public figure. The ideas expressed by him were used in subsequent times by scientists and politicians who formulated the concept of a “socially oriented state”.

Keywords: solidarism; mechanical and organic solidarity; division of labor; individualistic state; class struggle; public unions and associations; syndicalism

For citation: Shapkin I.N. The French school of solidarity: Theoretical views of Leon Duguit. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):45-53. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-45-53

ВВЕДЕНИЕ

В современной России актуализировался вопрос о поиске общественной модели, которая опиралась бы на новый ценностный ряд, гармонично сочетала личные и общественные интересы, которая бы основывалась на идеях не противостояния, а сотрудничества и взаимодействия. Попытка перенастроить общество, используя либеральный индивидуализм, личную выгоду и корыстный интерес в качестве побудительных мотивов, закончилась неудачей. Кроме бед и потрясений она немного дала российскому обществу. Коллективистские же ценности со ставкой на государственные начала перестали быть привлекательными для значительной его части. Перед Россией вновь, как и столетие назад, встала задача поиска собственного варианта развития.

Мировая обществоведческая мысль накопила разнообразные концепции и теории о построении справедливого и гуманного мира, о механизмах согласования интересов, ценностей и потенциалов участников общественной жизни. Некоторые из них находятся в центре нынешних теоретических изысканий и практик. Однако многие забыты и воспринимаются как не заслуживающий внимания анахронизм. В немалой степени это относится к теории солидаризма, которая 100–150 лет тому назад занимала умы ученых, политиков и государственных деятелей Европы и России. Идеи солидаризма оказали большое влияние на развитие синдикализма во Франции, тред-юнионизма в Великобритании, «ревизионизма» в Германии. В 1920–1930-е гг. они легли в основу строительства так называемых «корпоративных государств» Италии, Испании, Португалии, ряда европейских и латиноамериканских государств, возглавляемых политиками правого толка. В основе корпоративизма лежали концепции солидаризма, разработанные на рубеже XIX — XX столетий. Скомпрометированный этими деятелями корпоративизм был вычеркнут из политического дискурса в первые послевоенные десятилетия. Однако он никуда не ушел из европейской жизни. Корпоративистские идеи легли в основу социально-экономической деятельности целого ряда успешных стран, например, «малой Европы» — Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии. Реформы Л. Эрхарда, заложившие в Германии основы «социально-ориентированного государства», базировались на концепции ордолиберализма, истоки которой лежали в солидаристских теориях.

На фоне глобальных финансово-экономических и структурных трансформаций в современном мире наблюдается интерес к солидаризму. Эта социальная теория, основанная на поиске компромиссов в решении возникающих проблем, на согласовании интересов различных социальных групп, обретает новое звучание, новую жизнь. Политическая философия, политэкономия, экономические воззрения солидаризма вновь становятся востребованными.

Концепция солидаризма складывалась в эпоху глубоких политических изменений и революционных потрясений XIX в. Сложившиеся к этому времени либеральные представления были не в силах помочь европейскому обществу выйти из кризисного состояния. А проповедовавшие либерализм идеи свободы, индивидуализма, преобладания личного интереса над общественным лишь усугубляли кризис. Возникшие в этих условиях радикальные теории, предлагавшие разрушение старого мира и создание на его обломках нового общества, основанного на принципах равенства и справедливости, вызывали неприятие у значительной части интеллектуальной элиты, поскольку они вновь ввергали Европу в политическую и экономическую нестабильность.

Требовалось найти выход, исключавший крайние политические решения. Необходимо было предложить европейцам решения, которые бы гарантировали экономический прогресс, материальное благополучие и процветание, и не допустили бы новых жертв и потрясений.

И такой теорией стал солидаризм, провозглашавший социальный мир и гармонию, отказ от разрушительного классового и социального противостояния. Его идеи и подходы к решению стоящих перед раздираемым противоречиями обществом задач были весьма привлекательны.

СОЛИДАРИЗМ ВО ФРАНЦИИ: ИДЕИ И РАЗВИТИЕ

Солидаризм стал заметным явлением общественно-политической жизни Европы. Интерес к нему проявлялся во всех европейских странах, что лишь раз свидетельствовало о схожести стоявших перед ними задач. Но в то же время наблюдались страноведческие различия. Во Франции солидаристов беспокоили прежде всего социально-экономические проблемы, в Англии — правовые, в Италии и Германии — политические, а в России — философские и метафизические вопросы [1, с. 60].

Солидаризм завоевывал все большее число сторонников в Европе. Более того, со временем он начал рассматриваться как «третий путь» развития, исключая крайности как либералов, так и революционеров. Выбор «третьего пути», отвергавшего либеральную демократию и капитализм А. Смита, коммунистические идеалы К. Маркса, был основан на поиске альтернативы, не допускавшей прерывания общественного развития. Он основывался на идее социальной преемственности.

Во второй половине XIX в. центром, генерировавшим солидаристские идеи, являлась Франция, которая за сравнительно короткое время пережила кровавую революционную эпоху Великой французской революции, наполеоновских войн, оккупацию союзных войск, революционную встряску 1848 и 1871 гг. и связанные с этими событиями масштабные радикальные социально-политические изменения внутри страны. Все это подвигло французское общество к поиску такой модели развития, которая в будущем исключала бы революции и социальные потрясения. Идеи солидаризма занимали философов, политологов, юристов и представителей нового научного направления — социологов. Именно во Франции солидаризм получил всестороннее развитие. Здесь сложились его различные школы и направления.

Термин «солидарность» предложил в начале XIX в. основатель позитивизма, создатель социологии О. Конт. Новое направление основывалось на позитивизме, который был направлен против разрушающих социальные связи либерального индивидуализма. Идеи солидаризма развивал в многочисленных статьях и брошюрах П. Леру. Для него общность человечества, взаимная солидарность людей являлись источником движения вперед [2, 3]. Дальнейшее развитие солидаристская концепция получила в трудах Э. Дюркгейма. Им было сформулировано учение о солидарности как основе поддержания социального порядка и предотвращения конфликтов в обществе. Солидарность призвана была не подавлять человеческую индивидуальность, а ставить ее на службу обществу. Он подчеркивал, что индивиды несут ответственность не только за собственные интересы, но и за общественные. На основе социозэволюционного подхода Э. Дюркгейм рассмотрел эволюцию общества как движение от механической к органической солидарности, возникающей как продукт взаимной потребности. Его солидаризм — это стремление к солидарности и взаимодействию людей для поддержания соци-

ального порядка и благополучия общества [4, 5]. Основоположником теории «юридического солидаризма» был Л. Буржуа. Он провозгласил, что солидарность — «новая идея, являющаяся указателем эволюции всеобщей мысли». Солидарность должна стать основой жизни более совершенного человеческого общества, под которую прежде всего нужно подвести твердый юридический фундамент [6].

ЛЕОН ДЮГИ И ТЕОРИЯ ПРАВОВОГО СОЛИДАРИЗМА

В одном ряду с этими теоретиками солидаризма стоял Леон Дюги (1859–1928). Он был одним из авторов теории «правового солидаризма», на идеях которого была построена концепция «надклассового», правового государства¹. Дюги — известный французский юрист, профессор. Он — «один из самых выдающихся представителей государственного права Франции», как его характеризовали российские коллеги [7, с. XX]. Дюги получил юридическое образование в университете Бордо. В 1882 г. защитил докторскую диссертацию по римскому и французскому праву. С 1883 г. он стал преподавать на юридическом факультете Канского университета, но через три года вернулся в Бордо. Дюги преподавал на юридическом факультете Бордо в одно время с Э. Дюркгеймом. В 1908–1912 гг. он был членом муниципального совета Бордо. Приглашался иностранными университетами для чтения лекций. По приглашению Буэнос-Айресского университета прочитал цикл лекций в 1911 г. В период с ноября 1925 г. по март 1926 г., по приглашению египетского правительства, занимался организацией системы образования. Участвовал в основании Международного института публичного права в 1927 г.

Дюги создал стройную и логически выстроенную теоретическую конструкцию. В ее основе лежала идея, что «человек изолированный и независимый — чистейшая фикция: он никогда не существовал. Человек — существо общественное; он не может жить без общества, он всегда жил в обществе» [8, с. 17]. Поэтому, заключал Дюги, «человек, скажем мы, соединен с другими людьми узами социальной солидарности. Охватывает ли эта социальная солидарность всех членов человечества? Разумеется, да» [7, с. 13]. Более того, «общество тем сильнее, чем теснее узы солидарности,

¹ Дюги ввел в юридический оборот термин «правовое государство», которое сегодня широко используется всеми общественными науками.

соединяющие его членов». Но, к сожалению, эти связи пока еще «очень слабы и очень неопределенны» [7, с. 15, 13]. В условиях, когда человек является социальным существом, тесно связанным узами социальной солидарности, важнейшим правилом его поведения должно стать неделание «ничего, что наносит ущерб социальной солидарности в одном из ее двух видов, и делать все, что в состоянии осуществить и развить механическую и органическую социальную солидарность» [7, с. 18]. Понятие механической и органической солидарности было введено в научный оборот Дюркгеймом.

Механическая солидарность, по его мысли, свойственна архаическим обществам. В примитивных обществах люди связаны личными отношениями и традициями. В них личность не принадлежит себе и поглощается коллективом: во всем царит коллективное сознание как совокупность общих верований и норм, которые разделяют все члены общества. В условиях механической солидарности люди самодостаточны, уровень интеграции остается незначительным.

Органическая солидарность характерна для индустриальных (цивилизованных) обществ. Развитое общество основано на органической солидарности, в основе которой лежит разделение труда. Чем глубже разделение труда, тем больше люди зависят друг от друга, тем больше в обществе разнообразия, тем выше взаимная терпимость людей, шире базис демократии [4, 5].

Социальная сущность человека проявляется в зависимости людей друг от друга, т.е. в солидарности. Дюги определял солидарность как «факт взаимной зависимости, соединяющей между собой в силу общности потребностей и разделения труда членов рода человеческого, в частности членов одной социальной группы» [9, с. 7, 8–9; 10, с. 22]. Он различал несколько форм солидарности. Первой ее исторической формой являлась «солидарность через сходства». Затем появилась солидарность через разделение труда. «Люди одной социальной группы солидарны друг другу: 1) потому что у них есть общие нужды, удовлетворить которые они могут лишь общей жизнью; 2) потому что у них есть различные нужды и различные способности, и что они обеспечивают удовлетворение своих различных нужд путем обмена взаимных услуг, создаваемых развитием и применением их различных способностей. Первый вид солидарности есть солидарность по сходству, второй — солидарность чрез разделение труда» [7, с. 14–15].

КРИТИКА ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИХ ДОКТРИН И ОБОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Что же такое разделение труда для Дюги? Во-первых, он считал, что оно — «центральная высшая точка эволюции». Во-вторых, что «каждый человек, каждая группа людей, будь то верховный диктатор страны или самый скромный подданный, будь то правительство или всемогущий парламент или скромное сообщество, должны выполнить известную задачу в той обширной мастерской, которой является общественный организм». В-третьих, от выполняемой функции зависит положение человека или группы в коллективе, от этого зависит социальная защищенность индивида или группы. «Как на членах общества, на них лежит обязанность выполнить определенную социальную функцию и совершаемые ими для достижения этой цели действия имеют общественное значение и будут снабжены социальной защитой» [8, с. 22]. В основе разделения труда лежит несходство, уникальность человека. Именно индивидуальность дает социальную значимость, способность человека быть полезным всем, кто не обладает его социальными характеристиками.

Одним из центральных пунктов теории Дюги являлась критика господствовавших либерально-индивидуалистических представлений. Если во второй половине XIX в. индивидуализм, проповедуемый такими видными философами, как И. Бентам, Дж. С. Милль, А. Токвиль, был господствующим философским течением, то в конце столетия он утратил популярность. Основными противниками индивидуалистов стали коллективисты, а основным предметом спора — вечная проблема о том, что важнее: интересы общества или интересы отдельного человека.

Отвергая доктрины либерализма и индивидуализма, Дюги вслед за Контом утверждал, что изолированная личность, о которой писали философы XVIII в., не существует; человек — «это индивид, взятый в узах социальной солидарности». Одновременно с критикой он обосновывает преимущества солидарности перед индивидуализмом в вопросах регулирования общественных отношений. «По нашему мнению, — писал он, — индивидуалистическая доктрина не может быть принята, так как она покоится на априорном и гипотетическом утверждении, ...что естественный человек, т.е. человек, взятый, как изолированное существо, отдельное от других

людей, облечен известными прерогативами, известными правами, принадлежащими ему потому, что он человек, «в силу высокого достоинства человеческой личности». И далее «естественный человек не является изолированным и свободным существом философов XVIII века; это — индивид, взятый в социальной солидарности» [7, с. 8].

Данный тезис привел Дюги к отказу от индивидуалистической концепции права и замены ее иной системой права, называемой автором реалистической. Он доказывал необходимость конструирования такого законодательства, которое бы должным образом учитывало не только интересы отдельных членов общества, но и общества в целом. По его мнению, социальной защитой могут обладать только такие действия членов общества, которые предназначены для достижения социальной цели или цели, признаваемой за социальную. Процесс эволюции гражданского права в направлении учета интересов всего общества перед интересами индивида Дюги называл социализацией гражданского права [8, с. 6].

Индивидуализм, в отличие от социальной солидарности, лишь через моральную обязанность может поставить человека перед необходимостью оказывать помощь другим людям. Предписания морали нельзя смешивать с социальными нормами, которые регулируют лишь внешнее поведение людей и не обращаются к внутреннему миру человека, его чувствам, мыслям и желаниям. Они регламентируют лишь те действия людей, которые имеют значение в общественной жизни. «Все индивиды, будучи социальными существами, обязаны подчиняться социальной норме, всякий индивидуальный акт, нарушающий эту норму, с неизбежностью вызывает общественную реакцию, принимающую сообразно временам и странам различные формы, и всякий индивидуальный акт, отвечающий этой норме, получает социальную санкцию, также видоизменяющуюся, смотря по времени и по стране» [10, с. 20].

Дюги критиковал индивидуалистические доктрины, выступал против идеи равенства и естественных прав человека, выдвинутые в революционную эпоху и закрепленные в Декларации прав человека и гражданина [8, с. 17].

Он рассматривал общество как живой организм, обладающий собственной структурой, каждый элемент которого должен рассматриваться с точки зрения полезности для общественного блага. Дюги писал, что общественное разделение

труда приводит к образованию классов, каждый из которых выполняет социальную функцию. Связь и отношения между классами основаны на их солидарности. «Общественная солидарность или, скорее, взаимозависимость — это не чувство, тем паче не доктрина; она даже не принцип деятельности. Она реальный факт, доступный непосредственному установлению. Она есть факт самой социальной структуры» [11].

Дюги доказывал, что каждый индивид, каждый класс выполняет определенную социальную функцию, социальную задачу. «Всякий индивид, — отмечал он, — должен выполнить в обществе какую-либо функцию, должен удовлетворить какую-либо нужду» [8, с. 17]. Его обязанность состоит в максимальном развитии своих способностей, содействуя тем самым социальному прогрессу. «Человек не вправе быть свободным; его социальный долг действовать, развивать свою индивидуальность и выполнять свою общественную миссию. Никто не вправе оказывать противодействие всему тому, что он совершает с этой целью, при условии, конечно, что его действия не будут иметь своим последствием посягательство на свободу другого» [8, с. 26].

Дюги ясно видел разделение общества на классы и социальные группы. По его мысли в основе классовых различий лежит разделение труда. «Взаимозависимость, соединяющая людей, принадлежащих к одной и той же социальной группе, есть результат различия частей труда, лежащих на каждом для удовлетворения общих потребностей» [9, с. 42]. Между классами неизбежны трения, определенные противоречия. Возникающие споры и недопонимание нужно решать, по мнению Дюги, соглашениями и компромиссами. Эта норма стоит выше государства и законов.

ЛЕГИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА И СОБСТВЕННОСТИ ЛЕОНА ДЮГИ

Дюги подходил и к вопросам собственности с позиции солидаризма. По его мысли «индивидуальная собственность должна быть понята как случайный факт, как временный продукт социальной эволюции; право собственника оправдывается и в то же время ограничивается социальной миссией, лежащей на нем в силу особого положения, в котором он находится» [7, с. 22]. Таким образом, Дюги рассматривал обладание собственностью как выполнение социальной функции, проистекавшей из принципа

солидарности. Поэтому на собственника помимо гражданских возлагались дополнительные обязанности, целью которых являлась забота о мире и сотрудничестве внутри общества. Он должен стремиться к созданию бесконфликтной среды, классового мира, к достижению мира. В случае невыполнения собственником своих социальных функций государство имело полное право вмешиваться в управление собственностью. Вместе с тем Дюги — не социалист. Он всегда негативно относился к коллективистским концепциям, к идеям государственного социализма.

«Что же касается собственности, то она... есть, и она должна быть. Она — необходимое условие величия и процветания общества, коллективистские доктрины являются возвращением к варварству. Но собственность — не право. Она — социальная функция. Собственник, иначе обладатель богатства, должен, в силу факта обладания этим богатством, исполнять социальную функцию. Поскольку он выполняет эту миссию, его действия, как собственника, защищаются. Если он не выполняет ее или выполняет дурно, напр., не обрабатывает своей земли, не препятствует разрушению своего дома, вполне законно вмешательство правителей с целью побудить его выполнить свою социальную функцию собственника» [8, с. 19].

Дюги писал, что собственник обязан пользоваться своим ресурсом не только для удовлетворения индивидуальных потребностей, но и общих потребностей, потребностей всего национального коллектива или более мелкого коллектива. При этом он отмечал, что, удовлетворяя индивидуальную потребность, собственник тем самым развивает свои физические, умственные и моральные способности, необходимые индивиду для участия в общественном труде [8, с.82].

В этой связи любопытно отметить позицию оппонентов Дюги. В частности, он писал, что коллеги ему говорили: «Мы понимаем Ваш взгляд, мы допускаем даже, что мы идем к такой системе права, в которой собственность будет иметь своей основой обязательство собственника выполнять известную функцию. Но мы к этому еще не пришли; доказательством тому служит тот факт, что ни одно законодательство не возлагает еще на собственника обязательство обрабатывать свое поле, содержать в исправности свои дома, пускать в оборот свои капиталы; а между тем такое было бы логически необходимое последствие понятия собственности функции» [8, с. 88–89].

ЛЕОН ДЮГИ О ГОСУДАРСТВЕ И СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Социальная солидарность является основанием существования государства. На него возлагалась «обязанность охранять и гарантировать индивидуальные права, ...издавать какие-либо законы или совершать какие-либо акты, посягающие на права» индивида. Организованный коллектив, государство, имеет только одну цель: защищать и санкционировать индивидуальные права каждого» [8, с. 16].

Согласно Дюги, государство не должно быть властью какого-либо класса, поскольку это противоречит социальной солидарности. Государство не должно командовать обществом. Оно должно стать системой общественно-полезных служб. «Государство (как и все другие группы) носит подчиненный характер по отношению к превосходящему его праву, которое государство не создает и не может нарушать» [7, с. 3]. Критикуя концепцию государства известных правоведов того времени Р. фон Иеринга и Г. Еллинека, Дюги отмечал: «Мы отвергаем эту теорию: она не согласуется с фактами, а нашей мыслью было постоянно искать такие теории, которые отвечают реальным явлениям. Мы отвергаем эту теорию, так как она бессильна установить ограничение власти государства, а для нас задачей юриста прежде всего должно быть установление твердого основания для ограничения государственных властей правом» [7, с. 3].

Дюги видел, что старая модель индивидуалистического государства, «каким являлось государство римское и даже европейские и американские государства начала XIX века», переживала глубокие трансформации, что современное государство «находится в абсолютном противоречии с социалистическими и ассоциационистскими стремлениями нашей эпохи» [8, с. 36]. Поэтому новые тенденции необходимо было осознать и определить отношение к ним.

Дюги являлся противником государственного вмешательства в социально-экономическую жизнь. Он отмечал, что из нормы солидарности для государства вытекает «обязанность не создавать ни одного закона, могущего нанести ущерб свободному развитию индивидуальной деятельности, ибо свободное развитие индивидуальной деятельности необходимо для того, чтобы социальная солидарность могла осуществляться и развиваться».

СИНДИКАЛИЗМ КАК ФАКТОР УМИРОТВОРЕНИЯ ОБЩЕСТВА

Отстаивая свободу труда, торговли, промышленности, Дюги выступал за регламентацию трудовых отношений. По его мнению, правовые нормы о свободах совести, вероисповеданий, мысли, печати и других вполне соответствуют норме социальной солидарности. А посягательства на индивидуальные свободы в свое время порождали общественные бедствия — религиозные войны, якобинский террор и т.д. Однако не традиционные свободы личности, а связь людей и их солидарность в разделении общественного труда находились в центре внимания Дюги. «Сама по себе цивилизация характеризуется многочисленностью потребностей и способов их удовлетворения в наиболее короткое время. Тем самым предполагается громадное разделение общественного труда, а также громадное разделение функций и тем самым громадное неравенство современных людей» [9, с.26].

В отличие от теоретиков либерализма Дюги писал об обязанностях государства, которое должно обеспечить минимальный уровень образования для своих граждан, помочь человеку найти работу по специальности, обязать всех работать, предоставить средства существования тем, кто не способен к труду. Солидарности соответствуют законы о всеобщем образовании, здравоохранении, социальном обеспечении, охране труда и др.

Дюги являлся противником концепции классовой борьбы, которую называл «отвратительной доктриной» [9, с. 5]. Он доказывал, что каждый класс выполняет свою роль в поддержании солидарности и гармонии в обществе, что сотрудничество между классами в процессе разделения труда должно привести к мирному преодолению негативных сторон капитализма, без необходимости революций.

Общность профессиональных, промышленных, коммерческих, научных и прочих интересов, а также обещание взаимопомощи стимулирует создание профессиональных объединений. Целью подобных структур является защита индивида от произвола и насилия со стороны других классов и центральной власти. Для Дюги «синдикализм есть организация этой бесформенной массы индивидов, образование сильных и сплоченных групп с определенной юридической структурой, составленных из людей, уже соединенных общностью социальной работы и профессиональных интересов» [9, с. 44].

Эти союзы и ассоциации он называл самым выдающимся фактом современности. «Я думаю, что

мы приближаемся к некоторого рода федерализму классов, организованных в синдикаты, — писал Дюги, — и я предполагаю, что этот федерализм будет скомбинирован центральной властью, по-прежнему сохраняющейся, всегда живой, но имеющей уже совершенно другой характер и другое действие, чем какие существовали в прежнем государстве, и сходящейся к функциям контроля и надзора» [7, с. 19].

Синдикализм является фактором единения и умиротворения, поскольку он лучше обеспечивает и защищает интересы людей, занятых различными видами трудовой деятельности, чем декларативное провозглашение их абстрактных прав. Дюги полагал, что «синдикалистское движение после более или менее продолжительного периода смут и, может быть, насилий сможет дать будущему политическому и экономическому обществу сцепление и целостность, которых наше французское общество уже не знает целые века» [9, с. 39].

К началу XX в. синдикалистское движение приобрело широкий размах. Дюги отмечал, что «вся французская территория покрылась широкой сетью ассоциаций, рабочих ассоциаций, профессиональных ассоциаций всякого рода и даже ассоциаций должностных лиц, обществ взаимопомощи, благотворительных, литературных, научных, художественных ассоциаций. Законодателю пришлось волей-неволей признать совершившийся факт и наконец санкционировать законом создавшиеся институты. Так, в 1884 г. закон признал профессиональные ассоциации, или синдикаты, в 1898 г. — общества взаимопомощи и, наконец, в 1901 г. — свободу ассоциаций вообще» [8, с. 40].

Дюги осуждал крайние, радикальные формы синдикализма. Всеобщая забастовка, захват рабочими фабрик и заводов, насилие по отношению к буржуазии, к чему призывал революционный синдикализм, грозят обществу разрушением. «Насилие по существу разрушительно; оно в действительности есть источник страдания и смерти. Учение о возрождении и прогрессе через страдание меня возмущает, — отмечал Дюги. — ...Учение это может нравиться некоторым экзальтированным лицам, ищущим, вследствие извращения чувств, удовольствия в умерщвлении плоти. Но это — доктрина смерти. Так же энергично отвергаю я и всеобщую стачку» [9, с. 40].

Он признавал и одобрял мирное, ненасильственное синдикалистское движение, имеющее целью обуздание эгоизма частных предпринимателей и ставящее разумные границы требо-

ваниям наемных рабочих. Задачи синдикализма состоят в том, чтобы найти компромисс между трудом и капиталом. Характерной чертой XX в. Дюги считал все более широкое развитие синдикатов, объединяющих по профессиональному признаку рабочих, предпринимателей.

Синдикалистское движение в действительности вовсе не является войною, предпринятой пролетариатом с целью раздавить буржуазию и завладеть орудиями производства и управлением производством. Это движение...гораздо более широкое, более плодотворное и я бы сказал, более гуманное движение. Оно не есть средство социальной войны и раздора, я думаю, наоборот, оно есть могучее средство замирения и соединения. Оно представляет трансформацию не одного лишь рабочего класса; оно простирается на все общественные классы и стремится соединить их в одну гармоническую связку [10, с. 120].

Дюги писал, что устойчивый фундамент общественного здания образуют «группы, основывающиеся на общности интересов и труда, профессиональные группы». В конечном счете, по мысли Дюги, возникнет федерация классов, организованных в синдикаты, отношения между которыми будут регулироваться соглашениями, основанными на взаимных уступках.

Во вступительной статье к работе Дюги «Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства», переведенной и изданной в 1909 г., известный специалист по государственному праву, профессор, декан юридического факультета Московского университета А. С. Алексеев отмечал, что, по Дюги, «централистическое государство...должно постепенно уступить место новому фазису в политическом развитии, в котором на смену атомизированной народной массы выступит дифференцированное общество, расчлененное на социальные группы, объединенные общими интересами: профессиональными, политическими и др. Дюги отмечает те быстрые успехи, которые в наши дни делает эта самоорганизация общества и в этих быстрых успехах он с полным основанием видит наступление нового государственного порядка, который распределит с каждым днем нарастающие и все усложняющиеся социальные задачи между

самозародившимися союзами. Дружная же и согласная работа этих союзов будет обеспечиваться не мертвящим давлением из центра, а живой внутренней дисциплиной, выпадающей на долю народов... авторитет права» [10, с. XIII].

Общество будущего переустроится на основе синдикатов, которые объединятся в федерацию, что неизбежно приведет к децентрализации политической власти. Власть распределится между синдикатами, которые будут выполнять различные социально-экономические и политические задачи, а деятельность правительства сведется к контролю и надзору. «Общество составит из синдикалистских групп, сильно интегрированных, вошедших в федерации по профессиям и наделенных политическим представительством, обеспечивающим сильное ограничение власти правительства. Борьба классов или прекратится, или сильно ослабеет благодаря принятию по взаимному соглашению регламентов, определяющих отношения классов между собою, классов, проникнутых ясным сознанием своей взаимозависимости. Государственные службы исполняются и направляются корпорациями» [9, с. 53].

ВЫВОДЫ

Развиваемая Дюги теория солидаризма представляет собой уникальный взгляд на общественные отношения и организацию общества. Она подчеркивает важность солидарности как основополагающего принципа, объединяющего индивидов и обуславливающего функционирование общества.

Солидарность означает взаимную зависимость и взаимодействие людей. Предложенная Дюги идея социального партнерства получит всемерную поддержку со стороны власти и общества в современную эпоху. Сегодня в целом ряде стран создана законодательная база, регулирующая трудовые и социальные отношения, условия для деятельности системы трипартизма, в рамках которой государство обеспечивает соблюдение законов и исполнение соответствующей системой гарантий, выступает в определенных ситуациях как арбитр при разрешении возникающих споров, как гарант социального партнерства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов С.П. Неизбежность солидаризма. *Посев*. 2021;(33):56–64.
2. Волгин В.П. Пьер Леру — один из эпигонов Сен-Симонизма. *Французский ежегодник*. 1962. Москва: Наука; 1963:150–179.
3. Анри М. Идея государства: критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. Москва: Территория будущего; 2008. 536 с.

4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Москва: Канон; 1996. 432 с.
5. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. с фр., Гофман А.Б. Москва: Юрайт; 2019. 308 с.
6. Буржуа Л. Солидарность. Солидаризм во Франции в период Третьей Республики: Л. Буржуа и С. Бугле: Сб. переводов. Москва: ИНИОН РАН; 2016:127–215.
7. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. Москва: Типография Сытина; 1908. 998 с.
8. Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона. Москва: Государственное издательство; 1919. 110 с.
9. Дюги Л. Общество, личность и государство. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. Санкт-Петербург: Вестник знания; 1914. 77 с.
10. Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. Москва: Издание Н.Н. Ключкова; 1909. 148 с.
11. Лезина Е.П., Палаткина А.С. Солидаристическая теория права и государства Леона Дюги. *Этнос и право*. 2019;(4). URL: <https://ep.mrsu.ru/journal/4-19/Lesina,%20Palatkina.html>

REFERENCES

1. Ivanov S.P. The inevitability of solidarity. *Posev*. 2021;(33):56–64. (In Russ.).
2. Volgin V.P. P'er Leru-odin iz epigonov Sen-Simonizma. *Francuzskij ezhegodnik*. 1962. Moscow: Nauka, 1963:150–179. (In Russ.).
3. Henri M. Ideya gosudarstva: Kriticheskij opyt istorii social'nyh i politicheskikh teorij vo Francii so vremeni revolyucii. Moscow: Territoriya budushchego; 2008. 536 p. (In Russ.).
4. Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Moscow: Kanon; 1996. 432 p. (In Russ.).
5. Durkheim E. Sociologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie. In: Hoffman A.B. transl. Moscow: Yurayt; 2019. 308 p. (In Russ.).
6. Bourgeois L. Solidarnost'. Solidarizm vo Francii v period Tret'ej Respubliki: L. Burzhua i S. Bugle: Sb. perevodov. Moscow: INION RAN; 2016:127–215. (In Russ.).
7. Duguit L. Konstitucionnoe pravo. Obshchaya teoriya gosudarstva. Moscow: Tipografiya Sytina; 1908. 998 p. (In Russ.).
8. Duguit L. Obshchie preobrazovaniya grazhdanskogo prava so vremeni kodeksa Napoleona. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo; 1919. 110 p. (In Russ.).
9. Duguit L. Obshchestvo, lichnost' i gosudarstvo. Social'noe pravo, individual'noe pravo i preobrazovanie gosudarstva. St. Petersburg: Vestnik znaniya; 1914. 77 p. (In Russ.).
10. Duguit L. Social'noe pravo, individual'noe pravo i preobrazovanie gosudarstva. Moscow: Izdanie N.N. Klochko; 1909. 148 p. (In Russ.).
11. Lezina E.P., Palatkina A.S. Solidaristic theory of law and state by Leon Duguit. *Etnos i pravo*. 2019;(4). (In Russ.). URL: <https://ep.mrsu.ru/journal/4-19/Lesina,%20Palatkina.html>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Игорь Николаевич Шапкин — доктор экономических наук, профессор, кафедра гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Igor N. Shapkin — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3060-9610>

ishapkin@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.12.2024; принята к публикации 27.02.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 29.12.2024; accepted for publication on 27.02.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Категория ментальности как основа анализа феномена культурных констант и их трансформаций

О.А. Долженко^а, Н.М. Печенкин^{а,б}

^а Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск, Россия

^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена анализу многообразия типов культур в жизни современного человека и роли полиментального характера общества в этом процессе. Автор рассматривает феномен менталитета, его связь с историей, культурой и социумом, а также особенности русской ментальности и ее историческую роль. В статье рассматриваются особенности современного мира, которые обуславливают активное взаимодействие различных менталитетов: радикальная трансформация биполярного мира, доминирование идеологических, мировоззренческих, экономических и административных систем, а также рефлексия проблемы полиментального характера социума. **Цель** статьи – анализ феномена менталитета, его связи с историей, культурой и социумом, а также описание характера ментальности конкретной исторической общности, русской ментальности, ее исторической роли и миссии в общемировом поле взаимодействия различных культурных практик. **Результаты.** Автор рассматривает работы представителей французской исторической школы «Анналов», историков культуры, науки и искусства, а также труды российских философов и культурологов, посвященные описанию русской ментальности. Особое внимание уделяется вкладу Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева, В.П. Воронцова и других ученых в традицию осмысления русской ментальности. **Выводы.** Статья подчеркивает актуальность осмысления уроков столкновения различных менталитетов и картин мира в современном мире. Автор призывает к более глубокому пониманию специфики русской ментальности и ее роли в исторической судьбе России и Российской государственности. Это может способствовать укреплению межкультурного диалога и сотрудничества между различными странами и народами.

Ключевые слова: культура; константы; ментальность; менталитет; идентичность; человек; народ; «душа народа»; ценности; традиции; установки; социокультурные изменения; метод; подход

Для цитирования: Долженко О.А., Печенкин Н.М. Категория ментальности как основа анализа феномена культурных констант и их трансформаций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):54-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-54-62

ORIGINAL PAPER

The Category of Mentality as a Basis for Analyzing the Phenomenon of Cultural Constants and Their Transformations

O.A. Dolzhenko^a, N.M. Pechenkin^{a,b}

^a Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk, Russia

^b Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Introduction. The article is devoted to the analysis of the diversity of types of cultures in the life of modern man and the role of the polymental nature of society in this process. The author examines the phenomenon of mentality, its connection with history, culture and society, as well as the peculiarities of the Russian mentality and its historical role. The article examines the features of the modern world that determine the active interaction of various mentalities: the radical transformation of the bipolar world, the dominance of ideological, economic and administrative systems, as well as the reflection of the problem of the polymental nature of society. **The purpose** of the article is to analyze the phenomenon of mentality, its connection with history, culture and society, as well as to describe the nature of the mentality of a particular historical

community, the Russian mentality, its historical role and mission in the global field of interaction of various cultural practices. **Results.** The author examines the works of representatives of the French historical school “Annales”, historians of culture, science and art, as well as the works of Russian philosophers and cultural scientists devoted to the description of the Russian mentality. Special attention is paid to the contribution of N.O. Lossky, N.A. Berdyaev, V.P. Vorontsov and other scientists to the tradition of understanding the Russian mentality. **Conclusions.** The article highlights the relevance of understanding the lessons of the clash of different mentalities and worldviews in the modern world. The author calls for a deeper understanding of the specifics of the Russian mentality and its role in the historical fate of Russia and Russian statehood. This can help strengthen intercultural dialogue and cooperation between different countries and peoples.

Keywords: culture; constants; mentality; identity; person; people; “soul of the people”; values; traditions; attitudes; sociocultural changes; method; approach

For citation: Dolzhenko O.A., Pechenkin N.M. The category of mentality as a basis for analyzing the phenomenon of cultural constants and their transformations. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):54-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-54-62

ВВЕДЕНИЕ

Многообразие типов культур в жизни современного человека выступает в роли комплексного, многоуровневого организма и реализует всю сложную, многоступенчатую иерархию проблем, запросов, форм человеческого существования, соответствует определенным социальным, профессиональным, интеллектуальным знаниям. Эта множественность культурных идентичностей составляет одну из основных характеристик современного состояния человеческого общества, обуславливающую фундаментальную роль процессов как межкультурного диалога и их научного познания, так и диалога внутрикультурного. Последний, в случае сохранения основных культурных констант, ведет только к укреплению и жизненной значимости указанного принципа.

Другой особенностью современного мира, которая обуславливает активное и подчас неконтролируемое взаимодействие различных менталитетов, является радикальная трансформация биполярного мира, его идеологических, мировоззренческих, экономических, административных систем и констант, доминирование которых определяет значительный пласт исторических, политических, социокультурных процессов XIX и XX вв. Формы когнитивного, ценностного, поведенческого, эмоционально-психического существования, органически существовавшие в условиях этих систем, ставшие, таким образом, частью сформировавшихся под их влиянием ментальных идентичностей, в условиях современного мира также соприсутствуют в рамках психики, сознания и практики современного индивида и различных человеческих общностей, что также является прямым выражением феномена трансформаций культурных констант.

Рефлексия проблемы полиментального характера современного социума аккумулирует

исследовательское внимание прежде всего вокруг самого определения феномена менталитета. В силу этого здесь целесообразно остановиться на его сущности, характеристиках, а также том специфическом пути, который понятие ментальности проходит в процессе своей легитимизации в пространстве дискурса о человеке, истории, социуме и культуре.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В современной российской науке реальность менталитета является предметом глубокого комплексного анализа, в рамках которого раскрывается его связь с процессами истории национально-этнических культур, соответствующих образов мировоззрения и систем ценностей [1, с. 33–36]. Об актуальности осмысления уроков столкновения различных менталитетов, картин мира, направлений и целей коллективных практических действий, иерархий ценностей пишет в своем предисловии к учебному пособию «Феномен нации и национально-психологические проблемы в социологии русского зарубежья» профессор В.Г. Харчева: «Исторический опыт реформ и революций XIX–XX веков дает основания предполагать, что становление и развитие у нас гражданского общества и в дальнейшем будут идти трудно, вновь и вновь наталкиваясь на одни и те же препятствия, пока не получит рационального оформления и не приобретет всеобщего признания комплекс воззрений, выражающих существенно общее в сознании, характере, культуре, психологии, морали, вере, интересах, поведении и устремлениях людей, считающих себя — и в действительности являющихся — россиянами»¹. Эти

¹ Болотоков В.Х., Кумыков А.М. Феномен нации и национально-психологические проблемы в социологии русского зарубежья: учебное пособие для вузов. Москва: Логос; 1998:4.

слова были написаны в 1998 году, но остаются актуальными и сегодня.

Образцами раскрытия на конкретном историческом и текстовом материале содержания менталитетов, присущих различным историческим эпохам и социальным слоям, служат работы представителей французской исторической школы «Анналов»: М. Блока, Ф. Броделя, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа, Р. Мандру и др., а также исследования историков культуры, науки, искусства Ж.-П. Вернана, Э. Панофски, П. Франкастеля, Й. Хейзинги и др. В отношении роли представителей европейской исторической науки XX в. в ходе разработки понятия и содержания ментальности здесь заслуженно высокую оценку получили идеи М. Блока и Л. Февра. Интерес представляют попытки определить сущность ментальности и менталитета представителей различных эпох, чему посвящены работы М.М. Бахтина, Л.М. Боткина, А.Я. Гуревича, П.С. Гуревича, В.Е. Семенова и др. Описанию характера ментальности конкретной исторической общности, прежде всего специфики русской ментальности, вопросу ее исторической роли и миссии в общемировом поле взаимодействия различных культурных практик посвящены труды Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Б.П. Вышеславцева, Н.Я. Данилевского, И.Е. Забелина, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, В.В. Кожина, Н.О. Лосского, С.В. Максимова, И.П. Сахарова, П.А. Сорокина, Г.П. Федотова, А.С. Хомякова, П.Я. Чаадаева и др. Лейтмотив осмысления русской ментальной специфики проходит через художественное наследие большинства представителей российской художественной литературы от М.В. Ломоносова до многих современников. В истории дореволюционной российской философской и культурологической мысли наиболее полно и плодотворно этот лейтмотив воплощен в трактате Н.О. Лосского «Характер русского народа» [2], итоговой работе Н.А. Бердяева «Русская идея» [3], а также исследовании В.П. Воронцова «Наши направления» и «От семидесятих годов к девяностым» [4]. Характеризуя вклад русских ученых-философов начала XX в. в традицию осмысления русской ментальности, В.Х. Болотоков и А.М. Кумыков в предисловии к учебному пособию, посвященному вопросам философского осмысления феномена национальности и его роли в исторической судьбе России и Российской государственности, писали: «Фактически именно они первыми в истории отечественной

мысли дали развернутое, основательное в теоретическом отношении прочтение русской идеи, вышедшее за пределы тех взглядов, которые сложились в рамках полемики западников и славянофилов, и ориентированное на целостное философско-социологическое, культурно-историческое и нравственно-религиозное осмысление уникального феномена российской межэтнической общности»².

Плодотворная традиция осмысления феномена ментальности успешно продолжилась в отечественной науке XX и первой четверти XXI в. Проблемы ментальности рассматривались современными российскими политологами и культурологами: Д.Е. Валитовым, И.В. Герасимовым, Г.Д. Гачевым, Д.Е. Куликовым, М.А. Мамоновой, А.С. Панариным, Л.Н. Пушкаревым, М.В. Ремизовым, М. Рожанским, Т.Н. Сергейцевым, психологами: И.Г. Дубовым, Г.В. Леонидовой, О.Г. Усенко, К.А. Устиновой, А.А. Шабуновой, В.А. Шкуратовым. Особенно выделим попытку комплексного построения содержания феномена ментальности и анализа его связи с эмоциональной, психической и социальной реальностью [5], а капитальный обобщающий труд С.Д. Баранова и Д.В. Конова «Русская нация. Современный портрет», в котором раскрывается целая череда вопросов, связанных с генезисом русского менталитета, его идентичности, его связи и отличий в отношении менталитетов этносов, пограничных в территориальном смысле, родственных, отделившихся от единого с русским этническим началом корня, либо вошедших в единую с русским систему исторических и социокультурных условий [6].

Среди зарубежных исследований XIX в. в области гуманитарного знания, близких к анализу феномена ментальности, стоит отметить, на наш взгляд, работы о «душе народа» в немецкой психологии. В источниках по этой проблеме приводятся не только эмпирические данные, но и разработанные понятийные основания ее рассмотрения: этнологический, филологический и философский векторы, что в целом составляют многогранную традицию, представленную многими именами и трудами. В области теории и истории фольклора, этноса, этнической культуры, а также философии культуры исследование

² Болотоков В.Х., Кумыков А.М. Феномен нации и национально-психологические проблемы в социологии русского зарубежья: учебное пособие для вузов. Москва: Логос; 1998:7.

«души народа» опирается на работы Я. и В. Гриммов, а также В. фон Гумбольдта. В области философской рефлексии несомненную роль базиса для рассмотрения и осмысления своего коллективного бытия играет философия истории Гегеля, его учение о «народном духе» (Volksgeist). Комментируя значение гегелевской философии народного духа в отношении ее терминологических особенностей, определяя, в частности, его отличие от понятия «души народа», как имеющего более широкое употребление, В. Вундт справедливо указывает: «Гегель не без намерения употреблял в применении к человеческому обществу общее слово «дух», которое заставляет нас отвлечься мысленно от телесной основы душевной жизни. Чем больший круг охватывает духовная жизнь, тем более ее идеальное содержание возвышается по своей ценности и непреходящему значению над неизбежным материальным субстратом жизненных процессов» [7, с. 49]. Наконец, третьим представителем данной традиции является немецкая филология и философия языка в работах М. Лацаруса, Г. Штайнтала и Г. Пауля.

Традиция исследования коллективной этнической психологии, в которой коллективная эмоционально-психологическая реальность обозначена как «душа народа» (Volksseele), наиболее содержательно и системно выражена в трудах В. Вундта: «Уже с давнего времени объекты ее, — пишет ученый, — культурное состояние, языки, нравы, религиозные представления»; «остаются, в конце концов, три большие области, требующие, по-видимому, специального психологического исследования, — три области, которые — в виду того, что их содержание превышает объем индивидуального сознания — в то же время обнимают три основные проблемы психологии народов: язык, мифы и обычаи» [7, с. 49].

Метод Вундта представляет собой анализ индивидуального сознания с помощью экспериментально контролируемого наблюдения субъекта за собственными ощущениями, чувствами, представлениями; изучение «психологии народов», т.е. психологических аспектов культуры — языка, мифа, нравов различных народов и т.п. Согласно методу Вундта, человек способен проводить такие наблюдения, воспользовавшись методом интроспекции — проверки состояния собственного мышления. Эти положения, по сути, являются важнейшей методологией для исследования менталитета и ментальности.

Основной вопрос обоснования и исследования «народной души», который ставила перед собой немецкая психология в лице Вундта, представлял собой переход от реальности эмоционально-психических процессов индивида — к реальности их коллективной природы, что также можно расценивать как крупный шаг в направлении изучения ментальности. «Для эмпирической психологии душа — не что иное, как непосредственная связь психологических явлений», — так формулирует аксиоматичность этой связи Н. Самсонов, автор перевода работы Вундта «Проблемы психологии народов». На смену ей должно прийти исследование, которое будет основываться на теоретических и эмпирических данных. Оно должно учитывать взаимосвязь между эмоциональным и психологическим состоянием группы людей. Это исследование должно быть устойчивым по отношению к индивидуальным различиям и учитывать «живые» эмоциональные и психологические идентичности. Кроме того, оно должно быть обобщающим и охватывать определённый временной период в прошлом и будущем.

К проблеме эмоционально-психической идентичности, присущей определенной этнической группе, говоря языком той эпохи, к проблеме «души народа» обращается французская философская, психологическая и культурологическая мысль, прежде всего, в лице Густава Лебона, получившего наиболее широкую известность в данной области научного знания. Согласно Лебону «...люди каждой расы обладают, несмотря на различие их социального положения, неразрушимым запасом идей, традиций, чувств, способов мышления, составляющих бессознательное наследство от их предков, против которого всякие аргументы бессильны» [9, с. 11]. Идея «неразрушимости запасов традиций, чувств и способов мышления» оказалась весьма продуктивной для постепенного созревания представлений о менталитете народа.

КОНЦЕПЦИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ШКОЛЫ «АННАЛОВ»

Основополагающей для нашего исследования является точка зрения, согласно которой ментальность выражает не только индивидуальные установки каждого из отдельно взятых индивидов, но и внеличностную сторону общественного сознания, имплицитированную в языке и других знаковых системах, в обычаях, традициях и верованиях.

Переходя к проблеме «прямой» социокультурной интерпретации, отметим, что под ментальностью³ уже понимается совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. Следуя данной тенденции, заложенной в самом характере термина, отметим, что в современном понимании в термин «менталитет» все чаще включаются элементы мировоззренческого характера, отражающие осознанное отношение человека или групп людей разной степени общности к природным и общественным явлениям [8, с. 112].

С точки зрения социальной философии истории существенное значение для определения содержания понятия «ментальности» имеют труды французской исторической школы «Анналов». М. Блоком, Л. Февром и другими представителями первого поколения этой школы была предпринята попытка преодолеть «цеховую» обособленность исторической науки от социологии, психологии, географии, истории становления различных менталитетов и т.д. В их работах происходит определенная переориентация исторической науки на науку о конкретной специфике существования человека в различные эпохи его истории. Антропологический поворот, осуществленный школой «Анналов», привлек внимание исследователей к глубине коллективного бессознательного. Они стали изучать неявные и неосознанные «манеры мыслить» и умственные образы, которые свойственны определенной эпохе или социальной группе. Благодаря этому ментальности были раскрыты в своей мировоззренческой сути как способы ориентации в социальном и природном мире.

В работах представителей школы «Анналов» особенно ценным в отношении проблематики менталитета является также обоснование ими возможностей человеческого сознания воспринимать и осваивать мир в тех пределах и ракурсах, которые даны ему культурой и эпохой. Разработка вопросов о том «мыслительном инструментарии», который в определенную эпоху находится в распоряжении человека и общества, обусловлен конкретными историческими особенностями эпохи и унаследован от предшествующего време-

ни. М. Блоком и Л. Февром в 1929 г. в отношении анализа истории европейского Средневековья и Ренессанса было применено понятие «ментальность», которое до этого в пределах традиции исторической мысли употреблялось этнологами лишь в отношении первобытных народов, а также понятие «умственное оснащение», или «духовная вооруженность» (*outillage mental*), при помощи которого представлялось возможным исследование особенностей сознания человека в ту или иную эпоху. В этой связи представители школы «Анналов», собственно, и способствовали утверждению понятия «*mentalité*» в научном лексиконе.

В работах французских историков идея и теория ментальности вытекает из исследования двух противостоящих культур: «ученой и фольклорной». Рассматривая проблемы массового сознания и народной культуры, в научный оборот введены факты, характеризующие особенности духовной жизни простых людей, уровень их образованности, язык, знание окружающей природы, многообразные направления социальной активности.

При этом понятие «народная культура» интерпретируется как система разделяемых абсолютным большинством общества понятий, представлений, ценностей, верований, символов, ритуалов. В то же время, этой системе присуща и собственная дифференциация, она обладает множеством региональных вариантов и различий в соответствии с социальным статусом, профессиональным занятием, общим образовательным уровнем ее носителей. Так был сформулирован методологический принцип анализа ментальности через более всестороннее изучение культуры всех времен и народов.

Представители школы «Анналов» опираются на антропологический подход к изучению истории. Не случайно направление исторического исследования, которое развивает Ле Гофф, он именует «исторической антропологией» или «антропологически ориентированной историей». Важнейшим постулатом исторической антропологии является принцип изучения человека во всем многообразии его проявлений. Отсюда и потребность в «тотальной истории», выдвигаемой в качестве противовеса и компенсации — расчленению исторического объекта и возникновению множества специализированных отраслей исследования.

³ Ментальность — от лат. *mens, mentis* — ум, мышление, рассудительность, образ мыслей, душевный склад.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕНТАЛЬНОСТИ

Историческая антропология должна была бы идеально соответствовать методологическим требованиям изучения культуры, понимаемой в самом широком контексте как процессуальность и результат смыслополагания человека. Однако, декларируя «тотальность» истории, «новые истории» остались совершенно индифферентными к тому, что не было вписано в бессознательный пласт народной жизни. Недостаточно использовать лишь социологические методы изучения ментальных характеристик индивидов и человеческих сообществ, так как социологические срезы — это констатация уже сложившегося менталитета, но они не дают возможности определить закономерности его становления, а именно здесь формируется сущность менталитета.

С точки зрения исторической науки, отвергающей парадигму сугубо фактологического описания исторических событий и выдвигающей на передний план историю развития ментальности как в своем индивидуальном, так и общественном приложении, наиболее полное представление о содержании понятия «менталитет» содержат работы советского историка и продолжателя традиции, заложенной французской исторической школой, А.Я. Гуревича. Не разделяя точку зрения Л. Февра о возможности представления истории ментальностей как истории коллективных эмоциональных состояний, А.Я. Гуревич более близок к социогенной теории происхождения сознания, включается в методологию, обоснованную Л. Февром, и опирается на «гуманитарно-текстологическую интерпретацию и социальный анализ коллективных структур» [10, с. 110]. Ментальность формируется в качестве матрицы, образуемой такими системами координат, как культура, традиции, язык, образ жизни и религиозность. Описывая компоненты, структуру и функции ментальности, показывая гибкость данного понятия, Гуревич предлагает свою систему взглядов на ментальность. Он определяет ментальность как «социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. В то время как всякого рода теории, доктрины и идеологические конструкции организованы в законченные и продуманные системы, ментальности диффузны, разлиты

в культуре и обыденном сознании. По большей части они не осознаются самими людьми, обладающими этим видением мира, проявляясь в их поведении и высказываниях как бы помимо их намерений и воли. Ментальности выражают не столько индивидуальные установки личности, сколько внеличную сторону общественного сознания, будучи имплицитированы в языке и других знаковых системах, в обычаях, традициях и верованиях» [11, с. 75].

Для А.Я. Гуревича нет никакой обособленной истории ментальностей, и поэтому ментальные элементы жизни, по его мнению, необходимо рассматривать в более широком, глобальном контексте социальной истории. Гуревич применил новый культурологический подход к определению понятия «ментальность», в пределах которого исследователь решает одновременно несколько задач: определение термина «ментальность», отличие ментальности от идеологии и теории ценностей, от психологии, сочетание учебного и научно-познавательного начал при рассмотрении различных ментальных идентичностей. Примеры синтеза такого рода задач и воплощения заложенных в них методологических принципов можно увидеть в книгах А.Я. Гуревича «Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства» [12] и «„Эдда“ и сага» [13]. В центре внимания исследователя ментальностей находится образ мира, который заложен культурой в сознание людей данного общества и преобразуется ими спонтанно, по большей части вне контроля их «дневного сознания». «Ментальность — не философские, научные или эстетические системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания...» [11, с. 59].

В настоящее время обращение многочисленных исследований социальных историков к ментальным представлениям, ценностям, обычаям, моделям поведения составляет целую научную традицию антропологически сориентированной социально-культурной истории, или исторической антропологии. В этой связи разработка методов реконструкции стереотипов сознания, глубинных оснований человеческого поведения, заложенных в культурных традициях и находящихся отражение как в письменных источниках, так и в предметах материальной культуры, произведениях искусства, является значительным

научно-исследовательским достижением [14]. Без методологии, выработанной школой «Анналов», невозможно понять и применить на практике теорию исследования ментальности, но и она не дает целостной характеристики такого многоаспектного понятия, как менталитет. Феномен ментальности, по нашему мнению, не сводится к своей историко-культурной представленности, его корни находятся гораздо глубже, пролегая на уровне основных структур человеческого бытия. Для полного исследования сущности этого понятия предлагается выход в соединении достижений школы «Анналов» с конкретно-историческими измерениями философской антропологии.

Антропологический подход к исследованию ментальности, присущий определенной эпохе и социокультурному контексту, предполагает исследование социально-культурных представлений людей данного времени, сосредоточивая свое внимание на константах, основных представлениях людей, заложенных в их сознание культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением. В центре анализа при этом находится *исторически конкретный человек* со всеми его особенностями, обусловленными характерной спецификой эпохи, которой он принадлежал. Одни и те же люди принимают участие в социальных отношениях и творят культуру и (или) воспринимают ее, включая свою деятельность в контекст и систему отношений, определяемых социумом и культурой как двумя составляющими человеческой коммуникации. Культура, понимаемая как обнаружение социальной сущности человека, предлагает свой особый способ освоения действительности и видения мира как поля бескорыстного соединения людей на основе принципа «Мы — цель, Я — средство». Тем самым этот способ формирует индивидуальное сознание, глубинную основу ментальности-культуры и воздействует на общественное поведение личности.

Ментальность «вообще», как абстрактная данность антропологического порядка, в каждом конкретном случае предстает перед нами как состояние менталитета применительно к конкретной социальной общности, находящейся на конкретном этапе своего исторического развития. Поэтому можно говорить, например, о ментальности той или иной этнической группы в историческом цикле низменного, но нельзя

говорить о ментальности этого же этноса «вообще», вне времени и контекста, если он характеризует поле цивилизации. При этом парадокс состоит в том, что, сохраняя исследовательскую актуальности лишь в ее конкретной данности, феномен менталитета является одним из важнейших гарантов сохранения социокультурной идентичности своего коллективного субъекта в условиях изменчивого социума. Ментальность, в известном смысле, консервирует человеческую общность, сохраняя ее в качестве стабильной данности и предохраняя ее от изменчивых, секундных, произвольных изменений. Об этом писал еще Никколо Макиавелли, усматривая в данном феномене фактор противодействия произволу властителя: «народ, с которым вынужден ладить правитель, всегда один и тот же. Его нельзя ни изменить, ни заменить по своей воле» [15, 54–55]. На принципе «темпоральной дистанционности», отличия ее от текучих изменений, которым подвержена психика человеческих масс, настаивал и А. Я. Гуревич: «Она отличается от социальной психологии тем, что сосредоточивает свое внимание не на настроениях, конъюнктурных, легко изменчивых состояниях психики, а на константах, основных представлениях людей, заложенных в их сознание культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением» [11, с. 85].

ВЫВОДЫ

При изучении менталитета обнаруживается как правило его отличие от психики как феномена и измерения человеческого существования. Если психика, выступая в качестве объекта исследования, представляет из себя прежде всего постоянно текучую, динамическую процессуальность, ментальность описывает человеческую активность только в виде «среза» определенного, «готового» исторического материала. При отбрасывании своего предметного социокультурного материала сам термин трактуется в своем обыденном словоупотреблении или же становится еще одним обозначением психики, сознания, деятельности.

Исследование взаимоотношений между различными менталитетами, как социокультурным феноменом, возникающим в результате совмещения, носящего гармонический либо эклектический характер, форм социокультурного существования, порожденных различными ментальными идентичностями, является важным для

оздоровления функционирования социума, для анализа трансформаций культурных констант, межкультурных и межэтнических отношений. Оно является необходимым звеном в процессе самосознания социума и культуры, определения путей сохранения их идентичности и развития.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в Луганском государственном университете имени Владимира Даля в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (FREE-2024–0006, «Культурные константы и когнитивные изменения в условиях институциональных трансформаций новых регионов России (опыт ЛНР 1990–2024 гг.)»).

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared at Vladimir Dahl Luhansk State University as part of a state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation based on the results of the EISR competitive selection (FREE-2024–0006, “Cultural constants and cognitive changes in the context of institutional transformations in new regions of Russia (the experience of the LPR 1990–2024)”).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вальцев В.С. Является ли понятие «менталитет» синонимом слова «ментальность»? Проблемы современной науки и образования. 2012;33–36.
2. Лосский Н.О. Характер русского народа в 2 кн. Москва: Ключ; 1990. 368 с.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус; 2019. 320 с.
4. Воронцов В.П. Интеллигенция и культура: избранные сочинения. Москва: Астрель; 2008. 752 с.
5. Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Устинова К.А. Теоретико-методологические основы исследования ментальности и обусловленных ею стереотипов поведения. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018;11(4):90–109. <https://www.elibrary.ru/ymiqft>
6. Баранов С.Д., Конов Д.В. Русская нация. Современный портрет. Москва: Миттель-Пресс; 2009. 536 с.
7. Вундт В. Проблемы психологии народов. Москва: Космос; 2001. 49 с.
8. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). Москва: Совершенство; 1998. 608 с.
9. Лебон Г. Психология народов и масс. Санкт-Петербург: Издательство Ф. Павленкова; 1898. 329 с.
10. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». Москва: Индрик; 1993. 327 с.
11. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии. *Всеобщая история: дискуссия, новые подходы*. Выпуск 2; 1989:75–89.
12. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. Москва: Искусство; 1990. 396 с.
13. Гуревич А.Я. «Эдда» и сага. Москва: Наука; 1979. 192 с.
14. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология. *Вопросы философии*. 1988;(1):56–70. <https://www.elibrary.ru/qlnkjf>
15. Макиавелли Н. Государь: рассуждения о первой декаде Тита Ливия о военном искусстве. Минск: Попурри; 1998. 672 с.

REFERENCES

1. Val'tsev V.S. Yavlyaetsya li ponyatie “mentalitet” sinonimom slova “mental’nost”? Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya. 2012;33–36. (In Russ.).
2. Losskiy N.O. Kharakter russkogo naroda v 2 kn. Moscow: Klyuch; 1990. 368 p. (In Russ.).
3. Berdyaev N.A. Russkaya ideya. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2019. 320 p. (In Russ.).
4. Vorontsov V.P. Intelligentsiya i kul'tura: izbrannye sochineniya. Moscow: Astrel'; 2008. 752 p. (In Russ.).
5. Shabunova A.A., Leonidova G.V., Ustinova K.A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya mental'nosti i obuslovlennykh eyu stereotipov povedeniya. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: Fakty, tendentsii, prognoz*. 2018;11(4):90–109. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/ymiqft>
6. Baranov P.D., Konov D.V. Russkaya natsiya. Sovremennyy portret. Moscow: Mittel-Press; 2009. 536 p. (In Russ.).
7. Vundt V. Problemy psikhologii narodov. Moscow: Kosmos; 2001. 49 p. (In Russ.).

8. Gershunskiy B. S. *Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka (V poiskakh praktiko-orientirovannykh obrazovatel'nykh kontseptsii)*. Moscow: Sovershenstvo; 1998. 608 p. (In Russ.).
9. Lebon G. *Psikhologiya narodov i masp.* Saint Petersburg: Izdatel'stvo F. Pavlennkova; 1898. 329 p. (In Russ.).
10. Gurevich A. Ya. *Istoricheskiy sintez i Shkola "Annalov"*. Moscow: Indrik; 1993. 327 p. (In Russ.).
11. Gurevich A. Ya. *Problema mental'nostey v sovremennoy istoriografii. Vseobshchaya istoriya: diskussiya, novye podkhody.* Issue 2; 1989:75–89. (In Russ.).
12. Gurevich A. Ya. *Srednevekovyy mir: Kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva.* Moscow: Iskusstvo; 1990. 396 p. (In Russ.).
13. Gurevich A. Ya. *"Edda" i saga.* Moscow: Nauka; 1979. 192 p. (In Russ.).
14. Gurevich A. Ya. *Istoricheskaya nauka i istoricheskaya antropologiya. Voprosy filosofii.* 1988;(1):56–70. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/qlnkjf>
15. *Makiavelli N. Gosudar': rassuzhdeniya o pervoy deкаде Tita Liviya; O voennom iskusstve.* Minsk: Popurri; 1998. 672 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Ольга Александровна Долженко — кандидат философских наук, проректор по стратегическим коммуникациям и молодежной политике, Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск, Россия

Olga A. Dolzhenko — Cand. Sci. (Philos.), Vice Rector for Strategic Communications and Youth Policy, Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk, Russia

<https://orcid.org/0009-0003-4940-9296>

doa1471@mail.ru

Николай Михайлович Печенкин — научный сотрудник, Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск, Россия; преподаватель, Финансовый университет, Москва, Россия

Nikolay M. Pechenkin — Research fellow, Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk, Russia; Lecturer, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7846-4847>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

nick_pechyonkin@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: Authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.12.2024; принята к публикации 27.02.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 23.12.2024; accepted for publication on 27.02.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-63-69

УДК 32.01/.02 + 323.2 + 004.738.5(045)

Политическое лидерство и информационное общество: диалектико-типологический подход

Ю.М. Лустин

Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского, Россия, Донецк

АННОТАЦИЯ

Современный мир характеризуется беспрецедентным уровнем цифровизации, что диалектическим образом трансформирует экономические и социальные процессы и саму политическую реальность. Новейшие информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) глубоко проникают во все сферы общественной жизни, изменяя способы производства, распространения и потребления информации, что, в свою очередь, неизбежно приводит к трансформации политических процессов, механизмов формирования власти и способов ее легитимации. Нарастающий поток информации, распространяемый через глобальную сеть Интернет, социальные медиа и другие цифровые платформы, оказывает все более значительное влияние на формирование политического сознания, мотивирует политическое поведение индивидов и коллективных акторов, создавая новые возможности для политической мобилизации и одновременно — для манипуляции общественным мнением. В условиях информационной перегрузки, когда граница между достоверной и недостоверной информацией становится все более размытой, роль политического лидера в отборе, интерпретации и трансляции информации приобретает критическое значение. Объектологическая проблема настоящего исследования заключается в инновационно-когнитивном понимании природы политического лидерства в эпоху информационного общества.

Ключевые слова: диалектика; информационная среда; образование; политическое лидерство; цифровизация

Для цитирования: Лустин Ю.М. Политическое лидерство и информационное общество: диалектико-типологический подход. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):63-69. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-63-69

ORIGINAL PAPER

Political Leadership and the Information Society: A Dialectical-Typological Approach

Yu.M. Lustin

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk, Russia

ABSTRACT

The modern world is experiencing a rapid transformation due to the increasing use of digital technologies. These technologies are changing the way we live, work, communicate, and interact with others. This transformation is also affecting political processes and the way power is established and maintained. One of the main ways that digital technology is changing the world is through the way information is produced, shared, and consumed. The latest advancements in information and communication technologies are making it easier to communicate and share information quickly and easily. This, in turn, is changing the way political power is formed and legitimized. The more information is available online, through social media and other digital platforms, the more impact it has on people's political views and actions. This information can motivate individuals and groups to participate in political events, but it also creates new opportunities for political manipulation. In the age of information overload, it is important for political leaders to be able to select, interpret, and share information effectively. This is because people often find it difficult to distinguish between reliable and unreliable information online. This study explores the changing nature of political leadership in the information age.

Keywords: dialectics; information environment; education; political leadership; digitalization

For citation: Lustin Yu.M. Political leadership and information society: A dialectical-typological approach. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):63-69. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-63-69

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня возникает необходимость осмысления новых возможностей и вызовов, которые ставит цифровая среда перед авторитетными представителями политического бытия. Традиционные модели лидерства, основанные на иерархическом контроле информации и ограниченном доступе к аудитории, уступают место более динамичным и сложным формам диалектико-типологического взаимодействия между лидерами и населением. Анализ этих изменений требует применения диалектического подхода, позволяющего выявить противоречия между традиционными и новыми формами лидерства, а также проследить взаимосвязь между технологическими изменениями и эволюцией политических институтов. Игнорирование этих противоречий ведет к неполному и искаженному пониманию современной политической динамики.

Цель данной статьи — провести анализ политического лидерства в информационном обществе с использованием такой новации в социально-политическом познании, как диалектико-типологический подход.

Методологическим основанием исследования служит диалектико-типологический подход, сочетающий в себе диалектический анализ противоречий и взаимосвязей в политической сфере с типологическим анализом различных форм политического лидерства. В рамках данного подхода будут использованы методы сравнительного анализа для сопоставления различных моделей политического лидерства в разных странах и исторических периодах, методы логико-системной объективации для выявления взаимосвязей между различными факторами, влияющими на политическое лидерство, а также сравнительный анализ различных данных.

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

Понятие информационного общества, несмотря на кажущуюся однозначность, остается предметом дискуссий среди исследователей. Отсутствие единого определения обусловлено многогранностью феномена и его динамичной эволюцией. Различные подходы акцентируют внимание на различных аспектах: одни определяют его через преобладание информационной сферы в экономике, другие — через особенности социальной структуры, третьи — через технологическую базу. Так, в рамках информационной составляющей

государственной политики Ищенко М. В. отмечает: «В государственных программах, нацеленных на развитие информационного общества, термин «информационное общество» используется для обозначения цели, которая может быть достигнута в ходе повсеместного внедрения и использования информационно-коммуникационных технологий. Считается, что это обеспечит устойчивое социально-экономическое развитие, повышение общественного благосостояния, укрепление социального спокойствия и приведет к развитию мировой демократии и международной стабильности» [1, с. 48]. Как следствие, общим знаменателем цивилизационного развития остается ключевая роль информации и информационных технологий в формировании всех сфер общественной жизни.

Многие определения подчеркивают существенное увеличение доли информационной продукции в общем объеме производимых товаров и услуг: информация становится не только ресурсом, но и главным фактором производства, определяющим конкурентоспособность как отдельных экономических агентов, так и целых государств. Цифровизация, являясь технологическим воплощением этого процесса, играет ключевую роль, обеспечивая хранение, обработку и передачу информации в беспрецедентных масштабах и возрастающих скоростях. Мы наблюдаем переход от аналоговых к цифровым форматам хранения и передачи информации практически во всех сферах жизни, от медицины и образования до производства и государственного управления [2].

Важнейшим элементом информационного общества являются сетевые взаимодействия. Развитие глобальных компьютерных сетей, прежде всего Интернета, привело к созданию виртуальных сообществ, расширило возможности коммуникации и сотрудничества независимо от географического положения участников, что, в свою очередь, ускорило глобализацию информации, с одной стороны, обеспечивая доступ к огромному массиву данных для любого пользователя, а с другой — создавая новые вызовы, связанные с контролем распространения информации, защитой авторских прав и борьбой с дезинформацией. Глобализация информации не является однородным процессом: она сопровождается как усилением межкультурного диалога и обмена знаниями, так и усилением информационных

дисбалансов между развитыми и развивающимися странами, а также риском доминирования определенных культурных и идеологических нарративов [3]. Новые технологии формируют новую социальную структуру, в которой знания и умение работать с информацией становятся ключевыми факторами социальной мобильности. В то же время типология цифровых рынков информационного общества ставит перед цивилизацией новые этические и правовые проблемы, связанные с защитой личных данных, борьбой с киберпреступностью и контролируемым использованием искусственного интеллекта [4].

ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Традиционная теория черт лидерства постулирует наличие врожденных качеств, определяющих лидерский потенциал человека: это могут быть интеллект, харизма, решительность, коммуникативные навыки и т.д. [5]. Однако в реалиях информационного общества этот концептуальный подход сталкивается с определенными ограничениями. Хотя наличие интеллекта и способности к эффективной коммуникации остаются важными, информационное общество требует от лидера гибкости, адаптивности к быстро меняющимся обстоятельствам и умения эффективно использовать цифровые инструменты. Просто наличия «врожденных» качеств уже недостаточно — необходима постоянная работа над самосовершенствованием, освоением новых технологий, которые связаны со способностью личности быстро анализировать огромные массивы данных. В противном случае, лидер, даже обладающий набором «классических» черт, рискует оказаться неэффективным в быстро меняющемся информационном ландшафте.

Ситуационные теории лидерства акцентируют внимание на влиянии новостного контента на эффективность лидерских действий. Они утверждают, что нет универсального стиля лидерства, и оптимальный подход определяется конкретной ситуацией, задачами и характеристиками команды. В информационном обществе ситуация постоянно меняется, что определяет логику ситуационного подхода особенно актуальной. Лидер должен уметь быстро адаптировать типологию своего стиля управления, учитывая особенности информационного потока, динамику общественного мнения, формируемого в онлайн-пространстве, и диалектический потенциал исполь-

зования новых идеологических технологий для достижения политических целей. Однако сложность и непредсказуемость информационного поля делают точный прогноз ситуации и выбор оптимальной стратегии чрезвычайно сложной задачей. Необходимо развивать рефлексивную гибкость мышления и способность к быстрому принятию решений на основе неполной информации [6].

Трансформационное лидерство фокусируется на вдохновлении и мотивации последователей, формировании общей визии, стимулировании роста и развития команды единомышленников. В информационном обществе трансформационный лидер должен уметь эффективно коммуницировать с аудиторией через различные цифровые каналы, формировать доверие и взаимодействие в онлайн-среде, активно использовать инновационные технологии для достижения своих целей. В то же время риски дезинформации и манипуляции общественным мнением в информационном пространстве делают трансформационное лидерство более сложной задачей. Исходя из этого лидер должен уметь различать правду и ложь, эффективно противодействовать пропаганде и дезинформации, что требует особого самосовершенствования индивидуальных компетенций.

Харизматическое лидерство опирается на исключительные личные качества фаворита общественного мнения, которые вдохновляют последователей и способствуют формированию сильной привязанности к нему. В информационном обществе человеческая харизма может быть усилена искусственными средствами, что детерминирует риск манипуляции, ведет к проявлению культа личности. Виртуальное общение может усиливать эффект харизмы, но в то же время позволяет проверять информацию и формировать более критическое восприятие деятельности лидера. Как следствие, традиционные черты харизмы претерпевают существенные изменения в информационном обществе, становясь более прозрачными и требующими недвусмысленности.

Можно утверждать, что ни одна из традиционных теорий лидерства не может в полной мере объяснить сложные процессы формирования и функционирования политического лидерства в информационном обществе. Необходим интегративный подход, учитывающий как личностные качества лидера, так и контекстуальные

факторы, включая информационные технологии и динамику общественного мнения. Диалектико-типологический подход, предложенный в статье, представляется перспективным направлением для дальнейшего исследования этого важного вопроса. Будущие исследования должны сосредоточиться на выявлении новых типов лидерства, адаптированных к условиям информационного общества, и разработке практических рекомендаций для формирования эффективной политической элиты в эпоху цифровой демократии.

ДИАЛЕКТИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛИДЕРСТВЕ: ТРАДИЦИИ И НОВЫЙ ПОДХОД

В условиях информационного общества политическое лидерство сталкивается с множеством диалектических противоречий, которые формируют его сущность и определяют стратегии воздействия на общество. Одним из ключевых аспектов, требующих глубокого анализа, является противоречие между традиционными и новыми методами коммуникации. В недалеком прошлом политические лидеры в значительной степени полагались на устные выступления, печатные СМИ и прямые встречи с избирателями. Эти классические методы обеспечивали определенную степень контроля над информацией и позволяли формировать общественное мнение в рамках заданных параметров [7]. Однако с развитием цифровых технологий и социальных сетей возникли новые формы и форматы диалектико-типологического взаимодействия, которые не только расширили возможности коммуникации, но и создали новые вызовы. Политические лидеры теперь должны адаптироваться к быстроменяющемуся информационному ландшафту, где информация распространяется мгновенно и зачастую вне контроля властей, что приводит к необходимости осмысления новых подходов к коммуникации, которые должны учитывать как возможности, так и риски, связанные с цифровыми платформами.

Следующим важным противоречием является взаимодействие между глобализацией и локализацией политического влияния. Глобализация как процесс, способствующий интеграции различных стран и культур, предоставляет доступ политическим лидерам к более широкой аудитории, а также расширяет возможности для сотрудничества на международной арене.

Тем не менее одновременно с этим наблюдается рост локальных движений, в которых люди стремятся отстаивать свои интересы и идентичность [8]. Стоит особо подчеркнуть, в условиях глобализации местные сообщества могут чувствовать себя угнетенными или игнорируемыми, что приводит к возникновению популистских настроений, усилению националистических тенденций, псевдополитическим взглядам.

Не менее значимым является противоречие между открытостью информации и ее манипуляцией. В информационном обществе доступ к данным и информации стал более демократичным, что, безусловно, является положительным моментом. Однако это также создало условия для манипуляции общественным мнением через распространение фейковых новостей и дезинформации. Политические лидеры, стремясь к власти, нередко используют информационные технологии для манипуляции восприятием реальности, что подрывает доверие к институтам власти и способствует поляризации общества, компрометации норм международного порядка [9]. В этой ситуации вопрос о том, как сохранить открытость информации, не допуская при этом ее искажения, становится критически важным.

Наряду с традиционными качествами возникают новые требования к политическим лидерам, обусловленные изменениями в технологической среде, общественном бытии и общественном сознании [10]. Цифровые компетенции, во многом формируемые образовательной средой, — необходимый атрибут современного лидера [11]. Умение работать с большими данными, анализировать информацию и принимать обоснованные решения на основе цифровых аналитических инструментов становится важным для успешного управления. Лидеры должны обладать навыками эффективной коммуникации в цифровых средах, где социальные сети и другие платформы играют ключевую роль в формировании общественного мнения и распространении информации. Способность противостоять дезинформации и манипуляциям — критически важное свойство человека, поскольку в условиях информационной перегрузки расширением «диапазона вброса» фейковых новостей доверие к политическим институтам может сильно подорваться.

Анализ противоречий и взаимосвязей между традиционными и новыми формами лидерства

показывает, что эти два аспекта не являются взаимоисключающими, а скорее дополняют друг друга. С одной стороны, стремление к авторитету, которое было характерно для традиционного лидерства, сталкивается с диалектической необходимостью прозрачности идей и открытости мнений, что требует от лидеров большей ответственности перед обществом. С другой стороны, потребность в быстром принятии решений, обусловленная динамикой современного мира, может вступать в конфликт с необходимостью учета общественного мнения и мнений различных социальных групп. Это создает сложную ситуацию, в которой лидеры должны находить баланс между авторитарным стилем управления и демократическими принципами участия граждан в делах общества.

Таким образом, диалектика традиционного и нового политического лидерства в информационном обществе представляет собой сложный процесс, в котором традиционные элементы продолжают сохранять свою значимость, но одновременно возникают новые требования, которые требуют от лидеров адаптации и субъектологического переосмысления своих подходов. Важно отметить, что успешные лидеры будущего будут те, кто сумеет интегрировать традиционные ценности с новыми вызовами, создавая тем самым гибкую и адаптивную модель лидерства, способную эффективно реагировать на изменения в обществе и технологической среде.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИКИ РФ В РАМКАХ ПОДХОДА

Информационное общество, характеризующееся беспрецедентным объемом и скоростью распространения информации, кардинально трансформирует природу политического лидерства. Традиционные механизмы влияния, основанные на контролируемых СМИ и ограниченном доступе к информации, уступают место более сложной и креативно-динамичной коммуникативно-цифровой среде. Это требует от политических лидеров адаптации к новым реалиям, освоения новых инструментов влияния и понимания изменчивой информационной повестки. В этом дискурсе диалектико-типологический подход позволяет систематизировать многообразие лидирующих стратегий, выявляя как противоречия, так и закономерности их эволюции. Анализ политической практики Российской Федерации

позволяет проиллюстрировать эффективность такого подхода.

В России, как и в других странах, наблюдается диалектическое взаимодействие между традиционными и новыми формами политического лидерства. С одной стороны, сохраняется тенденция к авторитарному лидерству, опирающемуся на контроль над традиционными СМИ и административными ресурсами, что проявляется в централизации власти, ограничении политической конкуренции и использовании пропаганды для формирования желательного общественного мнения. Лидеры этого типа, часто демонстрируя культ личности и уверенность в собственной правоте, опираются на вертикаль власти и ограниченный круг доверенных лиц. Их коммуникативная стратегия, хотя и использует современные технологии, часто носит монологовый характер, ориентированный на управление общественным восприятием, а не на диалог и взаимодействие.

С другой стороны, информационное общество порождает потребность в новых типах лидерства, более адаптированных к многоголосной, многоликой коммуникации, высокому уровню политической осведомленности граждан. Здесь наблюдается рост влияния блогеров, общественных активистов и лидеров мнений, способных эффективно доносить свою позицию до широкой аудитории, используя различные цифровые каналы. Лидеры часто опираются на сетевые формы организации и «горизонтальные связи», формируя альтернативные информационные потоки и выстраивая доверительные отношения со своей аудиторией на основе открытого диалога и смысловой прозрачности. Их риторика ориентирована на эмоциональную связь с аудиторией, использование мемов и других инструментов сетевой культуры. Однако их влияние ограничено отсутствием прямого доступа к административным ресурсам и возможностями контрпропаганды со стороны государства.

Таким образом, в России мы наблюдаем сложное переплетение традиционного авторитарного лидерства и возникающих новых форм лидерства, основанных на сетевых взаимодействиях и информационных технологиях. Диалектическое взаимодействие в информационном пространстве порождает противоречия: борьба за контроль над «оповещательным контентом», конкуренция разных идеологических дискурсов,

формирование «эхо-камер», поляризация общественного мнения. Типология лидеров в данном контексте может быть представлена широким спектром значений: от авторитарных лидеров с ограниченными контактами с общественностью до сетевых лидеров, настроенных на открытый диалог и коллаборацию. Место конкретного лидера в этом спектре зависит от множества факторов, включая его личностные качества, доступ к информационным ресурсам и избранную стратегию компетентностной коммуникации.

ВЫВОДЫ

Исследование показало, что политическое лидерство в информационном обществе России характеризуется диалектическим взаимодействием традиционных авторитарных моделей и возникающих сетевых форм лидерства. Типология такого взаимодействия создает сложную динамическую среду, отмеченную конфликтами и постоянной борьбой за влияние. Полученные теоретические результаты могут быть применены для более эффективного анализа политических процессов в России, комплексной разработки стратегий политического маркетинга, а также для улучшения политического образования, ориентированного на понимание

новых реалий в развитии информационного общества. Идеологическая объективация механизмов развития разных типов лидерства позволяет более эффективно противостоять идейной манипуляции и вражеской пропаганде, активнее совершенствовать критическое мышление политически сознательной личности и ее способность к анализу информационных потоков.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на более глубокое изучение воздействия специфических информационных технологий на формирование политического лидерства, анализ роли искусственного интеллекта в политических кампаниях, исследование влияния дезинформации и фейковых новостей на общественное мнение и избирательное поведение граждан. Также важно актуализировать разработку типологий политических лидеров в информационном обществе, учитывающую культурно-историческую, национально-религиозную специфику разных стран и народов. Особое внимание следует уделить исследованию транспарентного влияния глобальных информационных сетей на формирование транснациональных лидерских сетей и их логико-когнитивное воздействие на международные отношения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ищенко М. В. Информационное общество: подходы к определению сущности категорий. *Вестник ОмГУ. Серия: Экономика*. 2007;(1):47–54. <https://www.elibrary.ru/lspovz>
2. Дзюбан В. В. Проблема внедрения цифровых технологий в систему образования в XX–XXI вв. *Архонт*. 2021;(6):34–39.
3. Ягодзинский С. Н. Глобализация информационных сетей как условие реализации их социокультурного потенциала. *Молодой ученый*. 2015;(16):510–513.
4. Стечкин И. Информационное общество. Москва: Издательский дом «Тион»; 2023. 192 с.
5. Авдеев П. С. Организационное лидерство: обзор теории черт. *Гуманитарные научные исследования*. 2024;(10). <https://human.snauka.ru/2014/10/7824>
6. Лустин Ю. М. Рефлексивное мышление студента в гносеологической доминанте цифрового образования. *Архонт*. 2022;(5):93–102. <https://www.elibrary.ru/blmckk>
7. Полозова А. М. Основные теоретико-методологические подходы к анализу политического лидерства в условиях информационного общества. *Образование и право*. 2013;(8):13–30.
8. Бредихин А. В. Фронтирные факторы формирования идентичностей (на примере донских казаков). *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2021;11(5):1462–1466. <https://etnopolitolog.ru/index.php/en/table-of-contents-of-the-issue/5-74-2021>
9. Разрыв гегемонии: новое исследование строительства международного порядка и системы глобального управления в новую эпоху. Под ред. Бредихина А. В. Москва: АНО ЦЭМИ; 2023. 126 с.
10. Сидорова Д. В., Кондрашова Я. К. Сущность политического лидерства: понятие и теории. *Форум молодых ученых*. 2021;(1):301–303. <https://www.elibrary.ru/mtdivp>
11. Разбеглова Т. П. Цифровизация образовательной среды и судьбы гуманистической культуры в XXI веке. *Архонт*. 2022;(6):60–71. <https://www.elibrary.ru/fxyeqc>

REFERENCES

1. Ishchenko M.V. Informacionnoe obshchestvo: podhody k opredeleniyu sushchnosti kategorij. Vestnik OmGU. Seriya: Ekonomika 2007;(1):47–54. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/lspovz>
2. Dzyuban V.V. The problem of introducing digital technologies into the education system in the 20–21 centuries. *Arhont*. 2021;(6):34–39. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/ghgfyh>
3. Yagodzinskij S.N. Globalizaciya informacionnyh setej kak uslovie realizacii ih sociokul'turnogo potentsiala. *Molodoj uchenyj*. 2015;(16):510–513. (In Russ.). <https://moluch.ru/archive/96/21550/>
4. Stechkin I. Informatsionnoe obshchestvo. Moscow: Izdatel'skiy dom "Tion"; 2023. 192 p. (In Russ.).
5. Avdeev P.S. Organizational leadership: Trait theory review. *Humanities scientific researches*. 2024;(10). (In Russ.). <https://human.snauka.ru/2014/10/7824>
6. Lustin Yu.M. Reflective thinking of a student in gnoseological dominant of digital education. *Arhont*. 2022;(5):93–102. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/blmcck>
7. Polozova A.M. The main theoretical and methodological approaches to the analysis of the political leadership in the information society. *Education and Law*. 2013;(8):13–30. (In Russ.).
8. Bredikhin A.V. Frontier factors of identity formation (on the example of the Don cossacks). *Issues of National and Federative Relations*. 2021;11(5):1462–1466. (In Russ.). <https://etnopolitolog.ru/index.php/en/table-of-contents-of-the-issue/5-74-2021>
9. Razryv gegemonii: novoe issledovanie stroitel'stva mezhdunarodnogo poryadka i sistemy global'nogo upravleniya v novuyu epokhu. In: Bredikhin A.V., editor. Moscow: ANO TsEMI; 2023. 126 p. (In Russ.).
10. Sidorova D.V., Kondrashova Y.K. Essence of political leadership: Concept and theory. *Forum molodyh uchenyh*. 2021;(1):301–303. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/mtdivp>
11. Razbeglova T.P. Digitalization of the educational environment and the fate of humanistic culture in the xxi century. *Arhont*. 2022;(6):60–71. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/fxyeqc>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Юрий Михайлович Лустин — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, Россия, Донецк
Yuriy M. Lustin — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Philosophy Department, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Russia, Donetsk
 lustin56@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 04.11.2024; принята к публикации 27.02.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 04.11.2024; accepted for publication on 27.02.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-70-80

УДК 32.019.51:004.738.2(045)

Методы управления историко-культурным наследием: диагностика, прогнозирование, проектирование

К.В. Быков

Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук, Москва, Россия;
Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье приводится обзор новых практик регионального управления, а также выделяются методы управления культурным наследием в условиях усложнения институтов и возможной поляризации мнений внутри территориальных сообществ. С одной стороны, управленческие институты возникали, укреплялись и эволюционировали в условиях преодоления турбулентности девяностых — нулевых, а с другой — на данном этапе уже назрел запрос на адаптацию механизмов и «институций» под современную хипстерскую культуру, проникшую через выстроенные в последнее десятилетие креативные индустрии и попытки их интеграции с управленческими структурами. Возникает опасность нового разрыва между территориальным управлением, наукой и практикой на фоне процессов вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, помноженным на растущие демографические проблемы и депопуляцию сельской местности.

Ключевые слова: управление культурным наследием; методы управления; историко-культурное наследие; региональное управление; урбанизация; демография

Для цитирования: Быков К.В. Методы управления историко-культурным наследием: диагностика, прогнозирование, проектирование. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):70-80. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-70-80

ORIGINAL PAPER

Methods of Historical and Cultural Heritage Management: Diagnostics, Forecasting, Design

K.V. Bykov,

Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
State Academic University for Humanities (GAUGN), Moscow, Russia

ABSTRACT

The article explores new practices in regional management and highlights methods for managing cultural heritage in the context of increasingly complex institutions and potential polarization of opinions within territorial communities. On the one hand, management institutions emerged, grew stronger and evolved during the turbulent years of the 1990s and 2000s. On the other hand, at this stage, there is already a need to adapt these mechanisms and institutions to modern hipster culture, which has permeated through the creative industries established in the last decade. There are attempts to integrate them into management structures. There is a risk of a new gap between territorial administration, science and practice, especially considering the processes of vertical and horizontal social mobility, as well as the growing demographic problems and depopulation of rural areas.

Keywords: cultural heritage management; management methods; historical and cultural heritage; regional management; urbanization; demography

For citation: Bykov K.V. Methods of historical and cultural heritage management: Diagnostics, forecasting, design. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):70-80. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-70-80

ВВЕДЕНИЕ

В контексте развития и макроизменений последних 30 лет мы многое утратили из прежней структуры управленческих механизмов, но и многое пришлось приобрести, переработать, а от некоторых даже отказаться, поначалу приняв западные образцы управления, как на макроуровне, так и на более близких к населению ступенях системы государственного управления.

Эти процессы серьезно отразились на уровне компетенций и динамике самосознания и самоопределения института местного управления и самоуправления, прошедшего за эти годы путь от нулевой точки, равной полной и вынужденной самостоятельности и свободы, до интегрированности в систему государственного, частного и общественного проектирования. Складывается впечатление, что в условиях чрезвычайной депопуляции в последние годы выбран путь к механизмам одноуровневого управления, где сельские поселения сближаются и, по сути, примыкают к городам, образуя гибридные квазитерритории, включающие элементы городского хозяйства, сельские поселения и агропромышленный и лесной комплексы. Данная система предъявляет к главе поселения и его команде максимально высокие требования и наличие исчерпывающего уровня знаний по всем спектрам экономической, социальной и социокультурной жизни территории. В ходе глубинных интервью ряда последних исследовательских проектов, удалось зафиксировать высокий уровень компетентности и профессионализма руководителей среднего и высшего звена в различных муниципальных образованиях. Значительно сократилась «дистанция власти и рядового жителя территории». В то же время территории обладают различным потенциалом, ресурсами, как природными, материальными, культурными, так и человеческими. Очевидно, что наличие крупного федерального предприятия-налогоплательщика значительно расширяет возможности территориального руководства, по сравнению с муниципальным образованием, не имеющим на своей территории подобного.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Город и его социальная структура меняется, эволюционирует. Науки, изучающие город и процессы, происходящие в нем, также развиваются и становятся более сложными и разнообразными.

Именно городская среда являет собой эталонный образец социокультурной динамики, описанный П. Сорокиным более 80 лет назад и отнюдь не утративший своей актуальности [1]. Применительно к изучаемой нами теме управления историко-культурным наследием также необходимо применять комплексный, полисубъектный подход. Это следует в том числе из практики управления последних лет. За прошедшие десятилетия был пройден путь от неготовности считаться с ценностью наследия, не только по причине минимальных бюджетных значений на содержание и решение первоочередных задач, но, что важнее, отсутствия образцов механизмов управления, построения частно-государственного партнерства, отсутствия институтов контроля¹. А. Лефевр предложил рассматривать пространство как результат и инструмент социальных действий. По его мнению, пространство создается через взаимодействие людей, политических институтов, экономических сил и культурных практик. Он утверждал, что оно активно «производится» через эти процессы, а не просто существует как данность [2].

Во времена расцвета урбанистики, во второй половине XX в., она оперировала междисциплинарным комплексом методов и подходов общественных и социальных наук, демографии, истории, географии, экологии, вбирая со временем юриспруденцию, экологию, политику, экономику и т.п. В последние десятилетия в одном ряду познания стоят религиоведение и герменевтика, теория относительности и кибернетика, каждая со своих позиций стараясь объяснить и интерпретировать усложняющиеся общества, сообщества, а также их взаимодействие. Социология занимает важное место в научном осмыслении города и городской жизни. Она исследует городское хозяйство, управленческие процессы и урбанизационные тенденции в рамках различных урбанистических теорий и парадигм. Социологи изучают как отдельные города и локальные сообщества, так и типологию поселений, их географическую и демографическую систематизацию.

Само понятие «урбанизация» менялось и дополнялось. Оно перешло от описания процессов, происходящих в обществе под влиянием урбанизации, к описанию состояния общества, которое

¹ Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. Москва: Наука; 1994. 560 с.

уже является урбанизированным. Эти исторические процессы сформировали различные модели отношения к объектам культурного наследия, которые окружают горожанина и влияют на его установки. На базе полученного знания рождаются новые теоретико-методологические принципы и подходы, исследующие роль и влияние урбанизационных процессов на эволюционные и цивилизационные процессы.

Французский философ А. Лефевр теоретизирует на тему инклюзивности общества и пространства и их взаимного проникновения и возможной деформации, развивая мысль о том, что все пространство земли, включая сельскую местность и пустынные территории, структурируется по модели индустриального города. По сути это означает превращение планеты в город, а человечества — в горожан. В таком векторе различными становятся и методы управления культурным наследием, или, иначе говоря, культурными ценностями города. Л. Вирт писал: «Индивидуум, если он вообще участвует в социальной, политической и экономической жизни города, должен подчинить отчасти свою индивидуальность требованиям более широкого сообщества и в этой мере вовлечься в массовые движения»².

Еще четверть века назад город рассматривали как развивающийся и усложняющийся механизм, используя различные метафоры, такие как «финансовая коробка». При этом среда изучалась отдельно от человека, а его потребности и запросы — вне контекста места проживания. Возможно, ученые не имели достаточного измерительного инструментария для глубокого анализа их взаимного влияния. Однако учеными из Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН) разработана комплексная технология изучения городских процессов с позиций экоантропоцентрической парадигмы, основанная на понимании взаимодействия человека и городской среды как метаболизма, проблемноориентированного подхода, где человек и среда взаимно и непрерывно воздействуют друг на друга, ежедневно создавая новую реальность. Дридзе оперирует понятиями *человек* и *среда*, с одной стороны, расширяя сферу воздействия индивида на окружающий

мир, с другой — сознательно уходит от понятия общества, принимая за основу понимание, где общество и группа распадается на единицы [3].

Параллельно с привлечением новых жителей в города в последние годы сильно выросла актуальность поиска и разработки методов и подходов, способных оставить человека в родном городе. Необходимо искать новые подходы в этом вопросе и учитывать при проектировании зон активности для туристов и во имя туристов интересы местных жителей, для предотвращения социальной напряженности между двумя этими ведущими для города группами. Антропоцентрический подход говорит о том, что в начале нужно решать проблемы жителей, а потом проблемы города, туризма. Умение согласовать и развести интересы потребителей «городского контента», сохранить местный жизненный уклад и сделать его привлекательным для туристов — задача, выводящая практику управления городской средой на новый уровень. Очевидно, что в одиночку органам местной власти и местным сообществам не хватит ни ресурсов, ни креативности. Но практика последних 30 лет наглядно демонстрирует, что решающим в выживании социума, какой бы изменчивой и нестандартной, неуправляемой ни была ситуация, является именно культурный аргумент, а также вариации его использования на индивидуальном, групповом и социальных уровнях. Одним из итогов последнего времени стало понимание того, что чем меньше населенный пункт, тем актуальнее проблемы в зоне удовлетворения базовых проблем, по мере увеличения населения [4].

Стратегическое планирование повсеместно развитая практика. Брендинг важен, и он является визуализацией и дополнением в реализации стратегий.

Не стоит забывать о комфорте самих жителей и о «духе места». Именно культура, образ жизни и люди, её создающие, являются ключевыми факторами. Город может и должен жить, если мы будем создавать информационно-коммуникативные узлы и прилагать усилия для упорядочивания этих потоков.

Несмотря на кажущуюся близость и ориентацию на местные сообщества и туристов, социальный брендинг — это в первую очередь инструмент формирования консолидации экономистов [5].

Из статьи в статью ученые, экономисты, управленцы говорят о проблемах малых городов, об

² URL: https://inon.ru/site/assets/files/2505/2005_virt.pdf

очевидных отличиях жителей малых городов от крупных урбанистических центров. Причины кроются в культурных, патернальных основаниях — чем ближе люди к сельской местности, тем больше они рассчитывают на себя и отождествляют власть центральную и местную и понимают, что необходимо ставить реальные вопросы с поправкой и сужением фокуса не только на федеральный округ, регион, республику, область, но на конкретную местность и ее специфику. Но антропоцентрический подход идет далее и говорит о том, что в начале нужно решать проблемы жителей, а потом проблемы города, туризма. Необходимо повышать субъектность социальных групп, в частности, путем организации межрегиональных платформ, с возможностью дискуссии и обмена опытом, поскольку очевидна схожесть и унифицированность базовых проблем муниципалитетов, но при ближайшем рассмотрении и глубинном исследовании социокультурной среды становится столь же очевидным разнообразие подходов и путей решения проблем, конфликтных ситуаций и стратегий территориального развития [6].

Методология управления историко-культурным наследием в том числе зависит от позиции, с которой проводится диагностика и анализ проблем. Если спросить жителя, какие проблемы его беспокоят, и попросить его проранжировать эти проблемы, они очевидно не совпадут с рейтингом проблем предпринимателя, архитектора, экономиста. Задача системы управления городом состоит в том, чтобы учитывать весь пул этих проблем и находить пути их решения. Для решения этой задачи часто используются игровые техники, такие как организационные игры и организационно-деятельностные игры. Особенно хорошо зарекомендовали себя организационно-поисковые игры, которые успешно применяются для трансформации городской среды. Эти игры предполагают формирование команды игроков, заранее подобранных опытным модератором. Внедрение организационно-деятельностных игр в управление городскими процессами на постоянной основе позволяет сформировать реестр экспертов в широком спектре городских социокультурно-экономических отношений.

На данный момент стратегия устойчивого пространственного культурного развития и стабильности, утверждённая в 2019 году, в значительной степени реализуется благодаря нацио-

нальному проекту «Культура», Президентскому фонду культурных инициатив и Агентству стратегических инициатив. Первостепенные задачи, которые они ставят перед собой, включают анализ существующего информационного поля, федеральных конкурсов и инициатив, глубокий анализ уже реализованных проектов и муниципальных образований, участвующих в них. Кроме того, проводится исследование экономических, социальных, демографических и других эффектов от реализации проектов в малых городах и исторических поселениях. Также анализируются проблемы муниципальных образований и предпринимаются шаги для их решения, включая привлечение федеральных средств. Кроме того, предлагаются различные методические подходы к вовлечению и сопровождению муниципальных образований сетью некоммерческих организаций. При этом есть масса направлений, которые остаются пока без внимания. Существует большой запрос на обучающие практики, но эксперты сходятся в мнении, что пока не разработаны обучающие программы подготовки кадров к работе с объектами культуры [7]. Управленческие структуры муниципалитетов готовы к реальному понятийному, интеллектуальному перевооружению, повышению уровня компетенций в самом широком смысле, так как предъявляемые к ним растущие и расширяющиеся требования подталкивают к постоянному повышению уровня квалификации. Одним из ярких примеров успешной реализации территориальных стратегий является развитие внутреннего туризма. Этот процесс стал приоритетным направлением на всех уровнях и в рамках основных приоритетов. В рамках беспрецедентного финансирования (более 200 млрд руб.) заложены не только солидные средства на модернизацию и приспособление среды, но и обучающие программы для руководителей и сотрудников профильных ведомств городских округов и муниципалитетов, обладающих туристическим потенциалом разного уровня. Результатом участия в таких программах становится внедрение современных практик работы с городской средой, выявление, ранжирование, а также выделение наиболее перспективных и рентабельных направлений развития, в малые города приходит «брендинг».

Правда, утвердить и соорудить фотозону и разработать логотип города и вписывать его

в городские пространства и малые архитектурные формы еще не значит создать бренд города. В ходе визуального анализа нам неоднократно приходилось видеть типовые сердечки с меняющимся названием того или иного города, утопающие в грязи по причине отсутствия ливневых канализаций. Исследования коллег из Уральского федерального университета наглядно демонстрируют, что основными проблемами для жителей малых городов являются далеко не те проблемы, что беспокоят жителей крупных городов и городов-миллионников. В частности, в том же исследовании первые 3 места в рейтинге проблем — это проблемы выживания и коммунального хозяйства, а не культуры и образования, как в случае с респондентами Екатеринбурга.

Еще один скрытый отрицательный эффект экспоненциального роста внутреннего и внешнего туристических потоков — неодинаковое отношение туристов и местных жителей к городской среде и возникающий социальный конфликт, нарастающий негативный тренд во взаимном отношении этих целевых аудиторий по отношению как к отдельным объектам городской среды, так и городскому пространству в целом.

Эксперт, участник исследования ИС ФНИСЦ РАН, так характеризует ситуацию с повышением компетенции на потоках в ведущих вузах: «Да, они (руководители) возвращаются заряженными энергией, с горящими глазами. Но они начинают говорить на другом языке, сотрудники их не понимают. Тогда отправляют туда же на «интенсив» начальников отделов, и по возвращении они говорят на одном языке, но теперь их не понимают рядовые сотрудники и сотрудники подведомственных организаций. Здесь и происходит «затык», так как необходимо транслировать идеи и проекты дальше, населению, а делать это получается некому».

Рабочие процессы, связанные с культурным наследием, вошли в систему конструирования ключевых показателей эффективности органов власти муниципального уровня. К основным задачам нацпроекта «Культура» относятся: повышение уровня жизни и доступность культурных услуг; предоставление достоверной, проверенной информации рядом с местом жительства; создание равных возможностей для городских и сельских жителей в доступе к информации и современным технологиям, созда-

ние комфортных условий для жизни и развития личности³. Заложены и успешно развиваются механизмы долгосрочных стратегий управления, описанные в материалах ИС ФНИСЦ РАН, управление все чаще строится на участии всех заинтересованных субъектов в совместной деятельности, по субъект-субъектной модели.

В последние годы в ходе эксплораторных исследований Центра социологии управления и социальных технологий мы отмечаем значительный сдвиг не только в плане доступности культурно-массовых мероприятий в крупных городах, но и в малых городских поселениях, а также в сельской местности. Применительно к рассматриваемому нами вопросу можно отнести следующие нацпроекты [8].

В то же время в последние годы стала очевидна актуальность сближения, единства и необходимости поиска объединяющего импульса, стержня. Вначале на социетальном, институциональном, региональном и уровне местного самоуправления. Этим стержнем стала культура, культурное и историческое наследие во всем многообразии его проявлений и качеств. Но сложность структуры, тонкости материи культурных процессов и механизмы их взаимодействия, очевидно, нуждаются в особых, нелинейных многосторонних институтах управления [9].

В 2013 г., отмечая невозможность имплантации готовых западных образцов в российскую действительность, А. В. Тихонов предложил набраться терпения и наконец-то вырастить свои собственные социальные институты, формирующие новую структуру общественного устройства. Прошло более 10 лет, и можно подвести некоторые итоги. Развитие института приоритетных национальных проектов (национальных проектов) в посткризисной России двигалось практически в духе пирамиды А. Маслоу, от здоровья и комфортного жилья к культуре и комфортной городской среде [10].

А мысль о том, что надо переходить к «выращиванию» социальных институтов на нашей собственной социокультурной почве, уже ближе к реальности. Остается только понять, как правильно расставить приоритеты, и определить, кто и как этим будет заниматься, и запастись

³ URL: https://znanierussia.ru/articles/Национальный_проект_«Культура»

терпением, чтобы выдержать естественный жизненный цикл такого «выращивания».

Постоянно изменяются, адаптируются, модернизируются подходы к изучению, сохранению и управлению культурным наследием. От первых хартий ЮНЕСКО до актуальных подходов проделан огромный путь, накапливалась изменчивая практика от музеефикации до активного включения объектов культурного наследия в городскую повседневность. Первый реестр объектов культурного наследия был создан при Николае I и включал около 4000 объектов. Развивались общественные организации (археологические общества, общества изучения древностей). Закон не был принят, но определение памятника закрепляется в документах: памятник мог обладать научной, эстетической или исторической ценностью.

Современный горожанин довольно хорошо информирован и просвещен в подходах к городскому управлению, разбирается в урбанизационных процессах, вопросах культурного наследия. Вместе с тем он уже не просто гедонист и ценитель прекрасного, он избалован «близостью города»⁴. И ребенка, и взрослого жителя города практически невозможно удивить в городской повседневной жизни. Но, попадая в менее комфортные и технологичные условия села, наблюдая базовые природные явления и их последствия в человекообразном окружении, горожанин преисполняется восторга и удивления. Очень часто итогом такого погружения в сельскую среду в сознании горожан, молодых родителей происходит сдвиг, который еще 10 лет назад расценивался как некоторое отклонение, граничащее с девиацией, «обнуление», «дауншифтинг». Но после перенесенного планетой COVID 19 такой вариант «отходничества» вначале стал вариацией нормы, затем приобрел массовость, варьирующуюся от модных течений «избинга» до вполне практического осознания экологичности проживания на свежем воздухе, замене фитнеса повседневным трудом, нормализации количества социальных контактов, в противовес избыточности городской коммуникации [11]. Этот феномен быстро попал в исследовательский фокус психологов, социологов, экономистов и требует дальнейшего всестороннего и глубокого изучения. Столь же

стремительно развивается ситуация с отказом от, казалось бы, максимально прочно внедрившихся в нашу повседневность технологий. Номоvivens как будто задумался и испугался своего гедонизма. По инерции продолжая использовать социальные сети для общения, заработка, знакомств, «новый родитель» все чаще ставит вопросы перед правительствами стран о необходимости расширения возрастных ограничений, запретов социальных сетей для юных поколений. И если между процессом модернизации и урбанизации можно поставить знак равенства, то в ситуации спасения, избегания бесконечной и бесконтрольной модернизации Homo sapiens может спасти дезурбанизация? Возможно, но чем можно заменить «поколению digital» его сетевую повседневность? Здесь и возникает новый пласт задач, который под силу богатству и разнообразию культурного наследия в паре с практически безграничными возможностями познания, погружения и вместе с тем яркими примерами цифровизации, в частности применения ИИ.

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В последнее время в направлении поиска современных методов управления, сохранения и воспроизводства популяризации культурного наследия совершен заметный прорыв. В реализацию креативных практик оживления культурного наследия входят десятки регионов, городов, сел, и каждый год список пополняется [12]. Подробнее остановимся на нескольких проектах. В частности, проводятся фестивали в привычном формате популяризации фольклорных коллективов, народных промыслов. Но нематериальное культурное наследие отнюдь не ограничивается только классическим представлением культурных традиций (например, фольклор). Хороший отклик как у поколения миллениалов, так и у их отцов и даже представителей третьего возраста находит популяризация наследия СССР. «URAL MUSIC NIGHT»⁵ — музыкальный фестиваль в Екатеринбургe, проходящий в течение одной ночи в конце июня начиная с 2015 г. В 2019 г. количество его посетителей выросло более чем в 4 раза и достигло 300 000 гостей, более 2500 музыкантов выступили на 100 музыкальных площадках. Но деятельность фестиваля не ограничивается только музыкальными выступлениями, организаторы уделяют

⁴ URL: https://www.hse.ru/data/2018/09/07/1155200918/Зимель_Большие_города.pdf

⁵ URL: <https://livingheritage.ru/brand/list>

время и внимание мероприятиям, направленным на межпоколенческое взаимодействие и обмен мнениями и опытом. Также проводятся мастер-классы от популярных групп советской эпохи, в период проведения организаторы устраивают музыкальный лагерь для юных музыкантов и менеджеров групп. Организаторы популяризируют свой успешный кейс и расширяют географию фестиваля на соседние и более отдаленные регионы.

Другим примером междисциплинарного взаимодействия в рамках популяризации советского наследия может служить проект «Первая фабрика авангарда» в городе Иваново, сплотивший представителей архитектурной, дизайнерской, культурологической индустрий. Данное мероприятие позволило «городу невест» стать еще и столицей авангарда, что позволило по-новому осмыслить роль и место города в историческом, культурном процессе. Этот кейс наглядно демонстрирует, как подобные фестивали и мероприятия способны стать катализатором изменений в городской повседневной жизни. В 2020 г. был отреставрирован вокзал города Иваново, жемчужина конструктивизма архитектора В. Каверинского. Активное и своевременное участие в программах Президентского фонда культурных инициатив позволило выиграть грант на размещение на территории вокзала арт-пространства.

Ярким примером частно-государственного партнерства служит «Гастрономическая карта России». Примером успешного управления и развития современным объектом культурного наследия, может служить «гастробренд Владивостока», который благодаря модному в мире паназиатскому направлению кухни, космополитичной атмосфере, высокой деловой активности и доступности высококачественных морепродуктов сумел сформировать гастрокластер, пользующийся популярностью как в России, так и за ее пределами. Примечательно, что изначально гастробренд Владивостока, был известен в Юго-восточной Азии, имея имидж «ближней Европы» и лишь затем, благодаря грамотному позиционированию и развития стал популярен среди россиян.

Один из ярких примеров того, как выдающийся памятник зодчества и социальной культуры незаслуженно забывается и теряет свой статус — история Рязанской областной сельскохозяйственной, промышленной и строительной выставки. Будучи региональным аналогом ВДНХ,

она была позже низведена до положения «Торгового городка», а в постсоветское время вошло в стадию разрушения и руинирования. Но сегодня активность градозащитников и продвижение как локального культурного бренда дает шанс на возрождение этого места. Провинциальная ВДНХ появилась в Рязани стремительно, буквально за несколько месяцев в октябре 1955 г. здесь появился яркий архитектурный комплекс «сталинского ампира» с павильонами, дорожками, площадями, парковыми фонтанами и скульптурами, олицетворяющий образцовый социалистический город. Площадь территории комплекса составляла 9,6 га — на ней разместили 22 павильона, два животноводческих помещения, ресторан, бассейн, множество киосков и даже пожарное депо. Первоначальный размах по функционалу и стилю удалось удержать недолго. Уже в 1959 г. Рязанская выставка была перепрофилирована в более стандартный торговый комплекс с магазинами продуктов, одежды, обуви, мебели, книг и хозяйваров. За ним до сих пор закрепилось название «Торговый городок». Ветшая, он дошел до наших дней. В лихие 90-е он докатился до положения обычной «барахолки», а сегодня даже торговля рассадой и носками здесь ведется скорее по остаточному принципу. Казалось, это место было забыто и потеряло свое значение для жителей. Но только когда замаячили перспективы сноса и застройки городка новым жильем, градозащитники воспрепятствовали этому решению и добились в 2018 г. признания его достопримечательным местом. Многие павильоны, комплексы почти разрушены, крыши текут. Но буквально сразу после включения весной 2018 г. «Торгового городка» в перечень локальных культурных брендов России в проекте «Живое наследие» началось оживление «Провинциальной ВДНХ». В истории каждого города существуют места, которые когда-то были символами процветания и культурного богатства, но со временем потеряли свою значимость и оказались на грани забвения.

Функция культурного наследия не сводится только к событийно-развлекательному туризму. Бывает и так, что объект культурного наследия являет собой свидетельство не только ушедшей эпохи, но раздвигает границы пространства и времени.

Храм Рождества Христова в Крохино, построенный в конце XVIII в., представляет собой уникальный архитектурный и культурный объект,

расположенный у самого берега живописного Белого озера, у истока реки Шексны. Этот храм стал единственным в России храмом на воде, который сохранился после масштабного затопления территорий, вызванного строительством Волго-Балтийского водного пути в 1960-х гг. Это водное сообщение, соединяющее реки Волгу и Неву, стало важной артерией для судоходства, но в процессе его создания многие населенные пункты, включая десятки сел и деревень Белозерья, оказались под водой.

Крохино — это не просто географическая точка на карте, а место, где родился и провел свои детские годы новомученик Федор Иванович Богданов. Его жизнь и судьба неразрывно связаны с историей этой местности. Храм Рождества Христова стал важнейшим элементом исторического ландшафта верховьев реки Шексны, который сформировался в средневековье рядом с одним из древнейших городов Северной Руси — Белозером. Этот город играл значительную роль в истории России, будучи важным торговым и культурным центром. Крохинская церковь — единственный сохранившийся объект, который сохраняет память о богатом историческом прошлом этой территории, когда жизнь здесь бурлила, а люди собирались на праздники, работали в полях и строили свои судьбы. В результате затопления, которое затронуло не только Крохино, но и множество других населенных пунктов, исчезли целые деревни, и с ними ушла история, традиции и культура местных жителей. На масштабе всей акватории Волго-Балта число затопленных населенных пунктов исчисляется сотнями, что подчеркивает масштаб трагедии. Символом этого исчезающего времени стал именно храм Рождества Христова, который остался единственной уцелевшей постройкой в затопленном селе. Храм стал символом того, что когда-то составляло жизнь этих мест, и его существование наполняет пространство исторической памятью. Интересно, что храм часто называют «храмом-маяком». Это название связано с тем, что над его куполом был установлен маяк, который помогал кораблям ориентироваться на водном пути. Благодаря этому маяку храм в Крохино не был уничтожен, как многие другие храмы, расположенные на будущей акватории Волго-Балта. Таким образом, на некоторое время он стал техническим объектом, обозначающим устье реки Шексны и вход/выход из Белого озера. Это придает храму особую зна-

чимость и символическую нагрузку, так как он стал не только религиозным, но и навигационным ориентиром. В настоящее время храм Рождества Христова в Крохино не только сохраняет память о прошлом, но и привлекает внимание туристов и исследователей. Многие приезжают сюда, чтобы увидеть это уникальное сооружение, которое стало символом выживания и сохранения исторической памяти. Храм также является местом паломничества для верующих, которые приходят сюда, чтобы почтить память новомучеников и вспомнить о тех, кто жил и трудился на этих землях. Таким образом, храм Рождества Христова в Крохино — это не просто архитектурный памятник, а живая история, которая продолжает говорить о себе и о людях, которые когда-то жили здесь. Он стал символом утраченной культуры и традиций, но в то же время — символом надежды и веры, что история этих мест не будет забыта. Храм, стоящий на воде, напоминает нам о том, как важно сохранять память о нашем прошлом, о людях и событиях, которые формировали нашу культуру и идентичность.

Как видно из обращения к всего нескольким примерам, именно эффективная коммуникация является тем механизмом, благодаря которому возможно пробуждение «субъектности» и преодоление застоя в осознании как повседневных, так и стратегических задач долгосрочного планирования. Но в устои современного управления также необходимо внедрить понятие и осознание «проектности», включающей в себя элементы участвующего проектирования, инициативного бюджетирования, волонтерства.

Подходы(методы) управления культурным наследием разнятся не только от региона к региону, уровню предмета охраны, но и классификации самого города. Более 80% городов России относятся к малым, с населением до 50 тысяч человек. В частности, во всех регионах ЦФО преобладают города с численностью населения 20–50 тысяч и менее, а доля проживающего там населения составляет четвертую часть жителей региона. Малые города сегодня — уникальное туристическое предложение европейской части России. Их главное конкурентное преимущество — сохранная историческая среда уездных городов. Приезжая сюда, туристы имеют возможность окунуться в атмосферу дореволюционной России: аутентичная архитектура, история и традиции. Именно в малых городах преобладает индивидуальное жилищное

строительство, причем в основном историческое (каменная и деревянная застройка), что делает их уютными и сомасштабными человеку, чего почти не осталось в региональных центрах. Мы знаем, что основной туристический поток в малые города обеспечивают региональные центры. Эти данные подтверждают исследования, полученные в ходе разработки туристической схемы «Из Москвы в Санкт-Петербург»: в 2022 г. наиболее часто поездки в пределах макротерритории совершали туристы из Москвы и Санкт-Петербурга (49% турпотока). Тем не менее доля путешествий в столицы и их спутники остается стабильно высокой и достигает 88%. И здесь главная задача туристических схем, разрабатываемых по инициативе Минэкономразвития России — предложить мероприятия по равномерному перераспределению турпотока из региональных центров вглубь регионов, то есть в малые исторические города.

ВЫВОДЫ

Опираясь на наследие К. Поппера и идя по пути социальной инженерии, мы должны решать наиболее острые социальные проблемы. Поэтому «прежде чем приступить к разработке теоретической модели механизма социальной регуляции управленческого типа, мы должны рассмотреть положение этого механизма в более широком социокультурном контексте среди таких регуляторов, как власть, собственность, организация и самоорганизация, с выходом на основополагающие для социологии категории социального порядка и его измерения. Это необходимо сделать для проверки подлинности гипотезы о «старом» и «новом» синкретизме регулятивных механизмов. Если в прежнем понимании «власти, собственности и управления» последнее было второстепенным инструментом, то в новом подходе, основанном на связях «управление-ор-

ганизация-самоорганизация», оно приобретает более важное значение. Управление становится основой для поддержания спонтанных процессов в управляемом состоянии. Его инструментальная роль отходит на второй план и становится зависимой от этой основной функции.

Изучение процессов управления, результатов исследований и специальной литературы оттачивает понимание, что коммуникативные аспекты и процессы гораздо глубже и многомернее, драматичнее, чем их привычная оценка, хотя первое приближение и пугает масштабом своей разносторонности — от поляризации мнений в городских сообществах до роста националистических настроений в мультинациональных и мультикультурных городах. С интересующей нас позиции предстоит ответить на вопрос, как будут уживаться представления о культурном наследии различных конфессий и национальностей, рас. Практика отмены, зародившаяся в США на волне движения Black Lives Matter⁶, стала лишь первым шагом в процессе, который запустил цепную реакцию. Она не только охватила США, но и глубоко проникла в многокультурную Европу и другие регионы. Развивая метафору с домино, мы можем видеть, что запущен процесс слома старой и выстраивания новой более толерантной системы межкультурных отношений, оставляя за скобками радикальные проявления той же системы к «неудобным», утратившим актуальность межкультурным связям. Но главным для нас остается интерес управления и управляемости как совокупности этих процессов, так и их частной репрезентативности в той или иной локации. Мы исходим из понимания, что управление строится на участии всех заинтересованных субъектов в совместной деятельности, по субъект-субъектной модели.

⁶ URL: <https://blacklivesmatter.com>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тихонов А.В. и др. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов. В: Тихонов А.В., ред. Москва: ФНИСЦ РАН; 2017. 432 с.
2. Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Editions Anthropos; 2000. 404 p.
3. Дридзе Т.М. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. Москва: Наука; 1994.
4. Дридзе Т.М. Социально обоснованное градостроительство в режиме прогнозного проектирования. Москва; 2005. 492 с.
5. Тульчинский Г.Л. Брендинг как социальное партнерство и консолидация городского социума. *Экономика. Налоги. Право*. 2013;(6):76–93. <https://elibrary.ru/rubdlh>

6. Покровский Н.Е., Николаева У.Г., Демидова Ю.А. Феноменология «жизненного мира» горожанина во внегородском пространстве Ближнего Севера: дом и domestикация. *Социологические исследования*. 2019;(12):71–80. DOI: 10.31857/S 013216250007752-0
7. Мерзляков А.А. Феномен субъектности регионов в решении проблем реформирования отечественной системы управления. *Вестник Института социологии*. 2018;9(2):48–65. DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.508
8. Шилова В.А., Быков К.В. Проблема управления сохранением историко-культурного наследия в региональном разрезе. *Научный результат. Социология и управление*. 2018;4(4):152–163. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-13
9. Демьяненко В.И. Сравнительный анализ понятия субъектности в контексте трех парадигм сложности социального управления. *Личность. Культура. Общество*. 2022;24(2):132–142. DOI: 10.30936/1606_951X_2022_24_2_132_142
10. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. 2-е изд., доп. и перераб. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация»; 2007. 472 с.
11. Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности. *Социологические исследования*. 2015;(12):60–69. <https://www.socis.isras.ru/article.html?id=5868>
12. Ситковский А.М. Моделирование многокритериальной оценки социо-эколого-экономического состояния и динамики территории. *Вопросы управления*. 2021;(2):102–119. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-2-102-119

REFERENCES

1. Tikhonov A. V. et al. Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v kontekste problem sociokul'turnoj modernizacii regionov. In: Tikhonov A. V., editor. Moscow: FNISC RAN; 2017. 432 p. (In Russ.).
2. Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Editions Anthropos; 2000. 404 p.
3. Dridze T.M. Prognoznoe social'noe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy. Moscow: Nauka; 1994. (In Russ.).
4. Dridze T.M. Social'no obosnovannoe gradoustrojstvo v rezhime prognoznogo proektirovaniya. Moscow; 2005. 492 p. (In Russ.).
5. Tulchinsky G.L. Branding as a social partnership and consolidation of urban society. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2013;(6):76–93. <https://elibrary.ru/rubdlh> (In Russ.).
6. Pokrovsky N.E., Nikolaeva U.G., Demidova Ju.A. Phenomenology of the “lifeworld” of urbanites in the extra urban space in the near north: House and domestication. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019;(12):71–80. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 013216250007752-0
7. Merzliakov A.A. The phenomenon of regional subjectness in solving the issue of reforming Russia's system of government. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2018;9(2):48–65. (In Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.508
8. Shilova V.A., Bykov K.V. The problem of managing the preservation of historical and cultural heritage in the regional context. *Research result. Sociology and management*. 2018;4(4):152–163. (In Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-13
9. Demyanenko V.I. Sravnitel'nyj analiz ponyatiya sub'ektnosti v kontekste trekh paradigm slozhnosti social'nogo upravleniya.. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2022;24(2):132–142. (In Russ.). DOI: 10.30936/1606_951X_2022_24_2_132_142
10. Tikhonov A.V. Sociologiya upravleniya. Teoreticheskie osnovy. 2-e izd., dop. i pererab. Moskva: Kanon+ ROOI “Reabilitaciya”; 2009. 472 p. (In Russ.).
11. Nefedova T.G., Pokrovsky N.E., Treivish A.I. Urbanization, desurbanization and rural-urban communities in the face of growing horizontal mobility. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015;(12):60–69. <https://www.socis.isras.ru/article.html?id=5868> (In Russ.).
12. Sitkovskiy A.M. Modeling of multi-criteria evaluation of social, ecological and economic conditions and development of a territory. *Management issues*. 2021;(2):102–119. (In Russ.). DOI: 10.22394/2304-3369-2021-2-102-119

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Кирилл Владимирович Быков — научный сотрудник, Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия; аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

Kirill V. Bykov — Research Fellow, Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Postgraduate Student, State Academic University for Humanities (GAUGN), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2076-9816>

1096232@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.10.2024; принята к публикации 27.02.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.10.2024; accepted for publication on 27.02.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-81-90

УДК 355.06:398.22/.23:282.2(045)

Идейно-архетипический код служения русского воинства и современность

В.В. Кафтан^а, А.П. Погорелый^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

^б Военный ордена Г.К. Жукова университет радиоэлектроники, Череповец, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются культурные архетипы, которые легли в основу формирования духовных ценностей русского воинства. Автор выделяет три ключевых аспекта: образ Матери, образ Отца и религиозное понимание священного брака между ними, известного как иерогамия. В статье прослеживается эволюция этих трех начал на различных этапах развития страны и ее вооруженных сил. Автор выдвигает предположение, что состояние обороноспособности и уровень патриотических чувств воинов во многом зависели от гармоничного сочетания этих трех элементов. В заключение автор делает вывод о том, что современное духовное состояние Вооруженных сил Российской Федерации напрямую связано с их соответствием традиционным основам.

Ключевые слова: армия; патриотизм; Род; образ Матери; образ Отца; иерогамия; православие

Для цитирования: Кафтан В.В., Погорелый А.П. Идейно-архетипический код служения русского воинства и современность. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):81-90. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-81-90

ORIGINAL PAPER

Ideological and Archetypal Code of Service of the Russian Armed Forces in the Modern Conditions

V.V. Kaftan^a, A.P. Pogorely^b

^aFinancial University, Moscow, Russia;

^bMilitary Order of G.K. Zhukov University of Radio Electronics, Cherepovets, , Russia

ABSTRACT

The article examines the cultural archetypal foundations of the formation of the spiritual foundations of the ministry of the Russian army. Three principles are presented as such: the image of the Mother, the image of the Father and the religious illumination of the sacred marriage (hierogamy) between them. The evolution of these principles is traced at various stages of the development of the country and the armed forces. It is suggested that the state of the country's defense capability, the level of patriotic feelings of the soldiers largely depended on how harmoniously the three principles presented were combined. It is concluded that the current spiritual state of the Armed Forces of the Russian Federation depends on compliance with traditional principles.

Keywords: army; patriotism; Family; Mother's image; Father's image; hierogamy; Orthodoxy

For citation: Kaftan V.V., Pogorely A.P. Ideological and archetypal code of service of the Russian Armed Forces in the modern conditions. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):81-90. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-81-90

ВВЕДЕНИЕ

Армия на протяжении всей истории представляла собой важнейший институт для любого государства. Даже если находились те, кто заявлял о ее ненужности, логика жизни быстро убеждала их в обратном. В нашей стране, ко всему прочему, вооруженные силы на протяжении всей истории России самым тесным образом были связаны с народом. В первую очередь это означает, что духовные основы народа и армии произрастали из одних и тех же истоков.

Целью данной статьи является осуществление в исторической ретроспективе анализа духовных основ воинского служения по защите нашего Отечества, выявление архетипических элементов, определявших традиционную глубинную мотивацию народа, независимо от исторических эпох, по выполнению воинского долга. Предлагаемое направление исследования вызывало научный интерес у многих авторов, но, тем не менее, продолжает оставаться недостаточно изученным. Актуальность изучения проблемы формирования духовных основ сознания современных российских воинов на фоне специальной военной операции на Украине не только показала свою остроту, но существенно повысила интерес к себе, в том числе и научного сообщества.

ЗАРОЖДЕНИЕ КОДА СЛУЖЕНИЯ В ДОХРИСТИАНСКИЙ ПЕРИОД

Следует иметь в виду, что общество неоднородно и состоит из различных социальных классов и групп, которые имеют свои особенности, в том числе и духовного характера. Например, такое общесоциальное явление, как патриотизм, проявляется в различных социальных группах с определенными нюансами. Так, врач реализует свою любовь к Родине как целитель, учитель — как просветитель, воин — как защитник. Эти духовные ценности испытывают влияние не только профессиональных различий, но и религиозных, этнических, культурных и других факторов. Тем не менее главным остается то, что, несмотря на существующие особенности, все мы любим свою Родину, и это нас объединяет.

Духовные основы как русского народа, так и русского воинства зарождались еще в дохристианскую, языческую эпоху. Современные исследователи определяют культуру наших предков для данного исторического периода как *родовой тип традиционализма* [1, с. 6]. Академик Б.А. Рыбаков

считал, что языческий бог Род олицетворял собой всю Вселенную [2, с. 15, с. 444–447, с. 449], хотя многие специалисты с ним не согласны. Как бы то ни было, но не вызывает сомнения то, что понятие «род» отразилось в русском языке как весьма важное и влиятельное. Многие значимые слова содержат корень «род»: *род, родить, урожай* — то, что имеет отношение к рождению живого; *родиче, родник, родия* (шаровая молния) — природа и вода; *род, народ, Родина* — социальные термины.

Необходимость ведения военных действий в данный период обуславливала участие всех свободных мужчин в отражении агрессии. Со временем военное дело профессионализировалось. Фигурой, вокруг которой объединялись воины, становится *князь*. Первоначально это был человек, выделявшийся из общей массы, как сказали бы сегодня — обладавший харизмой. Сам этот термин выводят из исконно славянского **kun-inge* — «торчащий, выдающийся» [3, с. 357]. Кроме того, следует обратить внимание на этимологические параллели: польск. *Ksiazdz* — ксёндз, первоначально жрец; чеш. *Knezstwo* — духовенство; луж. *Knez* — поп [3, с. 263], что говорит о присущих изначально князю жреческих функциях.

Воинское формирование, группировавшееся вокруг князя, получило название «дружина». То, что этот термин упоминается в «Повести временных лет» 97 раз [4, с. 53], говорит о том, что он совсем не случаен. В основе его лежит слово «друг», что свидетельствует о том, что отношения между князем и его воинами носили очень близкий, практически *родственный* характер. Князь выступал не только как военачальник, но и как глава данного образования, хоть и отличавшегося от рода, но строившегося по схожим принципам.

Наравне с князем объединяющим началом дружины выступала та земля, которую князь со своими воинами должен был оборонять. Земля вообще в сознании наших предков обладала огромным влиянием. К ней обращались как к сакральному свидетелю [5, с. 51] при заключении договоров или даже просто при приветствии («поклониться до земли»). Отдельные природные объекты в ходе исторического развития обретали значимость национальных символов — например, «Днепр-батюшка», «Волга-матушка», «Поле Куликово», «Киев — мать городов русских», «Москва-златоглавая». Современным проявлением потребности в формировании подобных национальных символов выступают города-герои (в СССР их

было 12 и Брестская крепость-герой) и города воинской славы (на 15 ноября 2022 г. в России их насчитывается 47) как дань памяти о Великой Отечественной войне и других страницах нашей военной истории. Причем никакие выверты, иницируемые нашими духовными врагами, как это имеет место, например, со столицей Украины городом Киевом, для нас не девальвируют значимость этих национальных символов¹. Для русских людей, для всех представителей Русского Мира Киев всегда есть и будет «Матерью городов русских» и «Городом-Героем».

В основе взаимодействий князя и земли лежали не просто договорные отношения как их видели, например, те же создатели теории общественного договора на Западе. Пример полюдья, представлявшего собой табуирование периметра границ родовой земли с целью обеспечения живущих на ней людей защитой от внешних враждебных сил [7, с. 478], дает нам определенную пищу для размышления. Конечно, здесь присутствовали такие факторы, как экономический (князь через взимание дани получал средства для содержания дружины и выполнения прочих возложенных на него функций), политический (князь контролировал территорию и население, на которых распространялась его власть) и социальный (фиксируются те социальные связи и отношения, на которых основывался данный социум). Но не меньшим значением обладала духовная составляющая этого явления. Между князем и землей заключался священный брачный союз как реализация идеи иерогамии². Земля выступала женским началом, что фиксировалось в понятии «мать — сыра земля». Князь, являясь мужским началом, персонифицировался в образе солнца — не зря полюдье совершалось по кругу посолонь по

анalogии с движением этого небесного светила [8, с. 140]. Кстати, солярный титул носил не только былинный Владимир Красно Солнце. Даже после принятия христианства князья продолжали титуловать этим эпитетом. Известны слова Владимирского митрополита Кирилла, произнесенные им на смерть Александра Невского: «Закатилось солнце земли Суздальской» [9, с. 15]. Исторические народные песни продолжали сравнивать с «солнцем красным» даже Ивана Грозного [10, с. 79].

Священный брак, заключенный между князем и землей и признанный в рамках существующих религиозных верований, освящал ту защитную деятельность, которую осуществлял князь, возглавлявший дружину. Воины получали не просто оправдание своей службы — благодаря священному союзу Князя-Мужа-Отца и Земли-Жены-Матери ратный труд облагораживался до уровня священной миссии. Для человека той эпохи, и особенно для ратника, это было чрезвычайно важно. Здесь можно вспомнить и воинов храма на острове Аркона (как языческий пример), о которых писал Саксон Грамматик, и Новгородский владычный полк, находившийся в подчинении местного епископа (как христианский пример). Категория воинов, выполнявших священную миссию, всегда считались настоящей элитой воинского сословия.

Таким образом, можно констатировать, что духовные скрепы сознания древнерусского дружинника основывались на двух основных ценностных символах — образ Матери, персонифицированный в понятии «мать — сыра земля», и образ Отца, который концентрировал в себе правитель этой земли и одновременно глава воинского формирования — дружины. Важным был и третий элемент — признание этого брака в рамках той религиозной системы, которая тогда существовала. Впрочем, такие патерналистские мотивации были характерны не только для Древней Руси — многие государства формировались на «образе семьи как некой формы взаимодействия мужского и женского начал» [6, с. 44].

ЭВОЛЮЦИЯ КОДА СЛУЖЕНИЯ В ПЕРИОД ДРЕВНЕЙ И МОСКОВСКОЙ РУСИ

Принятие христианства многое изменило в древнерусском обществе, даже с учетом того, что этот процесс растянулся от официальной даты крещения в 988 г. до реального проникновения веры

¹ Особым цинизмом веет от действий В. Зеленского, присвоившего звание «город-герой» 6 марта 2022 г. Харьков, Чернигову, Мариуполь, Херсону, Гостомелю, Волновухе, а 24 марта — Буче, Ирпеню, Николаеву и Ахтырке. Но история и героизм российских солдат и офицеров все расставит по своим местам, доказательством чего уже стал город Мариуполь, которому присвоено звание города воинской славы.

² Идея священного брака продолжала присутствовать и после принятия христианства. Так, когда венчался Михаил Романов, голову его невесты украшала гирлянда с изображением всех русских городов, олицетворявшая Матушку Русь [6, с. 48]. Даже в начале XVIII века Иосиф Туробойский писал в отношении Петра I: «Всяк бо царь жених есть на царствии своем» [См.: 8, с. 179].

в народную среду на полтысячелетия. Не могло это не сказаться и на вышеописанных образах.

Во-первых, серьезно изменился образ Матери. Влияние христианства здесь проявилось в появлении образа Богородицы. Мария была значима для русских людей не столько с позиции непорочного зачатия (на Западе этому уделяли намного большее внимание, например, именно Дева Мария считалась покровительницей Испании с XVI в.), сколько именно как Мать Иисуса, как Богородица-Теотокос [6, с. 116]. Не зря Д. Самарин указывал на то, что «...русская Богородица значительно больше похожа на «матушку-сыру земельку...», чем на историческую деву Марию» [11, с. 25]. Действительно, почитание Богородицы на русской земле было чрезвычайно значимым. Н. Бердяев даже заявлял, что русское православие — это не столько религия Христа, сколько религия Богородицы [12, с. 10], а Д. Ранкур-Лаферье определял отношение русских к своей Родине не как «патриотизм», а как «матриотизм» [6, с. 112]. Образ Матери в сознании русского человека объединил в себе понятия Русской земли, Православной церкви и Богоматери. Почитаемы были на Руси различные образы Богородицы, связанные с событиями военной истории. При защите Смоленска в 1237 г. от войск Батые икона Богоматери Смоленской обрела название «необоримая Воеводица». Во время Куликовской битвы икона Богоматери Донской, по преданию, осеняла русское войско. Икона Владимирской Божьей Матери в 1395 г. отвернула войска Тимура, собиравшегося разорить Русь. Образ Тихвинской Богоматери почитался как спасший Тихвинскую обитель и север России от нашествия шведов в 1613 г. В 1612 г. при спасении Москвы от польских завоевателей прославилась икона Богоматери Казанской, ставшая с той поры общерусской святыней.

Во-вторых, претерпел изменение и образ Отца. Эволюция правителя Руси прошла долгий путь от князя-предводителя дружины до царя Всея Руси. Были на этом пути и откровенные провалы, когда князья в эпоху раздробленности, воюя друг с другом, истончили воинскую силу страны до такого состояния, что не смогли дать достойный отпор монголо-татарскому нашествию. Или в период феодальной войны 1425–1453 гг., когда они не только сражались друг с другом, но и приводили татар на Русь, тем самым подталкивая страну на край гибели. Или в период Смутного времени,

когда царский трон был превращен в игрушку в руках проходивцев всех мастей. Но были и славные периоды, когда правители страны ставили во главу угла интересы страны. Как Владимир Мономах и его сын Мстислав, сумевшие, пусть и на недолгое время, усмирить алчные аппетиты феодалов. Как Иван III, который сбросил золотоордынское иго, освободил страну, а после заключения брака с последней византийской принцессой Софьей Палеолог, стал лидером православного мира. Как Иван IV, объединявший страну и боровшийся с боярским сепаратизмом. Именно он становится первым русским царем, т.е. императором, самым этим фактом свидетельствуя о превращении Руси в самостоятельное и могучее государство. Царь воспринимался на Руси как Божий наместник, главная задача которого заключалась в защите Русской земли и православного христианства.

Претерпевал изменение и третий компонент — религиозные верования. Давно уже признано, что русское православие являет собой определенный симбиоз между христианством, пришедшим на Русь из Византии, и местными верованиями. Процесс этого слияния растянулся на столетия и в результате возник феномен русского православия. Важнейшей его чертой становится патриотизм, насквозь пропитанный христианским восприятием бытия. В этот исторический период начинает утверждаться понятие «христолюбивого воинства». Многие русские воители были причислены к лику святых: Александр Невский, его сын Даниил Московский, Довмонт Псковский, Дмитрий Донской, Александр Пересвет. Покровителями воинов на Руси являлись: архистратиг Михаил — воплощение победы и небесный предводитель боевых рядов, и Святой Георгий Победоносец — покровитель князей и их ратных подвигов.

Патриотизм русских людей находит подтверждение в таких литературных произведениях доордынского периода, как «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Поучение» Владимира Мономаха и многих других. Из 42 формул, призывающих «сражаться за что-либо», встречающихся в литературе, фраза «За землю Русскую» распространена более всего (15 из 42) [13], т.е. более трети. Патриотические мотивы продолжали присутствовать в таких литературных произведениях более позднего периода, как «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина»,

«Казанское взятие» и др. Это было характерно не только для социальных верхов, но и для широких народных масс, подтверждением чего являются былины: «...патриотизм в эпосе присутствует не столько в виде осознанного убеждения, а как глубинная определяющая мировоззрения» [14, с. 64]. Русские пословицы также изобилуют патриотическими мотивами: «С родной земли — умри, не сходи», «Своя земля и в горести мила», «Родная земля — мать, чужая — мачеха» и др. Такая любовь к родной земле получила новое, христианское насыщение через понятие Божественной любви.

В эпоху допетровской Руси два идеосоциотипа — Матери и Отца, объединенные православной верой, служили духовным фундаментом для всех русских людей. Но особенно значимы они были для воинского сословия. Абсолютно прав военный историк XIX в. Д. Ф. Масловский, считавший, что нравственные причины побед древнерусских воинов заключались: «...в самоотверженной преданности ратников своей Родине, главе отечества и православной вере, так что с первых времен Руси «отечество» (Святая Русь — земля), великий князь (Царь) и вера отождествляются в одно целое, нераздельное понятие» [15, с. 2].

КРИЗИС КОДА СЛУЖЕНИЯ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

Кардинальные изменения произошли в нашей стране в период правления Петра I. Армия испытала их на себе в самой полной мере. Менялись в первую очередь внешние, материальные атрибуты — форма, вооружение, принцип комплектования, структура и т.д. Но можно ли то же самое сказать о духовных основах служения русского воинства? Однозначного ответа на этот вопрос дать невозможно. Если вспомнить знаменитый приказ Петра Первого, обращенный к русским воинам в день Полтавского сражения, то создается впечатление, что ничего не изменилось. Царь говорит: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь...» [16, с. 10]. В этой цитате содержится и образ Отца (через «государство, Петру врученное»), и образ матери-Родины (через «род свой» и «Отечество»), и православная вера. Все три

источника духовной основы воинского служения налицо. Возьмем на себя смелость заявить, что благодаря такой сохраняемой традиционности русская регулярная армия, начавшая свой путь с поражения при Нарве, прошла через горнило Северной войны и одержала в ней славную победу над шведской армией, являвшейся на тот момент самой сильной в Европе.

Но все же духовные скрепы армии претерпели существенное изменение. Более того, эти метаморфозы начались еще до Петра, при его отце Алексее, брате Федоре и сестре Софье. Если в предшествующие эпохи речь шла о священном союзе между Матерью-землей и Отцом-царем, в котором они имели равное значение, то при первых Романовых и, конечно же, самом Петре роль царя неимоверно возросла. Более того, титул царя не устроил Петра, и он становится императором³ и даже именуется «Отец Отечества». Еще более запутывалась ситуация, когда власть оказывалась в руках женщин. Достаточно вспомнить присвоение членами Уложенной комиссии Екатерине II титула «Великой, премудрой матери Отечества». Вряд ли эти люди понимали абсурдность такого титулования с точки зрения Традиции, но скорее всего, в своих чувствах они были столь же искренни, как и татары, назвавшие императрицу за признание ислама официальной религией России «эби пашта» — «добрая бабушка-царица».

Так или иначе, но образ Матери-земли уходил на второй план и оказывался в подчиненном положении. Это ненормальное с точки зрения Традиции состояние замечали многие. Известный славянофил Константин Аксаков писал о том, что допетровская Русь была разделена на государство (правительство) и землю (народ), гармония между которыми основывалась на взаимном невмешательстве в дела друг друга. Петр, вторгшись в дела народа, «завоевал» землю, тем самым фактически разрушив традиционный баланс [17].

Особенно сильной деструкции подверглось православие, выступавшее главным фактором гармонизации взаимоотношений между симво-

³ Сам титул императора, который возложил на себя Петр, многое объясняет. Дело в том, что в реальном положении правителя России замена титула «царь» на титул «император» ничего не меняла, так как эти термины практически тождественны друг другу. Но первый из них на Западе практически не использовался, зато был распространен второй. Т.е. западная ориентация Петра здесь проявила себя в полной мере.

лами Матери-земли и Отца-царя. Еще в начале XVII в. авторитет Православной церкви был настолько высок, что устами патриарха Гермогена она сумела призвать народ к сопротивлению интервенции и, тем самым, отвести страну от пропасти Смуты. Но уже в середине этого же столетия в период правления Алексея Михайловича по православию был нанесен сокрушительный удар через реформу Никона, приведшую к церковному расколу. Действия самого Петра принесли не меньший вред: снятие колоколов с церквей, фактическая отмена патриаршества и переход на управление церковью через гражданскую структуру Святейшего Синода, вмененная духовникам обязанность доносить на исповедующихся согласно «Прибавления к духовному регламенту» от 1722 г. Православие под таким интенсивным разрушительным воздействием теряло свою силу и влияние не только в социальных верхах, но и в широких народных массах.

Для армии эти изменения не могли пройти бесследно. Сложность создавшейся ситуации сильнее всего проявилась в противоречии, возникшем между так называемыми «прусской» и «русской» военными школами. Обычно возникновение этого противоборства относят к последней четверти XVIII в., когда между императором Павлом (сторонником прусской школы) и Александром Васильевичем Суворовым (самым ярким представителем русского направления) возникли разногласия. Но имеет место вполне обоснованное мнение, что данное противоречие было порождено противоречивой деятельностью Петра I [18].

С одной стороны, именно ему принадлежит первенство в формулировании принципа, ставшего при Суворове основополагающим: «Учить солдата тому, что необходимо на войне». При первом российском императоре и при прямом его участии офицерский корпус становится истинно национальным. Офицер определялся как «слуга царю, отец солдату», т.е. и здесь проявляла себя Традиция достаточно ярко. Но одновременно Петр, ориентировавшийся во всем на Запад, отдавал приоритет внешним, материальным атрибутам. Все его преобразования, в том числе и военные, пронизаны почти протестантской утилитарностью. Духовное окормление воинов, забота о соблюдении Традиции никогда не стояла для Петра на первом месте.

Эта тенденция продолжилась в период правления Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны, когда у руководства страной и армией оказались немцы Миних, Остерман, Бирон и прочие. Для военной сферы данный период отмечен упадком и отсутствием значительных побед. Только с приходом Елизаветы ситуация начинает меняться. Русский национальный дух возрождается и приносит первые успехи, свидетельством чего является разгром в Семилетней войне прусского короля Фридриха II, основоположника прусской военной школы. При Екатерине II русские армия и флот одерживают целый ряд блестящих побед под руководством таких ярких представителей «русской» школы, как А. Суворов и Ф. Ушаков. Кстати, оба они были глубоко верующими православными людьми. Александр Васильевич много времени уделял религиозному воспитанию своих воинов, а Федор Федорович был даже канонизирован Православной церковью уже в наше время.

Огромное значение в процессе развития национальной идеологии имело принятие в 30-е гг. XIX в. теории официальной народности, разработанной министром просвещения С. Уваровым. Формула «Православие. Самодержавие. Народность» на долгие годы становится основой государственного подхода к духовному окормлению народа. В армии еще до утверждения теории Уварова использовался клич «За веру, царя и Отечество!»⁴, практически полностью идентичный ей. И если воспринимать эту теорию формально, то следует признать, что снова наблюдается следование Традиции. Во-первых, на первое место поставлено православие. Но это отнюдь не свидетельствует о его реальном значении в российском обществе — секулярные процессы зашли уже достаточно далеко и свое разрушительное воздействие на общественное сознание только усиливали. Во-вторых, образ Отца-царя поставлен в центр, и такая символика вполне обоснована. В простонародье даже использовалось обращение «царь-батюшка». Но в условиях неограниченного самодержавия этот образ приобретал гипертрофированные,

⁴ Когда еще в 1769 г. русская православная церковь приняла решение об объявлении 11 сентября (усекновение главы Иоанна Крестителя) днем поминовения всех убиенных воинов, то формулировка звучала как «всех убиенных за веру, царя и Отечество».

даже гротескные формы, наносившие образу Отца существенный вред. В-третьих, Отечество завершает данную формулу. Применительно к последней части возникает вопрос: насколько обоснованно видеть в понятии «Отечество» образ Матери? Мало того, что слово «Отечество» среднего рода, так еще и корень у него «отец» (сразу вспоминается титул Петра I «Отец Отечества»). Вряд ли здесь можно удовлетвориться объяснением, основанным на том, что слово «отечество» возникло в XI–XII вв. и поэтому оно старше и привычнее слов «отчизна» (возникшее в XVI в.) и «родина» (XVIII в.) [19, с. 408, с. 410, с. 604]. По сути, наблюдается нарушение традиционного союза Матери и Отца, освященного религией. Образ Отца практически затмевает образ Матери, а в этимологических формах даже заменяет его. С православием также все очень непросто. Оставаясь официально религией государствообразующего народа, оно теряет реальный авторитет, все больше превращаясь в формальную доктрину, не способную выполнять функцию гармонизации.

Кризис духовных скреп был налицо. Как следствие наблюдается череда неудач у русской армии. Проиграна Крымская война. Ценой огромных жертв и невероятных усилий одержана победа в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., но ее итоги были полностью нивелированы Берлинским конгрессом. Проиграна русско-японская война. Первая мировая война также не стала победоносной, только Брусиловский прорыв мог бы считаться успешным, да и то с серьезными оговорками. Все это следует рассматривать как последствия того, что традиционная основа духовности русского воинства была серьезно нарушена.

КОД СЛУЖЕНИЯ В СССР И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Победа Октябрьской революции в России полностью разрушила не только существовавший до этого государственный строй, но и вооруженные силы и положила начало новой системе организации армии. Православие и самодержавие были для новой власти принципиально неприемлемы. Да и Отечество в дореволюционном понимании тоже отрицалось. Новые вооруженные силы создавались на совершенно иной идейной основе. Православие было заменено марксизмом, самодержавие — диктатурой пролетариата,

а к отечеству была добавлена достаточно жестко трактуемая приставка «социалистическое». Традиционность, которая пусть даже в урезанном и измененном виде, присутствовала в царской армии, в пролетарском государстве была отторгнута полностью.

Но так продолжалось только до начала 30-х гг. Угроза внешней агрессии, которая после прихода нацистов к власти в Германии становится особенно явной, заставила руководство страны отойти от позиции крайнего левачества. Постепенно идея «мировой революции» заменяется идеей «построения социализма в отдельной стране». Школа Покровского, господствовавшая в исторической науке, решительно отторгается. Все громче звучат призывы о воспитании патриотизма, пусть и «пролетарского». Понятие «Наша Советская Родина» начинает рассматриваться как высшая ценность. Можно сказать, что сама жизнь заставила руководство страны и партии возвратиться к тем традиционным ценностям, которые всегда лежали в основе духовности русского воинства, да и всей страны. Великая Отечественная война только усилила эти процессы. Когда солдаты кричали «За Родину! За Сталина!», они как будто обращались к тем архетипическим основам, которые лежали в их генетическом коде. Особенно если вспомнить, что Сталина называли «Отцом народа». Более того, именно в период Великой Отечественной войны православие по-настоящему проявило себя. Это уже была не догма, не навязанное сверху верование. Православие прошло через страшные испытания, но тем самым очистилось от наносного и привнесенного, обрело традиционную святость и сблизилось с народом. Ни у кого не возникло сомнения в искренности Митрополита Сергия, когда он в первый же день войны призвал православных людей всеми силами сопротивляться врагу. Люди несли последние копейки по собственному душевному порыву, чтобы миром построить танковую колонну имени Дмитрия Донского или авиационную эскадрилью имени Александра Невского.

В данный период можно было наблюдать удивительно противоречивое, на первый взгляд, смешение православной веры и коммунистической идеологии, которые и формировали дух русского воина. Хотя удивительным и противоречивым такое смешение выглядит только внешне. Духовные первообразы русского на-

рода — Мать и Отец — как будто возрождались в новых, во многом неожиданных формах. Здесь уже логично строится ряд социотипов: 1) Мать — Родина — Партия; 2) Отец — Государство — Вождь.

К сожалению, с приходом к власти Хрущева в нашей стране высокие цели построения справедливого общества были заменены приземленными призывами «Догнать и перегнать Америку» в вопросах потребления. Такое обесценивание духовных начал не могло не привести к девальвации социотипов Матери и Отца. Хотя импульс 30–40-х гг. был настолько силен, что еще долго оказывал благотворное воздействие на сознание многих советских граждан. К сожалению, партийная номенклатура неуклонно вырождалась в псевдо-элиту, пока не подошла вплотную к национальному предательству. Скрыть от народа этот процесс вырождения было невозможно, и поэтому призывы с высоких трибун, не подтвержденные реальными делами, приводили к потере веры в лучшие идеалы. Партия теряла авторитет, мало кто уже был способен отождествить ее с образом Матери и уж тем более с понятием Родины. Фигуры партийных лидеров ни коим образом не соответствовали образу Отца — Хрущев, Брежнев, Черненко, Горбачев вызывали недоумение, сарказм, а нередко и презрение. Конечно, немалую роль в духовном разложении советского народа сыграли и внешние силы, но они никогда не смогли бы разрушить СССР, если бы мы сами не потеряли веру в собственные идеалы.

Постсоветский период нашей истории оказался весьма сложным как для страны, так и для Вооруженных сил. Сложность эта была обусловлена не в последнюю очередь тем, что духовные скрепы народа и армии оказались девальвированы, многие граждане нашей страны, находясь в состоянии «эпистемологической оккупации» (по выражению А. Г. Дугина), были духовно дезориентированы. Сложно назвать сферу жизни страны, которая бы не пребывала в состоянии кризиса. В полной мере это относилось и к военной области.

Страну сотрясал целый ряд межэтнических конфликтов, в которые армия вовлекалась самым непосредственным образом. Обе войны в Чечне, тяжесть которых в условиях беспрецедентного информационного шельмования либеральными

СМИ военные вынесли на своих плечах. Грузино-югоосетинский конфликт, закончившийся принуждением нашей армией агрессора к миру, также был проигран в информационном плане. Крымская весна, в рамках которой российская армия обеспечила бескровное возвращение полуострова «в родную гавань». Военная операция российских Вооруженных сил в Сирии, благодаря которой, по сути, была сохранена эта страна. Специальная военная операция на Украине, ведущаяся по сей день, окончательно вернувшая Россию на ее истинный цивилизационный путь.

ВЫВОД

Сегодня и в стране, и в армии хватает проблем. Тем не менее большая часть россиян чувствует, что события последних лет повернули страну в правильном направлении. Бережное отношение к своим традициям, опора на них дают силу всем нам. Напомним, что в результате референдума, проведенного в 2020 г., в пункт «ж» статьи 72 Конституции РФ, среди прочих, была внесена поправка, четко определяющая брак «как союз мужчины и женщины»⁵. Необходимость такой декларации традиционного взгляда на семью в условиях продвижения неолиберальных ценностей странами Запада, не вызывает сомнения у большинства российских граждан.

Но важно помнить о том, что Традиция приносит пользу только тогда, когда она живет не только прошлым, но и сегодняшним днем, направленным в будущее. Она не должна превращаться в оковы, мешающие успешному развитию. Весьма символично то, что 2024 год был объявлен в нашей стране годом семьи. Данный факт еще раз подтверждает то, что образы Матери и Отца должны быть современными, вдохновляющими, привлекающими, а не замшелыми и отталкивающими. То, что они и сегодня, и завтра способны сплотить наш народ, дать ему смысл своего развития — не вызывает сомнения. Не нужно ничего выдумывать в душных кабинетах, достаточно обратить взор к истории собственного народа. Именно там мы сможем найти ответы на многие сложные вопросы как сегодняшнего, так и завтрашнего дня.

⁵ Конституция Российской Федерации (с гимном России). Москва: Проспект; 2020. 64 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. Москва: Наука; 2000. 376 с.
2. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. Москва: Наука; 1994. 608 с.
3. Серяков М.Л. «Голубиная книга» — священное сказание русского народа. Москва: Алетея; 2001. 664 с.
4. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета; 2000. 326 с.
5. Мечковская Н.Б. Язык и религия. Москва: Агентство «ФАИР»; 1998. 352 с.
6. Рябов О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историографии. Москва: Ладомир; 2001. 202 с.
7. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета; 1996. 609 с.
8. Иосиф Туробойский. Преславное торжество освободителя Ливонии. В: Панегирическая литература петровского времени. Москва: Наука; 1979:150–180.
9. Преображенский А.А. «Веков связующая нить...». Преемственность военно-патриотических традиций русского народа (XIII — начало XIX в.). Москва: ООО «Русское слово — учебная книга»; 2002. 176 с.
10. Соколова В.К. Русские исторические песни XVI — XVIII вв. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1960.
11. Самарин Д. Богородица в русском народном православии. *Русская мысль*. 1918;(III–IV):1–38.
12. Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. Москва: Изд-во МГУ; 1990. 240 с.
13. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личность и ментальность русского средневековья. Москва: Языки славянской культуры; 2001. 176 с.
14. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI — XIII вв. Санкт-Петербург: «Издательство Олега Абышко»; 2017. 592 с.
15. Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1. Санкт-Петербург: Николаевская академия генерального штаба; 1891. 356 с.
16. О долге и чести воинской в армии Российской. Под общ. ред. Н.А. Панкова. Москва: Военное издательство; 2009. 402 с.
17. Аксаков К.С. Государство и народ. Платонов О.А., ред. Москва: Институт русской цивилизации; 2009. 608 с.
18. Голубев Л.Ю. Две военные школы в русской армии. *Военная мысль*. 2009;(1):73–80.
19. Большой этимологический словарь русского языка. Москва: «Дом Славянской книги»; 2016. 960 с.

REFERENCES

1. Filosofskie i bogoslovskie idei v pamyatnikah drevnerusskoj mysli. Moscow: Nauka; 2000. 376 p. (In Russ.).
2. Rybakov B.A. Yazychestvo drevnih slavyan. Moscow: Nauka; 1994. 608 p. (In Russ.).
3. Seryakov M.L. "Golubinaya kniga" — svyashchennoe skazanie russkogo naroda. Moscow: Aleteja; 2001. 664 p. (In Russ.).
4. Kolesov V.V. Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka. Saint-Petersburg: Filologicheskij fakul'tet Saint-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta; 2000. 326 p. (In Russ.).
5. Mechkovskaya N.B. Yazyk i religiya. Moscow: Agentstvo "FAIR"; 1998. 352 p. (In Russ.).
6. Ryabov O.V. "Matushka-Rus'": Opyt gendernogo analiza poiskov nacional'noj identichnosti Rossii v otechestvennoj i zapadnoj istoriografii. Moscow: Ladoimir; 2001. 202 p. (In Russ.).
7. Froyanov I. Ya. Rabstvo i dannichestvo u vostochnyh slavyan. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta; 1996. 609 p. (In Russ.).
8. Iosif Turobojskij. Preslavnoe torzhestvo osvoboditelya Livonii. Panegiricheskaya literatura petrovskogo vremeni. Moscow: Nauka; 1979:150–180. (In Russ.).
9. Preobrazhenskij A.A. "Vekov svyazuyushchaya nit'...". Preemstvennost' voenno-patrioticheskikh tradicij russkogo naroda (XIII — nachalo XIX v.). Moscow: ООО «Russkoe slovo — uchebnaya kniga»; 2002. 176 p. (In Russ.).
10. Sokolova V.K. Russkie istoricheskie pesni XVI — XVIII vv. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1960. (In Russ.).
11. Samarin D. Bogoroditsa v russkom narodnom pravoslavii. *Russkaya mysl'*. 1918;(III–IV):1–38. (In Russ.).

12. Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii: Opyty po psihologii vojny i nacional'nosti. Moscow: Izd-vo MGU; 1990. 240 p. (In Russ.).
13. Gorskiy A.A. "Vsego esi ispolnena zemlya russkaya...": Lichnost' i mental'nost' russkogo srednevekov'ya. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury; 2001. 176 p. (In Russ.).
14. Dolgov V.V. Byt i nruvy Drevnej Rusi. Miry povsednevnosti XI — XIII vv. Saint-Petersburg: "Izdatel'stvo Olega Abyshko"; 2017. 592 p. (In Russ.).
15. Maslovskiy D.F. Zapiski po istorii voennogo iskusstva v Rossii. Vyp. (In Russ.). 1. Saint-Petersburg: Nikolaevskaya akademiya general'nogo shtaba; 1891. 356 p. (In Russ.).
16. O dolge i chesti voinskoj v armii Rossijskoj. Pod obshch. edp. (In Russ.). N.A. Pankova. Moscow: Voennoe izdatel'stvo; 2009. 402 p. (In Russ.).
17. Aksakov K.P. Gosudarstvo i narod. V Platonov O.A., edp. (In Russ.). Moscow: Institut russkoj civilizacii; 2009. 608 p. (In Russ.).
18. Golubev L. Yu. Dve voennye shkoly v russkoj armii. *Voennaya mysl'*. 2009;(1):73–80. (In Russ.).
19. Bol'shoj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Moscow: "Dom Slavyanskoj knigi"; 2016. 960 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Виталий Викторович Кафтан — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего по научной работе, кафедра массовых коммуникаций и медиабизнеса, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Vitaly V. Kaftan — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Deputy Head on the Research, Department of Mass Communications and Media Business for Research, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

vvkaftan@fa.ru

Александр Павлович Погорелый — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военный ордена Г.К. Жукова университет радиоэлектроники, Череповец, Россия

Alexander P. Pogorely — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Military Order of G.K. Zhukov University of Radio Electronics, Cherepovets, Russia
apogor44@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.10.2024; принята к публикации 27.02.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.10.2024; accepted for publication on 27.02.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-91-98
УДК 070.41:316.77(045)

Влияние фейков на формирование негативного образа России в странах Евросоюза

Д.А. Барташевич

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается влияние фейков на формирование имиджа Российской Федерации, затрагивается целый ряд вопросов, начиная от повсеместной диджитализации и заканчивая эпохой постправды и возникновением журналистики мнений. Особое внимание уделяется цифровизации и тем изменениям, которые она повлекла за собой, также разграничены понятия новых и традиционных медиа, обозначены основные отличия в коммуникации между создателем контента и его потребителем, обозначено понятие фейк-ньюс. Целью данной работы является исследование нарративов о России в европейском медиапространстве, определение их в качестве фейков или мнений, а также понимание того, каким образом происходит формирование определенного имиджа страны в глазах общественности. Для проведения исследования автором был выбран метод контент-анализа, в ходе которого были отобраны публикации в западных СМИ, а также публикации блогеров с большими охватами. Было выявлено, что различные публикации с ярко выраженной окраской событий, а также публикации блогеров в аккаунтах с большой вовлеченностью влекут за собой формирование определенного нарратива, который начинает восприниматься общественностью как реальное положение дел.

Ключевые слова: фейк-ньюс; фейки; технологии фейковых новостей; информационные войны; эпоха пост-правды; негативный образ России; формирование имиджа

Для цитирования: Барташевич Д.А. Влияние фейков на формирование негативного образа России в странах Евросоюза. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):91-98. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-91-98

ORIGINAL PAPER

The Impact of Fake News on the Formation of a Negative Image of Russia in EU

D.A. Bartashevich

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article examines the influence of fakes on the formation of the image of the Russian Federation.. To answer this question, the article explores a range of topics, including widespread digitalization, the post-truth era, and the rise of opinion journalism. Special attention is paid to digitalization and the changes it has brought about. The concepts of new and traditional media are also distinguished. The main differences in communication between content creators and consumers are outlined, as well as the concept of fake news. The purpose of this work is to study narratives about Russia in the European media space, identify them as fakes or opinions, and understand how a certain image of the country is formed in the eyes of the public. To conduct the study, the author chose a content analysis method. During the analysis, publications in Western media, as well as publications by bloggers with a large reach, were selected. It was revealed that various publications with a pronounced coloring of events, as well as bloggers' posts in accounts with great involvement, lead to the formation of a certain narrative. This narrative is beginning to be perceived by the public as the real state of affairs.

Keywords: fake news; fakes; fake news technologies; information wars; the post-truth era; negative image of Russia; image formation

For citation: Bartashevich D.A. The impact of fake news on the formation of a negative image of Russia in EU. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):91-98. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-91-98

ВВЕДЕНИЕ

С появлением интернета и глобальной сети, а также с началом цифровизации процессов, созданием онлайн-сервисов и развитием личных блогов началась эпоха цифровых технологий. Коммуникации, благодаря появлению и популяризации социальных сетей, также перешли в онлайн-среду, сделав как деловую, так и личную переписку более комфортной. Глобально цифровизация принесла положительные изменения в нашу жизнь: она ускорила бизнес-процессы, повысила вовлеченность пользователей в приобретение товаров и услуг, открыла двери для онлайн-образования и удаленной работы. Цифровизация позволила создавать личный бренд и бренд компании через выстраивание образа и его продвижение в социальных сетях. Для этого необходимо понимать алгоритмы конкретных платформ и уметь создавать интересный контент. Кроме того, появилась возможность создания электронного правительства. Несмотря на множество позитивных изменений, она породила и негативные, к которым можно отнести проблему истинности в социальных сетях, качество контента в медиа, зависимость от интернета и социальных сетей. Журналистика мнений, отсутствие факчекинга, истина в социальных медиа повлияли на возникновение фейков, а скорость передачи информации — на быстрое их распространение.

Целью данной работы является исследование нарративов о России в европейском медиапространстве и формирование определенного имиджа страны в глазах общественности.

Для достижения данной цели мы поставили перед собой следующие задачи:

1. Дать характеристику современному медиаландшафту и обозначить ключевые отличия новых медиа от традиционных СМИ.

2. Провести контент-анализ публикаций за период 2019–2024 гг., вышедших в СМИ и соцсетях, в которых фигурирует Россия.

Для более точного понимания обозначим, что в контексте данной работы *традиционными медиа* мы называем классические виды СМИ: телевидение, газеты, журналы и радио, а то время как к *новым медиа* относим блоги и личные аккаунты в социальных сетях, интернет-блоги и каналы и истории в мессенджерах, которые создаются людьми как группы по интересам или личные блоги, социальные сети традиционных медиа к новым медиа мы не причисляем. Одной из

отличительных особенностей новых медиа в отличие от традиционных СМИ является двусторонняя коммуникация, подписчик (пользователь) вовлечен в процесс жизни компании в процесс создания контента. Одним из ключевых факторов, позволяющих контенту распространяться в социальных сетях, является его *виральность*: чем больше просмотров, репостов, комментариев у какого-либо поста или видео, тем охотнее аудитория верит представленной в данном материале информации. По мнению Ю.Д. Артамоновой само сообщение уже не так интересует пользователя, как охват, которое данное сообщение набрало до того, как попало конкретному человеку в ленту [1]. Необходимо упомянуть о таком понятии, как *виральный охват* — подвид охвата, который компания, блогер, СМИ может получить, если пользователи сами начнут распространять контент.

СОВРЕМЕННОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО: ТРАДИЦИОННЫЕ СМИ И НОВЫЕ МЕДИА

По нашим наблюдениям, сегодня один из трендов в создании контента заключается в том, чтобы все больше вовлекать пользователя в то, что он смотрит, делать более динамичные и короткие видео, рассказывать больше личных историй. Также важной особенностью *новых медиа* является возможность горизонтальной коммуникации, позволяющая пользователям общаться друг с другом напрямую, объединяться в сообщества по интересам и обсуждать свои идеи онлайн.

По нашему мнению, социальные сети — это лишь инструмент формирования определенной позиции в отношении разных явлений и фактов, и разные субъекты используют их по-разному. Коммерческие компании используют социальные сети для повышения узнаваемости бренда, что в итоге должно привести к увеличению количества клиентов и повысить их доход. Блогеры стремятся за счет их использования увеличить личную узнаваемость и коммерческий интерес к своему личному бренду. Традиционные СМИ используют социальные сети в качестве дополнительного канала коммуникации со своей аудиторией. Нужно отметить, что в социальных сетях ярко проявляет себя принцип цифрового детерминизма. Одним из его проявлений является то, что в рекомендациях пользователю предлагаются материалы, похожие по содержанию, которые соответствуют тематике блога или ранее были отмечены лайками других пользователей.

Через социальные сети информация распространяется очень быстро, так как, в основном, ее содержание затрагивает эмоциональную сферу человека¹. Через этот канал коммуникации достаточно просто влиять на психику человека, подкрепляя его картину мира новыми «фактами» и «событиями».

В медиаисследованиях приводятся разные данные о доверии к блогерам и традиционным СМИ. Например, в исследовании ВЦИОМ вместе с продюсерским центром Insight People в 2022 г. было выявлено, что каждый пятый россиянин доверяет блогерам ($n = 1600$)². В исследовании Rambler & Co за 2023 г. отмечается другая статистика: блогерам верят только 8% опрошенных, в то время как традиционным СМИ 49% опрошенных³. Медиаландшафт меняется, как и сами СМИ. Многие традиционные СМИ создают каналы в мессенджерах и аккаунты в соцсетях. Telegram-каналы появляются у таких авторитетных СМИ, как РИА-Новости и Le Figaro. Традиционные СМИ стараются быть в тренде, который задают лидеры общественного мнения, и в своих социальных сетях формируют более виральный контент. Эти усилия предпринимаются для того, чтобы охватить как можно большее количество пользователей и привлечь новую аудиторию, а также увеличить скорость передачи информации. Несмотря на это, информационные агентства и традиционная пресса, в большинстве своем, нацелены на одностороннюю коммуникацию, где подписчик или пользователь сайта является реципиентом.

Современному медиаполю можно дать следующие характеристики:

- быстрота обновления и передачи информации;
- расширение путем внедрения контекстной рекламы; блогосферы; пользовательского контента;

- мультимедийность, которая в свою очередь характеризуется возможностью создавать и распространять различный контент (аудио, фото, видео, текст);

- гиперссылки и возможность добавлять в текст ссылки на ранее вышедшие материалы;
- свободный доступ к интернет-сайтам, даже при наличии блокировок;
- пользовательский контент;
- свободная коммуникация пользователей, реализованная посредством возможности оставлять комментарии [2].

Кроме этого, современное медиапространство неразрывно связано с понятием *постправды*, о популяризации которого начали активно говорить в период президентских выборов 45-го президента США в 2016 г. Дональда Трампа [3].

В 2016 г. Оксфордский словарь назвал *постправду* словом года, отражающим дух времени: манипулирование информацией и использование ее в свою сторону стало очевидно заметно и привлекло внимание общественности, несмотря на то, что появилось это понятие задолго до выборов Трампа.

Ученые из голландского Вагенингенского университета и американского университета Индианы М. Шеффер, И. ван де Лимпут, Э. Вайнанс, Й. Боллен провели исследование, результаты которого были опубликованы в статье «Взлет и падение рациональности в языке» в 2021 г. в научном журнале PNAS, в котором отмечалось, что эпоха пост-правды возникла далеко до появления и популяризации социальных сетей [4]. Исследования показали, что интерес людей с 1850 по 2019 г. постепенно перемещался от коллективного к индивидуальному, а от рационального к эмоциональному. Влияние же информации через медиа, в том числе фейков, на формирование общественного мнения стало возможным только из-за того, что люди сами начали верить в предоставляемую им информацию.

ЭПОХА ПОСТПРАВДЫ И ФЕЙК-НЬЮС

Эпоха постправды — это эпоха, в которой эмоции берут верх над рациональностью и фактами⁴. Истинность в медиасреде все еще является достаточно дискуссионным вопросом. Напри-

¹ Как социальные сети губят психику миллионов людей и делают нас глупее. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/11/04/mkrtychyan/?ysclid=m815xiy4gs993141783> (Дата обращения: 20.02.2025).

² Россияне стали доверять блогерам: исследование Insight People охватило более 40 регионов. URL: <https://incrusia.ru/pnews/research-insight-people/> (дата обращения: 03.11.2024).

³ Исследование: 48% россиян больше верят СМИ, чем блогерам. URL: <https://rg.ru/2023/06/14/issledovanie-49-percentov-rossiian-bolshe-veriat-smi-chem-bloggeram.html> (дата обращения: 03.11.2024).

⁴ Азарова М. «Эпоха постправды» началась за четверть века до соцсетей. URL: <https://naked-science.ru/article/media/epoha-postpravdy> (дата обращения: 10.01.2025).

мер, в США активно развивается концепция «темных медиа», построенная на учении Ю. Такера⁵, в которой акцент делается на стирающихся границах между реальным и нереальным. Исходя из этого, можно сказать, что интернет представляет собой особое пространство, где нет абсолютных истин и заблуждений. Здесь сосуществуют две реальности: одна — физическая, а другая — виртуальная. В связи с изменениями, происходящими в социально-политическом пространстве, вопрос использования в новостях достоверной и недостоверной информации и ее воздействие на аудиторию становится все более актуальным.

В Оксфордском словаре дано определение эпохи постправды⁶. Оно подразумевает, что люди могут игнорировать объективные факты, искажать информацию и апеллировать к личным убеждениям, что приводит к когнитивным искажениям. В эту эпоху также используются технологии эмоционального давления, целью которых является не поиск истины, а стремление доказать свою правоту. Таким образом, для эпохи постправды характерно создание и распространение фейков, их использование в информационных и когнитивных войнах, а также обращение к личным убеждениям и эмоциям, когнитивные искажения и использование чрезмерно эмоционального контента [5].

Фейки преследуют следующие цели:

- привлечение внимания к автору или какой-либо платформе;
- привлечение внимания к проблеме;
- дискредитация человека; организации или целого государства;
- манипуляция аудиторией с целью получения преимуществ;
- мошенничество (например; с целью получения финансовой или какой-либо другой выгоды);
- развлекательные цели;
- астротурфинг (полноценная пиар-кампания с целью влияния на массовое сознание и получение желаемого результата) [6].

⁵ Рзаев Б. «Темные медиа» Юджина Такера в контексте мирового культурно-философского дискурса. URL: <https://darkermagazine.ru/page/temnye-media-judzhina-takera-v-kontekste-mirovogo-kulturno-filosofskogo-diskursa?ysclid=m8l6r0dh2c441914252> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶ Is being “post-truth” a new concept? URL: <https://www.npr.org/sections/13.7/2016/12/02/502542397/is-being-post-truth-a-new-concept> (дата обращения: 10.01.2025).

Астротурфинг активно используется в целях дискредитации государства, альтернативных точек зрения, что в дальнейшем приводит к дестабилизации политической обстановки, провоцирует массовые протесты и столкновения.

Таким образом, современные социальные сети являются отличной платформой для распространения фейков. Это подтверждается действиями на государственном уровне в разных странах. Так, на территории Республики Маврикий в период выборов государство приняло решение заблокировать все социальные сети, что сделано в ответ на «обеспокоенность по поводу незаконных публикаций, представляющих серьезную угрозу национальной безопасности»⁷.

Распространение и влияние фейков на формирование общественного мнения обусловлено психологией человека, возможностями, предоставляемыми социальными сетями и медиа-платформами, а также наличием горизонтальной коммуникации в интернете.

Социальные сети представляют собой мощный инструмент для распространения недостоверной информации. Это связано с тем, что в новостной ленте часто появляются эмоционально заряженные публикации, а также контент, который наиболее востребован среди пользователей. Такой контент создают не только профессиональные журналисты, но и блогеры, и специалисты по ведению социальных сетей. В случае, когда контент совпадает по ценностям и предпочтениям, его с большей долей вероятности хочется поддерживать, транслировать, и привлекать к обсуждению своих знакомых, подписчиков и просто пользователей интернета. Таким образом, можно достаточно легко воздействовать на массовое сознание, закладывая туда то, что необходимо конкретной группе людей.

По нашему мнению, в основе любого фейка лежит необходимость распространения ложной или частично ложной информации с целью реализации интересов каких-либо групп, подрыва доверия к государственным деятелям или органам власти, формирования имиджа страны на международной арене. Возвращаясь к определению новых медиа и журналистики мнений, отметим, что сегодня каждый человек может быть медиа

⁷ Власти Республики Маврикий... Мария Захарова URL: <https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova/9111> (дата обращения: 03.11.2024).

сам по себе. Но в контексте изучения фейковых новостей необходимо отличать личные мнения, которые общество воспринимает как новости, и достоверную информацию от фактов. Хорошая иллюстрация того, что является фактом, а что интерпретациями и мнениями, служит встреча президента США Д. Трампа и президента Украины В. Зеленского в Белом доме 28 февраля 2025 г. Сама встреча представляет собой факт, а все журналистские материалы, которые были выпущены в ходе встречи и по ее итогам, представляют собой интерпретации.

Проблема распространения недостоверной информации и ее воздействия на политику и повседневную жизнь людей вызывает пристальный интерес не только у журналистов, социологов и политологов, но и у специалистов по информационной безопасности. Это связано с тем, что она затрагивает актуальные вопросы, такие как использование больших данных и защита конфиденциальности пользователей. Распространение фейков представляет собой один из инструментов информационной войны [7]. Этот процесс можно сравнить с пиар-кампанией какого-либо продукта или услуги. Для реализации этой кампании разрабатывается контент-план, согласно которому публикуются посты, происходит взаимодействие с лидерами общественного мнения, создаются Telegram-каналы, выпускаются статьи в интернет-СМИ [8]. Основным инструментом этой кампании являются фейковые новости, вбросы информации и эмоциональные сообщения, которые воздействуют на психику человека.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Центральным элементом теоретико-методологической основы работы является понятие фейковых новостей и их распространение через социальные сети и интернет-блоги. Для проведения исследования был проведен контент-анализ материалов, опубликованных в западных СМИ и в блогах в социальных сетях за период с 2019 по 2024 г. Тексты были проанализированы с точки зрения наличия фактов и эмоциональности высказываний.

На нескольких примерах рассмотрим, каким образом с помощью фейков и предвзятых мнений СМИ формируют негативный образ России в глазах европейской общественности.

В мае 2022 г. вышел целый номер влиятельной английской газеты The Economist с громким

названием «The Stalinisation of Russia». В статьях данного издания делается акцент на том, что «агрессия Путина не знает границ, что он хотел восстановить Российскую Империю, а породил террор времен Сталина»⁸. Авторы статей в западных и украинских СМИ активно высказываются на тему того, что «Россия заранее готовилась к «войне» и что «всем тем, кто против войны, приходится уезжать»⁹. В 2022 г. по оценкам разных аналитических агентств страну покинуло более 650 тысяч человек¹⁰, в журналистских материалах такое количество эмигрантов получило название самой крупной за последние 25 лет волной эмиграции. На фоне гиперболизации «жестокости российского режима» европейские СМИ не упоминают о том, что российских журналистов на территории США и Европы заносят в ранг «российских агентов» и применяют к ним достаточно жесткие меры и отказывают в аккредитации^{11,12,13}.

Рассмотрим отрывок статьи из номера журнала The Economist, посвященного сталинизации России:

To understand the scale of Mr. Putin's lies, consider how the war was planned. Russia's president thought Ukraine would rapidly collapse, so he did not prepare his people for the invasion or his soldiers for their mission — indeed, he assured the elites that it would not happen. After two terrible weeks on the battlefield, he is still denying that he is waging what may become Europe's biggest war since 1945. To sustain this all-encompassing lie, he has shut down almost the entire independent media, threatened journalists with up to 15

⁸ The Stalinisation of Russia. URL: <https://www.economist.com/leaders/2022/03/12/the-stalinisation-of-russia> (дата обращения: 03.11. 2024).

⁹ Putin's preparing better than us for a long War. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.fc5332e7-67df9f5b-a7451fb9-74722d776562/https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2024-05-14/putin-s-preparing-for-a-long-war-better-than-we-are

¹⁰ Эмиграция из России: прогнозы и оценки экспертов. URL: <https://assistpoint.ru/immigraciya/emigracziya-iz-rossii/#close>

¹¹ Захарова: Вашингтон устроил «геноцид» в отношении российских журналистов в США. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/04/25/972511-vashington-ustroit-genotsid>

¹² В Кремле оценили отказ Парижа журналистам из России в аккредитации на Олимпиаде. URL: <https://rg.ru/2024/07/22/v-kremle-ocenili-otkaz-parizha-zhurnalistsam-iz-rossii-v-akkreditacii-na-olimpiade.html>

¹³ Греция отказала шеф-корреспонденту РИА-новости в получении аккредитации. URL: <https://ria.ru/20250312/akkreditatsiya-2004506711.html?ysclid=m8l8okqqsu661408088>

*years in jail if they do not parrot official falsehoods, and had anti-war protesters arrested in their thousands. By insisting that his military “operation” is de-Nazifying Ukraine, state television is re-Stalinising Russia*¹⁴.

Анализируя высказывания в отрывке, можно увидеть наличие эмоциональных высказываний и отсутствия фактов:

- *the scale of Mr. Putin’s lies* (масштаб лжи г-на Путина);
- *two terrible weeks on the battlefield* (две ужасные недели на поле боя);
- *he has shut down almost the entire independent media* (он закрыл почти все независимые медиа).

С помощью специально подобранных слов в данном контексте авторы выстраивают определенную линию повествования, используя ярко окрашенные выражения и метафоры.

Безусловно, данный отрывок представляет собой журналистский материал, он эмоционально заряжен и в нем отсутствуют какие-либо объективные факты, что превращает его в *мнение* автора о событиях, начавшихся в 2022 г. Превратить *мнение* в *факт* автору помогают цифры и озвучивание нескольких точек зрения, что повышает его достоверность в глазах читателей. Тем не менее в отсутствии фактов по ключевым вопросам данный материал является фейком. Как в статье, так и в данном номере журнала в целом не рассматриваются причины, по которым была начата специальная военная операция на Украине, не приводятся примеры тех СМИ, которые были объявлены иноагентами. В этом редакция полностью следует общеевропейскому нарративу в отношении России¹⁵.

¹⁴ Пер. с англ. «Чтобы понять масштаб лжи г-на Путина, подумайте о том, как планировалась война. Президент России думал, что Украина быстро развалится, поэтому он не подготовил свой народ к вторжению, а своих солдат к выполнению их миссии — более того, он заверил элиту, что этого не произойдет. После двух ужасных недель на поле боя он все еще отрицает, что ведет войну, которая может стать крупнейшей в Европе с 1945 года. Чтобы поддержать эту всеобъемлющую ложь, он закрыл почти все независимые СМИ, пригрозил журналистам тюремным заключением сроком до 15 лет, если они не будут повторять официальную ложь, и арестовал тысячи участников антивоенных акций протеста. Настаивая на том, что его военная «операция» денацифицирует Украину, государственное телевидение переосмысливает Россию». The Stalinisation of Russia. URL: <https://www.economist.com/leaders/2022/03/12/the-stalinisation-of-russia>

¹⁵ A Bruxelles si “cerca la pace” preparando la Guerra. URL: https://www.lantidiplomatico.it/dettnews-a_bruelles_si_cerca_la_pace_preparando_la_guerra/45289_59812/

Средний охват *The Economist* составляет 15 миллионов уникальных просмотров, а вовлеченность пользователей 50%¹⁶. Издание считается респектабельным и уважаемым в Великобритании, что дает основание полагать, что уровень доверия к данному СМИ, а также к публикациям, которые оно делает, достаточно высокий.

До начала СВО на территории Украины американский *Bloomberg* опубликовал статью, где обозначил проблему пресной воды в Крыму как нерешенную проблему из-за аннексии Крыма¹⁷.

*A water emergency in Crimea is absorbing billions of taxpayer rubles as Russia tries to patch up an impossible problem stemming from the peninsula’s annexation in 2014. President Vladimir Putin’s Black Sea gem looks increasingly like a millstone. Ukraine dammed the North Crimean Canal seven years ago, cutting off the source of nearly 90% of the region’s fresh water and setting it back to the pre-1960s, when much was arid steppe*¹⁸.

В данном отрывке статьи также можно увидеть яркие описания данной проблемы:

- *a water emergency in Crimea is absorbing billions of taxpayer rubles* (ситуация с водой в Крыму поглощает миллиарды рублей налогоплательщиков);
- *President Vladimir Putin’s Black Sea gem looks increasingly like a millstone* (Черное море — жемчужина Владимира Путина — все больше напоминает мельничный жернов).

Здесь также мы видим обобщения и эмоциональные метафоры. Из фактов обозначено, что после того, как Крым стал частью России в 2014 г., Украина перекрыла доступ к чистой воде на 90%.

¹⁶ The Economist. Анализ сайта на февраль 2025 года. URL: <https://www.similarweb.com/ru/website/economist.com/#overview> (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁷ Crimea’s Water Crisis Is an Impossible Problem for Putin. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2021-03-19/russia-vs-ukraine-crimea-s-water-crisis-is-an-impossible-problem-for-putin> (дата обращения: 03.11.2024).

¹⁸ В переводе с англ. «Чрезвычайная ситуация с водоснабжением в Крыму поглощает миллиарды рублей налогоплательщиков, поскольку Россия пытается решить неразрешимую проблему, возникшую в результате аннексии полуострова в 2014 году. Черноморская жемчужина президента Владимира Путина все больше напоминает жернова. Семь лет назад Украина перекрыла Северо-Крымский канал плотиной, перекрыв доступ к почти 90% пресной воды в регионе и вернув его к состоянию, существовавшему до 1960-х годов, когда большая часть территории была покрыта засушливыми степями». Crimea’s Water Crisis Is an Impossible Problem for Putin. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2021-03-19/russia-vs-ukraine-crimea-s-water-crisis-is-an-impossible-problem-for-putin> (дата обращения: 03.11.2024).

Другой пример формирования негативного имиджа России в глазах европейской общественности — личные мнения в социальных сетях. Рассмотрим содержание постов на тему СВО, опубликованных в 2022 и 2023 гг. блогером с аудиторией более 100 000 подписчиков в Instagram¹⁹.

Мария Кожуховская — автор блога о Париже *Hotel du Croissant* с аудиторией 159 000 подписчиков и личного блога с аудиторией 40 000. В своих социальных сетях до февраля 2022 г. блогер активно рассказывала о том, что она из Винницы (Украина), часто летала в Москву и обзирала красивую жизнь в столице России. Никаких негативных постов в сторону страны и ее населения в период с 2019 по 2022 г. не было. Свой блог она ведет на русском языке, также ей самой было отмечено не раз, что она работала во французском и английском издательстве, свои материалы выпускала не только на русском, но и на английском и французском языках.

С началом СВО риторика социальных сетей резко изменилась. Она активно начала публиковать истории на украинском языке и писать материалы в поддержку Украины, участвовать в митингах, которые в феврале-марте 2022 г. проходили в Париже²⁰. Этот контент также транслировался в ее социальных сетях.

Все ее посты этого периода носят излишне эмоциональный характер, и можно предположить, что они направлены на русскоговорящую аудиторию, так как написаны на русском. В текстах ярко прослеживается противопоставление порядка *свой-чужой*. Данные посты имеют достаточно большой охват и большое количество комментариев (от 100 до 500 в зависимости от поста) и лайков (более 1000 на каждом посте). Содержание постов трудно классифицировать как фейк, поскольку это полностью личное мнение блогера и в них

полностью отсутствуют какие-либо факты. При этом резонанс, который создали данные посты среди аудитории блогера, и поддержка, которую они получили, дают возможность говорить о том, что они влияют на формирование общественного мнения этой группы. Если подписчик доверяет блогеру и поддерживает его точку зрения, видит, что большинство поддерживает позицию блогера, то он начинает воспринимать ее как свою собственную²¹. Здесь мы видим, оружием какой разрушительной силы может быть обычный блог автора в популярной социальной сети с большим количеством подписчиков.

ВЫВОДЫ

В заключение стоит отметить, что в связи с меняющимся медиаландшафтом меняются и подходы у СМИ. Особенность распространения личных мнений и возникающих на их основе фейковых новостей заключается в том, что люди действуют иррационально и начинают пересылать сообщения эмоционального характера, когда они оказываются в ситуации неопределенности, а подобные материалы созвучны их ценностям, подходят их мировосприятию и уменьшают тревогу.

В ходе работы были проанализированы некоторые нарративы о России в западных СМИ, которые в свою очередь влияют на формирование общественного мнения и имидж страны. Фейковые новости формируются, делая упор на эмоциональные высказывания, в которых большая роль отводится не какому-либо произошедшему факту, а метафорам, гиперболизации. Различные публикации с ярко выраженной окраской событий, а также публикации блогеров в аккаунтах с большой вовлеченностью влекут за собой формирование определенного нарратива, который начинает восприниматься общественностью как реальное положение дел. В статье были концептуализированы понятия традиционных и новых медиа, дано определение постправды.

¹⁹ Деятельность данной организации признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации, приведенные здесь и далее данные используются в исследовательских целях и не направлены на одобрение экстремистской деятельности.

²⁰ В Париже прошла манифестация в поддержку Украины. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13847687?ysclid=m8cltli4472738172> (дата обращения: 20.03.2025).

²¹ Спираль молчания Ноэль-Нойман. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/63da2cdb9a7947dc6ecc9c08> (дата обращения: 23.03.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артамонова Ю.Д. Политическая коммуникация в современном мире: базовые модели. Москва: Издательство Московского университета; 2020. 349 с.
2. Тузовский И.Д. Постправда как синдром цифровой эпохи: предельное понимание феномена и сценарии будущего. *Философская мысль*. 2020;(12):42–60. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.12.34257

3. Косяков В.Е. Особенности избирательной кампании Трампа. *Вестник Поволжского института управления*. 2017;17(1):105–111. DOI: 10.22394/1682-2358-2017-1-105-111
4. Scheffer M., Weinans E., Bollen J. The rise and fall of rationality in language. *Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A.* 2021;118(51): e2107848118. DOI: 10.1073/pnas.2107848118
5. Манойло А.В. Технологии современных медиавойн. *Политическая наука*. 2017;S:306–325. <https://elibrary.ru/wccfxf>
6. Мясникова Ц.Ц., Сафронова О.В., Толстокулакова Ю.В. Фейки в социальных медиа забайкальского края: война с аксиологией социума. *Гуманитарный вектор*. 2023;18(3):164–174. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-164-174
7. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Современная информационная война. *Образование и право*. 2022;(9):18–26. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-18-26
8. Босых А.В. Методы и инструменты информационных войн в современном мире. *Научный лидер*. 2024;(6). <https://scilead.ru/article/5962-metodi-i-instrumenti-informatsionnikh-vojn-v->

REFERENCES

1. Artamonova Yu.D. Politicheskaya kommunikaciya v sovremennom mire: bazovy`e modeli. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 2020. 349 s. (In Russ.).
2. Tuzovskij I.D. Postpravda kak sindrom cifrovoj e`poxi: predel`noe ponimanie fenomena i scenarii budushhego. *Filosofskaya mysl`*. 2020;(12):42–60. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409–8728.2020.12.34257
3. Kosyakov V. E. Osobennosti izbiratel`noj kampanii Trampa. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. 2017;17(1):105–111. (In Russ.). DOI: 10.22394/1682-2358-2017-1-105-111
4. Scheffer M., Weinans E., Bollen J. The rise and fall of rationality in language. *Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A.* 2021;118(51): e2107848118. (In Russ.). DOI: 10.1073/pnas.2107848118
5. Manojlo A. V. Texnologii sovremennykh mediavojn. *Politicheskaya nauka*. 2017;S:306–325. <https://elibrary.ru/wccfxf>. (In Russ.).
6. Myasnikova Cz. Cz., Safronova O. V., Tolstokulakova Yu. V. Fejki v social`nykh media zabajkal`skogo kraja: vojna s aksiologiej sociuma. *Gumanitarny`j vektor*. 2023;18(3):164–174. (In Russ.). DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-164-174
7. Zhuravleva L. A., Zarubina E. V., Ruchkin A. V., Simachkova N. N., Chupina I. P. Sovremennaya informacionnaya vojna. *Obrazovanie i pravo*. 2022;(9):18–26. (In Russ.). DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-18-26
8. Bosykh A. V. Metody` i instrumenty informacionnykh vojn v sovremennom mire. *Nauchnyj lider*. 2024;(6). <https://scilead.ru/article/5962-metodi-i-instrumenti-informatsionnikh-vojn-v->. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Дарья Антоновна Барташевич — аспирант, кафедра политологии, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Daria A. Bartashevich — Postgraduate student, Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3024-1492>

dariabart@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.10.2024; принята к публикации 27.02.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.10.2024; accepted for publication on 27.02.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-99-105

УДК 32.019.52+ 37.013.2+ 342.5(045)

Основные постулаты современной концепции развития молодежной политики в Российской Федерации

Е.А. Тимофеева

Государственная Дума РФ, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является рассмотрение генезиса постулатов современной концепции развития молодежной политики в России, а также анализ их роли в формировании механизма реализации молодежной политики. В статье отмечается, что в Российской Федерации выстраивается механизм реализации молодежной политики, который представляет собой систему, способствующую эффективному сотрудничеству между общественными и государственными институтами. Автор рассматривает две основные точки зрения на интерпретацию постулатов концепции развития молодежной политики: доктринальную и нормативную. Особое внимание уделяется принципам государственной молодежной политики И.М. Ильинского, которые послужили основой для первого нормативного правового акта, определившего государственную молодежную политику в СССР. Также в статье анализируется распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р, в котором закреплены основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г. В подзаконном акте изложены 10 основополагающих принципов концепции молодежной политики. По результатам исследования автор работы высказывает доктринально и нормативно обоснованную точку зрения об отсутствии окончательно сформировавшегося перечня постулатов современной концепции развития молодежной политики и важности легального закрепления постулатов, обделенных вниманием законодателя. Статья может быть полезна для исследователей, занимающихся проблемами молодежной политики, а также для специалистов в области государственного управления и общественных институтов.

Ключевые слова: молодежная политика; концепция развития молодежной политики; постулаты концепции развития молодежной политики; молодежь; механизм молодежной политики

Для цитирования: Тимофеева Е.А. Основные постулаты современной концепции развития молодежной политики в Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):99-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-99-105

ORIGINAL PAPER

The Main Tenets of the Modern Concept of Youth Policy Development in the Russian Federation

E.A. Timofeeva

State Duma of the Russian Federation, Moscow, Russia

ABSTRACT

The purpose of the article is to investigate the origins of the key tenets of the current youth policy framework in Russia and understand their impact on shaping the implementation mechanism. The article highlights that the Russian Federation is building a system for implementing youth policy that fosters effective cooperation between public and state institutions. The author examines two main approaches to interpreting the key tenets of this framework: doctrinal and normative. Special attention is paid to the principles of I. M. Ilyinsky's state youth policy, which served as the basis for the first legal act defining state youth policy in the USSR. The article also analyses the Decree of the Government of the Russian Federation dated November 29, 2014 No. 2403-r. This document sets out the foundations of the state youth policy of the Russian Federation for the period up to 2025. The by-law establishes 10 fundamental principles of the concept of youth policy. Based on the research, the author concludes that there is no fully formed list of tenets for the modern concept of youth policy development. The article highlights the importance of legally defining and incorporating those tenets that have been overlooked by the legislature. This article is useful for researchers studying youth policy issues, as well as for specialists in public administration and public institutions.

Keywords: youth policy; the concept of youth policy development; the postulates of the concept of youth policy development; youth; the mechanism of youth policy

For citation: Timofeeva E.A. The main tenets of the modern concept of youth policy development in the Russian Federation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):99-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-99-105

ВВЕДЕНИЕ

Воспитание подрастающего поколения — одна из основных задач общества и государства в условиях «борьбы за умы и за сердца молодежи, которая идет сегодня во всем мире»¹. Человеческий потенциал — это ключ к экономическому, духовному, технологическому развитию государства. В данном контексте нельзя не упомянуть слова Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, высказанные им на заседании Государственного совета Российской Федерации в рамках обсуждения молодежной политики, согласно которым прогресс России неразрывно связан со способностями и достижениями ее молодежи в различных сферах. Стремления и перспективы молодых людей, а также их понимание древней истории государства, ценностей и обычаев играют решающую роль в определении будущего нации².

ГЕНЕЗИС ПОСТУЛАТОВ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

В Российской Федерации поступательно выстраивается механизм реализации молодежной политики. По мнению А.А. Зеленина, упомянутый механизм представляет собой устоявшуюся и стабильную систему, которая способствует эффективному сотрудничеству между общественными и государственными институтами, направленному на решение широкого круга насущных проблем, жизненно важных для дальнейшего развития социальной системы» [1, с. 36]. Механизм реализации молодежной политики является многогранным и состоящим из нескольких взаимосвязанных блоков, таких как программный, информационный, организационный, политический и экономический³.

Однако ни один политический механизм не может функционировать с должной результатив-

ностью без однозначно определенного базиса. К таковому следует отнести постулаты современной концепции развития молодежной политики в Российской Федерации. Словарь Ушакова раскрывает понятие «постулат», определяя его как «Положение или принцип, не отличающийся самоочевидностью, но принимаемый за истину без доказательств и служащий основой для построения какой-нибудь научной теории, допущение»⁴. Данная дефиниция позволяет отождествить понятия «постулат» и «принцип».

По-нашему мнению, на сегодняшний день прослеживаются две основные точки зрения на интерпретацию постулатов концепции развития молодежной политики: доктринальная и нормативная. Актуальность настоящего исследования заключается в том, что в Российской Федерации наблюдается интенсивное становление именно нормативного понимания постулатов (принципов) политики в сфере молодежного развития, поэтому следует начать с рассмотрения данного вопроса, используя формально-юридический и сравнительно-правовые методы исследования.

Принципы государственной молодежной политики И.М. Ильинского, предполагающие взаимодействие государства и институтов гражданского общества, послужили основой для первого нормативного правового акта, определившего государственную молодежную политику в СССР — Закона СССР от 16.04.1991 № 2114-1 «Об общих принципах государственной молодежной политики в СССР» [2, с. 786]. Этот акт законотворчества определял государственную молодежную политику как деятельность с участием негосударственных субъектов. Одновременно с формализацией столь значимого процесса создавались административно-хозяйственные и организационно-распорядительные предпосылки для эффективной деятельности всех субъектов. С целью управления реализацией положений упомянутого Закона СССР в мае 1991 г. при Правительстве СССР был создан Комитет по делам молодежи. Однако из-за событий, связанных с распадом Советского Союза,

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169>

² URL: <https://rg.ru/2022/12/22/byt-v-dvizhenii.html>

³ URL: https://www.un.org/ru/ga/third/62/third_res.shtml

⁴ URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=54942>

комитету не удалось продемонстрировать свою практическую эффективность. Институционализация государственной молодежной политики в дальнейшем продолжалась в отдельных суверенных государствах СНГ. Постулаты концепции развития государственной молодежной политики И. М. Ильинского продолжают служить основой для текущих дискуссий о роли негосударственных субъектов в реализации государственной молодежной политики.

Они нашли свое выражение и в современных нормативно-правовых актах. 29 ноября 2014 г. Правительство Российской Федерации издало распоряжение № 2403-р, в котором были закреплены основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г.⁵ В подзаконном акте органа исполнительной власти были изложены 10 основополагающих принципов концепции молодежной политики. Помимо общеизвестных конституционных принципов законности, равенства прав и свобод, присущих правовому государству, закреплены такие постулаты, как повышенная ответственность органов государственной власти Российской Федерации за защиту и должную реализацию законных интересов представителей молодежи; взаимная ответственность молодого поколения за осуществление прав и обязанностей в сфере государственного строительства и социальной жизни; выстраивание отношений между государством и молодежной средой на принципах равного сотрудничества, позволяющего успешно формировать и претворять в жизнь молодежную политику; первостепенная защита прав и свобод социально незащищенных представителей молодежи; предоставление государством определенного круга услуг, направленных на культурное, духовное, социальное просвещение молодежи, здоровый образ жизни, разнообразный выбор трудовой карьеры, жизненного пути; покровительство общественным институтам (организациям, объединениям) в сфере молодежной деятельности; совершенствование взаимоотношений в сфере государственно-частного партнерства и деятельности общественных институтов; поступательное развитие информационной сферы во благо планирования и реализации молодежной поли-

тики; правовая регламентация единого подхода к строительству и осуществлению молодежной политики в рамках деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов и организаций; межведомственное сотрудничество в процессе реализации программ и стратегий в области молодежной политики.

Столь важные постулаты концепции развития молодежной политики возлагают большой объем обязанностей на государство в лице его органов власти. Фактически государственный аппарат взял на себя полномочия по материальному, правовому, организационному сопровождению молодых поколений от начала становления личности молодого человека вплоть до создания собственной семьи. На наш взгляд, в рассматриваемых принципах не уделено должного внимания воспитанию представителей молодежи, в том числе патриотическому воспитанию, имеющему на сегодняшний день первостепенное значение.

Принципы концепции молодежной политики, в достаточно «сжатом» и общем виде, обнаруживаются и в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 62/126 от 05 февраля 2007 г. «Политика и программы, касающиеся молодежи: молодежь в мировой экономике — содействие расширению участия молодежи в социально-экономическом развитии»: 1) расстановка приоритетов при определении направлений молодежной политики; 2) защита прав и законных интересов социальных молодежных групп, разделенных по признаку возраста, сфер интересов, месту жительства, уровню образования и др.; 3) уважение права молодежи на прямое участие в разработке и реализации молодежной политики; 4) конструктивное взаимодействие представителей гражданского общества, органов государственной власти и бизнеса; 5) соблюдение открытости и доступности информации⁶.

Как можно наблюдать, международные постулаты призваны создать наиболее общие рамки для национальных принципов. Каждое государство, имея уникальные проблемы в области воспитания, обеспечения прав и свобод молодежи, сталкивается с вызовами, требующими индивидуального подхода. Поэтому международные нормы не способны в должной степени установить основополагающие положения в области молодежной политики без их национальной интерпретации с возможным дополнением.

⁵ Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р. URL: <http://government.ru/docs/all/93887/>

⁶ Там же.

ПРОБЛЕМАТИКА СУЩЕСТВУЮЩЕЙ КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

30 декабря 2020 г. вступил в законную силу Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон)⁷. Предпосылками появления акта федерального законодательства стали поправки, внесенные в основной закон летом 2020 г. и подразумевающие отнесение к совместному ведению России и субъектов Российской Федерации вопроса разработки и реализации молодежной политики⁸. Вопреки ожиданиям ученых-политологов и юристов, данный нормативно-правовой акт не подвел черту под многолетним опытом реализации молодежной политики, не обобщил и не установил универсальные постулаты концепции развития молодежной политики, отвечающие требованиям современного состояния России. Напротив, закон вызвал множество споров, поставивших под сомнение рациональность занимаемой государством позиции [3, с. 4–19]. В нормативно-правовом акте федерального уровня закреплены следующие шесть принципов: равнозначная защита интересов личности, общества и государства, баланс прав и свобод представителей молодежной среды, их семей, общественных организаций и объединений; планомерное сотрудничество государственных и муниципальных органов на всех уровнях в сфере молодежной политики; научный, стратегический и комплексный подходы к строительству, осуществлению и контролю в области молодежной политики; доступность государственной поддержки молодых семей, представителей молодежи, молодежных общественных формирований; первостепенность социальной поддержки представителей молодежи, нуждающихся в таковой, а также их семей; обязательность участия в разработке и осуществлении молодежной политики со

стороны молодых людей, семей и общественных организаций.

Как можно заметить, в актуализированной редакции закона, а следовательно, и в законодательно избранной молодежной политике государства среди принципов отсутствует упоминание об эффективном использовании информационного пространства. При этом данный постулат является крайне важным, поскольку в современных условиях России объявлена «гибридная война» [4]. Впервые этот термин был употреблен в 2000-х гг., в дальнейшем он получил доктринальное закрепление, и под ним в науке понимают все вариации военных и невоенных действий: ведение прямых и открытых боевых действий, осуществление специальных операций, ведение информационной и кибервойны, развязывание финансово-экономического конфликта, политическое давление на элитарные страты и т.д. [5, с. 90]. В рамках гибридной войны основной удар наносится по подрастающему поколению, которое в будущем возьмет «бразды правления» в свои руки.

В условиях глобального противостояния современная российская молодежь ежедневно сталкивается с деструктивным контентом в социальных сетях и мессенджерах, особенно в таких как «Telegram», где отсутствует должная цензура так называемого «треш-контента». В это же время молодые люди не узнают о каких-либо альтернативных информационных полях, создаваемых государственными телекоммуникационными ресурсами.

В отличие от постановления Правительства России, в федеральном законе не обнаруживается упоминание о взаимодействии государства и бизнеса как одного из постулатов концепции развития молодежной политики. Достаточно распространена практика оказания материальной поддержки проведению различных молодежных форумов, деятельности волонтерских центров и др. Представители предпринимательства предоставляют площадки, сувениры, питание, транспортировку и иные инфраструктурные элементы, необходимые для успешного проведения мероприятия молодежного характера. Поэтому возможно осмысление важности эффективного взаимодействия институтов гражданского общества, органов государственной власти и субъектов предпринимательства, что могло бы в пер-

⁷ О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ: принят Государственной Думой 23.12.2020; одобрен Советом Федерации 25.12.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>

⁸ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ: одобрен Гос. Думой 11.03.2020; одобрен Советом Федерации 11.03.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280>

спективе найти отражение в официально закреплённом перечне постулатов концепции развития молодежной политики [6, с. 51].

По-прежнему на законодательном уровне отсутствует упоминание патриотического воспитания. Безусловно, в Федеральном законе содержится отсылка на столь важный вид воспитания молодых людей в качестве одного из направлений молодежной политики. Однако в современных условиях, когда ориентиры и идеологические основы общества подвергаются испытанию, крайне важно обозначить приоритетность патриотического подхода в образовании, воспитании и иной деятельности социальных институтов общества. Для этого стоило бы закрепить в статье 5 рассматриваемого Федерального закона принцип патриотизма.

Достаточно интересным представляется принцип научного и стратегического подхода в процессе формирования и реализации молодежной политики. Многолетний практический опыт позволил накопить внушительную теоретическую базу, способную стать подспорьем законодателя. Доктринальные положения позволяют систематизировать методы реализации молодежной политики, дать им классификацию, выявить успехи и неудачи в прошлом с зазором на будущее.

В связи с данными новеллами следует обратиться и к научной интерпретации постулатов (принципов) концепции развития молодежной политики.

Как отметил А. Ю. Кретов, принцип комплексности является ключевым в рамках реализации молодежной политики [7, с. 107–110]. Согласно ему деятельность субъектов государственного менеджмента должна охватывать все значимые аспекты молодежной политики. Создание благоприятной среды для прогрессивного развития молодежи включает в себя множество компонентов, каждый из которых имеет свой уровень важности. Пренебрежение каким-либо отдельным элементом приведет к стагнации и последующей деградации всей государственной системы молодежной политики.

Принцип системности является еще одним важнейшим принципом концепции молодежной политики. Согласно этому принципу все меры, реализуемые муниципальными властями, должны быть структурированными и последовательными, т. е. являться элементами общей

системы управления вопросами развития молодежи на всех уровнях. Кроме того, крайне важно признать, что все компоненты системы взаимосвязаны, и любое снижение эффективности управления каким-либо элементом неизбежно приведет к общему снижению эффективности реализации молодежной политики.

А. В. Кошелева подчеркивает важность принципа гибкости при управлении молодежной политикой [8, с. 42]. Принцип гибкости подразумевает, что инструменты менеджмента, используемые государственными и местными органами власти, должны адаптироваться и варьироваться в зависимости от колебаний общественного мнения и потребностей молодежи. Применение принципа гибкости требует определения первоначальных запросов молодежи, а затем соответствующей разработки программных мероприятий и общественных проектов.

Д. В. Шикунев в своей научной статье приходит к выводу, что принципы доступности и равенства имеют решающее значение при реализации молодежной политики, особенно при существующем расслоении современного российского общества [5, с. 75]. Ключевым аспектом обеспечения принципа равенства является предоставление равного доступа всем представителям молодежи к программам социальной поддержки и развития независимо от их статуса. Аналогичным образом, принцип доступности требует, чтобы органы государственной власти обеспечивали всем представителям молодежи равный доступ к государственной поддержке и инструментам развития.

По мнению В. С. Новикова в условиях нестабильной социально-экономической обстановки принцип гарантированности приобретает особое значение [9, с. 978]. Принцип гарантированности гласит, что государство через государственные органы и органы местного самоуправления оказывает социальную помощь и поддержку представителям молодежи, а также содействие в обеспечении их вовлеченности в социальные и социально-экономические процессы. Наличие таких гарантий служит основой для реализации молодежной политики.

Принципы комплексности, системности, гибкости, доступности, равенства и гарантированности являются основополагающими для разработки и внедрения эффективного меха-

низма управления молодежной политикой на всех уровнях. В том или ином виде данные постулаты изложены и в норме закона. Органы государственного управления должны стремиться внедрять эти принципы для обеспечения надлежащего удовлетворения потребностей молодежи и содействия ее развитию.

ВЫВОДЫ

Резюмируя вышесказанное, представляется возможным сформулировать определенный вывод. Постулаты (принципы) концепции развития молодежной политики — это основополагающие положения, являющиеся основанием для обозначения направлений, целей, методов реализации молодежной политики. Поскольку политическая деятельность в области молодежного развития имеет тенденцию конституционализации [10, с. 10–13], следует сказать о необходимости четкого определе-

ния законодателем исчерпывающего перечня принципов концепции молодежной политики. Данный аспект крайне важен для государственного управления, поскольку другие положения Федерального закона, решения и действия органов государственной власти не могут противоречить основополагающим принципам, так как на их основе строится вся система политической деятельности в рассматриваемой сфере. Лаконичные законодательные формулировки принципов молодежной политики могут и должны опираться на достижения науки, что и предполагает принцип научности, ставший новеллой молодого закона о молодежной политике. Безусловно, в современных условиях развития социума законодателю следует выделить особое место среди постулатов концепции развития молодежной политики патриотическому подходу и триумвирату «государство — бизнес — общественные институты».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зеленин А. А. Государственная молодежная политика Российской Федерации: концептуальные основы, стратегические приоритеты, эффективность региональных моделей: диссертация доктора политических наук: 23.00.02. Нижний Новгород; 2009. 580 с.
2. Гукова И. Н. Становление государственной молодежной политики в РФ: политико-правовой аспект. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология.* 2018;45(4):784–797. DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-4-784-797
3. Меркулов П. А. Новый федеральный закон как завершение процесса конституционализации молодежной политики в Российской Федерации. *Вестник Поволжского института управления.* 2021;21(2):4–19. DOI 10.22394/1682-2358-2021-2-4-19
4. Фридман О. «Гибридная война» понятий. *Вестник МГИМО университета.* 2016;(7):79–85. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-5-50-79-85
5. Шикун Д. В. Молодежная политика как отрасль политики государства и ее основные задачи. *Социально-гуманитарное обозрение.* 2017;(4):75–78. <https://www.elibrary.ru/zrtmbf>
6. Елисеев А. Л., Кретов А. Ю. Государственная молодежная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы России. *Вестник государственного и муниципального управления.* 2017;(1):46–52. DOI: 10.12737/article_5901db43effdb7.63302327 <https://elibrary.ru/yosbwz>
7. Кретов А. Ю. Механизмы государственной молодежной политики в Российской Федерации: проблемы практической реализации. *Вестник Поволжского института управления.* 2019;19(6):101–112. DOI: 10.22394/1682-2358-2019-6-101-112
8. Кошелева А. В. Молодежная политика как приоритет культурной политики в эпоху глобализации. *Вестник спортивной истории.* 2016;2(4):42. <https://elibrary.ru/vtfkbn>
9. Новиков В. С. Совершенствование инструментов системы управления молодежной политикой муниципального образования. Пространственная и структурная трансформация экономики России: проблемы и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар: ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ — филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России; 2019:977–982. <https://www.elibrary.ru/jotebe>
10. Кочетков А. В. Конституционализация государственной молодежной политики в России. *Закон и право.* 2009;(9):10–13. <https://elibrary.ru/kwousp>

REFERENCES

1. Zelenin A. A. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika Rossijskoj Federacii: konceptual'nye osnovy, strategicheskie priority, effektivnost' regional'nyh modelej: dissertaciya doktora politicheskikh nauk: 23.00.02. Nizhnij Novgorod; 2009. 580 p. (In Russ.).
2. Gukova I. N. Formation of the state youth policy in the Russian Federation: Political and legal aspect. *Belgorod state university scientific bulletin. History. Political science*. 2018;45(4):784–797. (In Russ.). DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-4-784-797
3. Merkulov P. A. New federal law as the completion of the youth policy constitutionalization process in the Russian Federation. *Bulletin of the Volga region Institute of Administration*. 2021;21(2):4–19. (In Russ.). DOI: 10.22394/1682-2358-2021-2-4-19
4. Fridman O. “Hybrid war” of notions. *MGIMO Review of International Relations*. 2016;(5):79–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-5-50-79-85>
5. Schikunov D. V., Barinov S. V. Youth policy as a branch of government policy and its main tasks. *Socio-humanitarian review*. 2017;(4):75–78. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/zrtmbf>
6. Eliseev A. L., Kretov A. Yu. State youth policy of the Russian Federation: Problems and prospects. *Journal of public and municipal administration*. 2017;6(1):46–52. (In Russ.). DOI: 10.12737/article_5901db43effdb7.63302327 <https://elibrary.ru/yosbwz>
7. Kretov A. Yu. Mechanisms of state youth policy in the Russian Federation: problems of implementation. *The bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2019;19(6):101–112. (In Russ.). DOI: 10.22394/1682-2358-2019-6-101-112
8. Kosheleva A. V. Youth policy as a cultural policy priority in the era of globalization. *Herald of sports history*. 2016;2(4):42. (In Russ.). <https://elibrary.ru/vtfkbn>
9. Novikov V. S. Sovershenstvovanie instrumentov sistemy upravleniya molodezhnoj politikoj municipal'nogo obrazovaniya. Prostranstvennaya i strukturnaya transformaciya ekonomiki Rossii: problemy i perspektivy razvitiya. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodar: FGBU “Rossijskoe energeticheskoe agentstvo” Minenergo Rossii Krasnodarskij CNTI — filial FGBU “REA” Minenergo Rossii; 2019:977–982. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/jotebe>
10. Kochetkov A. Constitutional of the state youth policy in Russia. *Zakon i pravo*. 2009;(9):10–13. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Александровна Тимофеева — помощник депутата, Государственная Дума РФ, Москва, Россия
Ekaterina A. Timofeeva — Deputy Assistant, State Duma of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0008-6771-336X>
sokolova-katya@list.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
 Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.10.2024; принята к публикации 27.02.2025.
 Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
 The article was received on 25.10.2024; accepted for publication on 27.02.2025.
 The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-106-112
УДК 882.09"19/20" + 327.82(470+512)(045)

Образ России в Китае: краткая историография российских исследований

М. Ли

Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, Китайская народная республика

АННОТАЦИЯ

В статье излагается процесс развития исследований образа России в Китае по российским и китайским источникам. В последней четверти XX в. советских людей стало особо интересовать отношение китайцев к СССР / России. Российские исследования образа своей страны в Китае в основном связываются с именами С.Л. Тихвинского, Ю.М. Галеновича, Н.В. Тен, М.Е. Паниной, О.Д. Тугуловой, И.В. Ставрова и др. В статье анализируются основные результаты проведенных этими авторами исследований. Отмечается, что, исследуя образ России в Китае по китайским литературным источникам, российские авторы в основном называют такие китайские имена, как Кэ Хуйсинь, Чжэн Чунли, У Янь, Ли Суйань, У Хэ и др. Среди этих источников особое место принадлежит монографии «Образ России в Китае (1949–2009 гг.)», опубликованной Ли Суйанем в 2012 г., который первым выполнил всесторонний и системный анализ процесса формирования образа России в Китае. Все эти исследования передают драгоценный опыт изучения образа России, сформированного в Китае. Этот опыт опирается на всесторонний диахронический анализ, проводимый в рамках имагологического исследования.

Ключевые слова: образ России; российские исследования; российские и китайские источники; имагологическое исследование; диахронический анализ; историография

Для цитирования: Ли М. Образ России в Китае: краткая историография российских исследований. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):106-112. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-106-112

ORIGINAL PAPER

The Image of Russia in China: A Brief Historiography of Russian Studies

M. Li

Sichuan International Studies University, Chongqing, Peoples Republic of China

ABSTRACT

The article describes the process of developing studies of the image of Russia in China based on Russian and Chinese sources. In the last quarter of the XX century. Soviet people became particularly interested in the attitude of the Chinese to the USSR / Russia. Russian studies of the image of their country in China are mainly associated with the names of S.L. Tikhvinsky, Y.M. Galenovich, N.V. Ten, M.E. Panina, O.D. Tugulova, I.V. Stavrov, etc. The article analyzes the main results of the research conducted by these authors. It is noted that, exploring the image of Russia in China according to Chinese literary sources, Russian authors mainly call such Chinese names as Ke Huixin, Zheng Chunli, Wu Yan, Li Suian, Wu He, etc. Among these sources, a special place belongs to the monograph "The Image of Russia in China (1949–2009)", published by Li Suian in 2012, who was the first to perform a comprehensive and systematic analysis of the process of forming the image of Russia in China. All these studies convey the precious experience of studying the image of Russia in China. This experience is based on a comprehensive diachronic analysis carried out within the framework of imagological research.

Key words: image of Russia; Russian studies; Russian and Chinese sources; imagological study; diachronic analysis; historiography

For citation: Li M. The image of Russia in China: A brief historiography of Russian studies. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):106-112. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-106-112

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В КИТАЕ: ОТ ПЕРВЫХ КОНТАКТОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Интерес к Китаю, его культуре у россиян / советских людей сложился уже давно. В последней четверти XX в. советских людей стало особо интересовать отношение китайцев к СССР / России. Этот интерес усилился с началом Перестройки в СССР и началом политики реформ и открытости в Китае, которые примерно совпали по времени. В ходе этих политических процессов и Советский Союз, и Китай избрали переход своей экономики к рыночным отношениям. Однако пути перехода избрали различные.

Российские исследования образа своей страны в Китае воплотились в монографии, диссертации и статьи, и в основном связываются с такими российскими именами, как С.Л. Тихвинский, Ю.М. Галенович, Н.В. Тен, М.Е. Панина, О.Д. Тугулова, И.В. Ставров и др.

В 2008 г. академику С.Л. Тихвинскому, первому среди российских китаеведов-историков, удалось в своей монографии «Восприятие в Китае образа России» [1] сделать исторический обзор процесса формирования и процесса эволюции образа России в Китае с момента возникновения первых российско-китайских контактов в эпоху династии Юань (1271–1368) до наших дней. С.Л. Тихвинский делает акцент на том, что в различные периоды китайско-российских отношений представители китайских властей и общественности по-разному воспринимали своего соседа — Россию (Советский Союз) и дает подробное описание событий в хронологическом порядке и примеры того, как воспринимался образ России в Китае в разное время в связи с теми или иными событиями. Очень пристальное внимание автор уделил формированию образа России в период правления маньчжурской династии Цин в Китае (1644–1912), поскольку именно данная эпоха стала временем зарождения и становления как позитивных, так и негативных образов и стереотипов восприятия России и русских людей на территории Китая. С.Л. Тихвинский отмечает, что первые столкновения маньчжурских военных отрядов с русскими казаками и поселенцами произошли в Приамурье. Именно тогда китайцы узнали, что Россия есть большое государство... Государь ее называется ханом... Ни мужчины, ни женщины не умеют сидеть, поджав ноги... При свидании с родными, друзьями и гостями

не делают ни коленопреклонения, ни наклоны головы, но за учтивость ставят свести уста с устами (поцеловаться). Любят чай, но пьют его с сахаром.

Следующий этап в эволюции образа России в Китае С.Л. Тихвинский относит к периоду присоединения России к колониальной политике западных держав и Японии в Китае (1858–1917). В следующем разделе С.Л. Тихвинский показал существенное воздействие Октябрьской революции 1917 г. и последующих событий в России на формирование новых представлений о России в Китае. Большое внимание он уделил вопросу о воздействии на Китай русской и советской литературы, показал, что литература именно того времени существеннейшим образом повлияла на рост симпатий к России и формирование ее позитивного образа. Особое место в его исследовании занимают проблемы эволюции образа России в Китае и в особенности вопрос о том, как происходил этот процесс после образования КНР: от «старшего брата» в первое десятилетие истории Китайской Народной Республики, когда китайцы осознавали значение той помощи, которую оказывал им Советский Союз, к «социал-империалистам», как называли в Китае Советский Союз в период так называемой Великой пролетарской культурной революции (1966–1976), и наконец, с начала XXI в. между правительствами и народами Китая и России установились тесные отношения добрососедства, дружбы и стратегического партнерства, которым принадлежит будущее.

КИТАЙСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ РОССИИ

И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В 2010 г. была опубликована монография Ю.М. Галеновича «Взгляд на Россию из Китая: прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых» [2], в которой рассматриваются работы ведущих китайских ученых о России и российско-китайских отношениях. История марксизма, социализма, КПСС и СССР обсуждается китайскими учеными с точки зрения современного толкования Коммунистической партией Китая (КПК) того, что трактуется китайцами как «китаизированный марксизм» и «китайский самобытный социализм». В XX в. существование СССР и КПСС оказывало на несколько поколений китайцев постоянное идейное

воздействие. В КПК ведется активная борьба с теми взглядами, которые критикуют действия Н. С. Хрущёва, выступавшего против культа личности и отрицавшего роль И. В. Сталина в истории. Также осуждается стремление М. С. Горбачёва к вестернизации страны, так как это привело к распаду Советского Союза. М. Горбачев полностью отрицал социалистический строй и т. д. Все это характеризуется как «серьезный идеологический уклон». Значит, такие взгляды довольно глубоко укоренились в КПК. Россия стала для Китая «учителем дважды»: во-первых, в 1917 г. Россия стала «учителем», примером для подражания; во-вторых, в 1991 г. Россия снова стала своего рода «учителем». Говоря о распаде СССР, китайцы отмечают, что страна сошла с пути социализма, перестала быть для Китая «идущей впереди». Однако современный Китай может развиваться только при социализме.

В 2011 г. в продолжение вышеуказанной книги вышла в свет другая монография Ю. М. Галеновича — «Россия в “китайском зеркале”. Трактровка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений» [3]. В этом исследовании рассматривается новое осмысление России с позиции истории двусторонних российско-китайских отношений, появившееся в компартии Китая и КНР после исчезновения КПСС и СССР. В двух монографиях Ю. М. Галеновича также рассматриваются публикации об истории двусторонних отношений России и Китая, о проблеме «неравноправия» в наших отношениях, о «китайско-советской войне» (так китайские идеологи называют пограничные конфликты 1960–1970-х гг.), о трактовке истории на основании архивов СССР, об эпохе Ельцина и Путина, о политической культуре России и русской национальной идее и др.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В КИТАЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Диссертация Н. В. Тен «Образ России в современном Китае (1991–2010)» [4], написанная в 2012 г., не является первой работой в России по изучению образа России в Китае, однако именно в этой работе систематически рассмотрена эволюция представлений о СССР / России в КНР. Проведенный автором анализ основывался на применении методов исторической науки, что дало возможность ответить на вопросы об истоках и факто-

рах формирования конкретных представлений, а также проследить динамику образа России.

Н. В. Тен выделила пять этапов формирования образа России в Китае: первый этап начался с периода правления династий Юань (1271–1368) и Мин (1368–1644), тогда в Китае был известен лишь сам факт существования российского государства. На данном этапе формирование образа России протекало в условиях конфликта между российской и цинской сторонами. На протяжении второго этапа, длящегося с конца XVII в. и до «открытия» Китая в середине XIX в., китайские представления о России и русских формировались на основе немногочисленных официальных сочинений (самыми информативными тогда были записки Тулишэня о путешествии к Аюкхану в начале XVII в.). Третий этап эволюции образа России и русских начался после «открытия» Китая в середине XIX в. В связи со ставшей перед Китаем проблемой модернизации для части китайских чиновников Россия также стала примером страны, которая провела при Петре I успешную «модернизацию сверху». Кроме того, на рубеже XIX–XX вв. появились литературные произведения, изображавшие русских революционеров, что вызывало интерес к России у тех, кто в дальнейшем считал революцию средством для модернизации Китая и решения социальных проблем страны. Четвертый этап формирования образа России приходится на период 1912–1949 гг., когда Советский Союз оказывал помощь Китаю в борьбе с японскими войсками. Благодаря Обществу китайско-советских культурных связей в Китае распространялась информация об СССР. На протяжении пятого этапа (после создания КНР в 1949 г. и до распада СССР в 1991 г.) дальнейшее формирование образа России и русских людей проходило сначала в условиях дружбы двух стран, а затем в сложной обстановке нараставших идеологических противоречий: критика И. Сталина в СССР привела к тому, что широкое сотрудничество и беспрецедентный культурный обмен были свернуты, прекратилось предоставление советской помощи КНР. В 1969 г. произошли вооруженные столкновения на советско-китайской границе. В годы «Культурной революции» и вплоть до середины 1970-х гг. в Китае продолжалась активная анти-советская и антироссийская пропаганда. Ситуация начала постепенно меняться только после прихода к власти М. Горбачева и распада СССР.

На протяжении указанных пяти этапов образ России и русских людей подвергался трансформации. Такие характеристики, как «агрессивный варвар», «цивилизованное государство», «модернизирующаяся страна», «красный империалист», «старший брат», «гегемонист», появившиеся в определенный исторический период российско-китайских отношений, постепенно сменяли друг друга. В период 1991–2010 гг. в Китае сформировались концепции, в рамках которых осмысляются Россия и русские, российская цивилизация и русский менталитет. К российской цивилизации относятся следующие три концепции:

- концепция определяющей роли иностранного влияния;
- концепция рассматривания истории России как истории войн;
- концепция географического детерминизма.

ОБРАЗ РОССИИ В КИТАЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ: АНАЛИЗ ПАРНЫХ КОНЦЕПТОВ

М.Е. Панина в своей диссертации «Образ России и русских в современной китайской публицистике (на материале писательских путевых очерков)» [5] в рамках междисциплинарного подхода анализирует комплекс представлений о России и русских в очерках четырех современных китайских публицистов. В рамках литературоведческого анализа и контент-анализа отдельные элементы образа маркировались как положительные или отрицательные для Другого или Своего, что позволило выделить парные концепты «Черная Россия — Белая Россия», «Необустроенная Россия — Культурная Россия», «Слабая Россия — Сильная Россия», «Распадающийся Советский союз — Возрождающаяся Россия». В концепты с негативной коннотацией входят высказывания, в основном относящиеся к экономике и политике России. Материальная культура (тяжелые, грубые, неэкономные и неудобные вещи) Другого представляются как проявление негативных черт национального характера (лень, непунктуальность, бесхозяйственность); в то же время однозначно положительно оцениваемая духовная культура связывается с проявлениями лучшего в национальном характере русских (творческое начало, духовная и физическая сила). Представления китайских авторов о русской культуре не просто констатируют ее положительную оценку; именно

они, как часть «элосы цинцзе», служат потенциальной базой для сближения и налаживания контактов между Россией и Китаем.

ОБРАЗ РОССИИ В КИТАЕ: АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

В России также было опубликовано несколько статей об образе России в Китае. Например, 2-й в социокультурном дискурсе Китая» [6] исследует бытовые факторы, которые формируют китайское общественное мнение в отношении постсоветской России. В период 1990-х гг. — начала XXI в., согласно результатам официальных опросов китайских респондентов в Китае, складывается в основном положительный образ России: «Россия представляет собой мощную в экономической, политической, культурной областях, значимую на международной арене страну. Культурные достижения России XIX–XX веков в литературе, музыке, кинематографе, теории искусства, в философии стали широко известны в Китае. Имеющиеся в средствах массовой информации Китая сведения о России акцентируют положительную сторону образа России», однако в свою очередь, присутствуют многие отрицательные стороны в представлениях китайцев о России. В частности, суровые климатические условия, скудный и однообразный рацион питания, пренебрежительное и высокомерное отношение россиян к представителям Поднебесной, неуставное отношение правоохранительных органов, неразвитая инфраструктура культурно-досуговой сферы, нередко можно встретить упоминания о пристрастии россиян к алкоголю. Есть шутка о том, как иностранцев, которых пригласили посидеть за русским праздничным столом, обычно выносят из-за стола на носилках, и только через несколько дней они снова способны думать о пище. В СМИ, ресурсах сети Интернет, исследовательских работах китайских ученых Президент России В.В. Путин представлен как сильный руководитель, заботящийся о своем народе, развивающий в обществе чувство патриотизма, способный вывести страну на достойный уровень. Имя В. Путина респонденты ставят в одном ряду с Лениным и Сталиным.

И.В. Ставров также описывает образ России в Китае в своей статье «Образ России на страницах газеты “Хэйлунцзян жибао”» [7]. Целью данной публикации является попытка изучения

образа России в репрезентациях региональной китайской ежедневной газеты «Хэйлунцзян жибао». На основе изучения значительной по объему выборки статей И. В. Ставров пришел к заключению, что образ России на страницах газеты «Хэйлунцзян жибао» в целом имеет нейтральный характер. Ведущее печатное СМИ провинции Хэйлунцзян уделяет существенно большее внимание внутренним и международным проблемам Российской Федерации, торгово-экономическому и культурному сотрудничеству. Несмотря на нейтральный характер сообщений о России, в данной газете встречаются материалы, явно или неявно формирующие ее положительный образ как страны с высокоразвитой культурой. Часть публикаций несет отрицательные коннотации, отсылающие к последним социально-экономическим проблемам России.

КИТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ФОРМИРОВАНИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ

Исследуя образ России в Китае по китайским источникам (монографии, диссертации и статьи), российские авторы в основном называют такие китайские имена, как Кэ Хуйсинь, Чжэн Чунли, У Янь, Ли Суйань, У Хэ и др.

В 2007 г. Кэ Хуйсинь, Чжэн Чунли, У Янь написали статью «Образ России в китайских СМИ на примере «Газеты китайской молодежи»» [8], в которой был проанализирован имидж России, созданный в «Газете китайской молодежи». Этот имидж в основном характеризует Россию как политическую, энергетическую державу, в которой доминируют нефть и газ, и культурную державу, в которой преобладают литература, искусство и культурный обмен. Основные китайские СМИ являются дружественными к России, (на примере «Газеты китайской молодежи») и, как правило, сообщают в прессе ценные положительные сведения о России, ее правительстве и народе, а о негативных новостях хранят молчание.

В 2012 г. в монографии «Образ России в Китае (1949–2009 гг.)» [9], опубликованной китайским автором Ли Суйанем, который первым выполнил всесторонний и системный анализ процесса формирования образа России в Китае, анализируется трансформация образа России в Китае с момента образования КНР до 2000-х гг. Процесс формирования образа России в Ки-

тае распадается на три исторических периода, соответствующих основным этапам развития российско-китайских отношений. В период Дружбы между Россией и Китаем (1949–1960) слова «старший брат», «один союзник», «глава большой социалистической семьи» и т.д. стали словесными символами образа Советского Союза. В период Конфронтации в отношениях между Россией и Китаем (1960–1989) Китай начал очернять образ Советского Союза. Для этих целей используются такие средства наглядной агитации, как плакаты, фильмы, песни, учебники. Советский Союз из «старшего брата» превратился в самого опасного врага. В период Нормализации отношений между Россией и Китаем (с 1989 г. по настоящее время) символами современной России стали трубопровод Россия — Китай, русское мороженое, русская культура, лидер России — В. Путин.

В 2015 г. У Хэ в статье «Впечатления о России на современном этапе среди китайцев» [10] написал, что северная мощная соседка Китая — Россия стала играть важную роль на китайской исторической сцене. Отношения между Россией и Китаем развиваются от «незнакомых» до «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия». Представление Китая о России пережило переход от «призраков» к «угрозам», от «наставника» к «врагу», от «соседа» к «партнеру». Россия, за которой наблюдает Китай, становится «зеркалом», с помощью которого китайцы могут смотреть на себя (на достоинства и недостатки в развитии Китая). Это является необходимым выбором Китая, исходя из его национальных интересов в нынешней стратегической ситуации.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБРАЗА РОССИИ В КИТАЕ: РОССИЙСКИЙ И КИТАЙСКИЙ ПОДХОДЫ

При сравнении российских и китайских источников мы можем заметить, что, во-первых, в России исследования образа России в Китае появились раньше, чем аналогичные исследования в Китае. В 2008 г. российский академик С. Л. Тихвинский впервые описал образ России, сложившийся в Китае на протяжении XVII–XXI вв., используя исторические архивы, воспоминания очевидцев, результаты научных достижений и, подчеркнем, с точки зрения русских (россиян). А в 2007 г. появилась статья, опубликованная

учеными Кэ Хуйсинь, Чжэн Чунли, У Янь, которая заложила основу для систематического изучения в Китае указанной проблемы, и стала основным источником изучения образа России в Китае вплоть до появления в 2012 г. монографии Ли Суйаня. Во-вторых, исследования образа России в Китае в русских (российских) источниках выполняются в основном с точки зрения исторического обзора, социально-политического строя (включая политику, перестройку и т.д.), экономики, позиции СМИ и прессы, опроса общественного мнения. При этом в этих работах легко просматриваются собственное мировоззрение и собственные взгляды авторов на описываемые проблемы, что в разное время повлияло на описание разных образов России. В-третьих, исследования России в Китае в китайских источниках сосредоточились на узком круге вопросов, например, развал СССР. Систематических комплексных исследований, таких как «Образ России в Китае (1949–2009 гг.)» Ли Суйаня, очень мало, а некоторые его оценки со временем уже устарели.

ВЫВОДЫ

Как видим, исследования образа России в Китае как в русских (российских), так и в китайских источниках, осуществляются на основе разнообразных литературных источников и публикаций в СМИ, опроса общественного мнения

и т.д., используются методы межкультурной имагологии. Также стоит отметить, что в России исследования образа России в Китае базируются на исторических документах. Широко применяется диахронический метод, который позволяет анализировать динамику изменений в восприятии России в Китае с течением времени. При этом исследования проводятся с учётом российской политической позиции и с активным использованием культурных факторов. В Китае исследования образа России в Китае основаны на методах китайской имагологии, начиная с изучения теоретических концепций образа / имиджа. С позиций китайских ученых и широких китайских масс образ России в Китае приобрел объективный макроскопический характер, одновременно в Китае создается микроскопический имидж России в культуре Китая, который изучается на основе монографий, статей, газет, Интернета, учебников, академических энциклопедий, литературных произведений о России и т.д.

Таким образом, мы получили для нашего исследования драгоценный опыт в изучении образа России в Китае. Этот опыт опирается на всесторонний диахронический анализ, проводимый в рамках имагологического исследования. Имагологические исследования в Китае играют важную роль в изучении образа России в китайской культуре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. Москва: Наука; 2008. 244 с.
2. Галенович Ю.М. Взгляд на Россию из Китая: прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых. Москва: Время; 2010. 302 с.
3. Галенович Ю.М. Россия в «китайском зеркале». Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. Москва: Восточная книга; 2011. 416 с.
4. Тен Н.В. Образ России в современном Китае (1991–2010). Дисс. канд. ист. наук. Москва; 2012. 303 с.
5. Панина М.Е. Образ России и русских в современной китайской публицистике (на материале писательских путевых очерков). Дисс. канд. филол. наук. Владивосток; 2017. 302 с.
6. Тугулова О.Д. Образ современной России в социокультурном дискурсе Китая. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014;(8):166–168. <https://www.elibrary.ru/qjrilr>
7. Ставров И.В. Образ России на страницах газеты «Хэйлунцзян жибао». *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2017;(1):54–60.
8. Кэ Хуйсинь, Чжэн Чунли, У Янь. Образ России в китайских СМИ на примере «Газеты китайской молодежи». *Современная пропаганда*. 2007;(5):31–34.
9. Ли Суйань. Образ России в Китае (1949–2009 гг.). Харбин: Образовательное издательство провинции Хэйлунцзян; 2012. 487 с.
10. Wu He. Chinese impressions of Russia at the present stage. *Bulletin of the Nanjing Political Institute*. 2015;(4):70–78.

REFERENCES

1. Tikhvinskiy S.L. *Vospriyatie v Kitae obraza Rossii*. Moscow: Nauka; 2008. 244 p. (In Russ.).
2. Galenovich Yu.M. *Vzglyad na Rossiyu iz Kitaya: proshloe i nastoyashee Rossii i nashih otnosheniy s Kitayem v traktovke kitayskih uchenykh*. Moscow: Vremya; 2010. 302 p. (In Russ.).
3. Galenovich Yu.M. *Rossiya v "kitayskom zerkale"*. Traktovka v KNR v nachale XXI veka istorii Rossii i rusско-kitayskih otnosheniy. Moscow: Vostochnaya kniga; 2011. 416 p. (In Russ.).
4. Ten N.V. *Obraz Rossii v sovremennom Kitae (1991–2010)*. Moscow; 2012. 303 p. (In Russ.).
5. Panina M.E. *Obraz Rossii i russkih v sovremennoy kitayskoy publitsistike (na materiale pisatel'skikh putevykh ocherkov)*. Vladivostok; 2017. 302 p. (In Russ.).
6. Tugulova O.D. Image of Russia in the socio-cultural discourse in China. *BSU bulletin*. 2014;(8):166–168. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/qjrllr>
7. Stavrov I.V. *Obraz Rossii na stranicah gazety "Heylongczzyan zhibao"*. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2017;(1):54–60. (In Russ.).
8. Ke Huixin, Zheng Chunli, Wu Yan. *Obraz Rossii v kitayskih SMI na primere "Gazety kitayskoy molodezhi"*. *Sovremennaya propaganda*. 2007;(5):31–34. (In Russ.).
9. Li Suiyan. *Obraz Rossii v Kitae (1949–2009 gg.)*. Harbin: Obrazovatelnoe izdatel'stvo provintsii Heylongjiang; 2012. 487 p. (In Russ.).
10. Wu He. Chinese impressions of Russia at the present stage. *Bulletin of the Nanjing Political Institute*. 2015;(4):70–78.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Минда Лу — доцент Института русского языка, Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, Китайская Народная Республика

Mingda Li — Assoc. Prof., Institute of Russian Language, Sichuan International Studies University, Chongqing, Peoples Republic of China
limingda212@163.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.11.2024; принята к публикации 27.02.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.11.2024; accepted for publication on 27.02.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-113-120
УДК 323.21(045)

«Трудные времена» как стимул для единения и развития гражданского общества в России

Н.Н. Кулакова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Цель. Основными целями написания работы явились изучение изменений, произошедших в деятельности современного гражданского общества после начала специальной военной операции (СВО) вооруженных сил Российской Федерации на Украине, характеристика деятельности и определение роли патристически настроенных лидеров общественных мнений (Telegram-каналов, военкоров) в происходящих преобразовательных процессах. **Метод.** В данном исследовании использовались метод анализа (изучение сущности и эффективности взаимодействия интернет площадок и структуры гражданского общества), исторические методы (исследование истории формирования российского гражданского общества), метод дедукции (признание Telegram-каналов как информирующих, стимулирующих и агитирующих, а также их посреднической роли между обществом и властью). **Выводы.** В ходе исследования были выявлены основные процессы, происходящие в институтах гражданского общества, определена организационная роль информирования и деятельности популярных патристических интернет площадок. В ходе анализа и сравнения общественных процессов, инициированных СВО, и характеристик просветительских, агитационных и организационных публикаций в Telegram-каналах, были выявлены общие черты этих социальных явлений. В результате был сделан вывод о взаимосвязи гражданского общества и деятельности ведущих патристических Telegram-каналов и ЛОМов как на общегосударственном, так и на локальном уровне. Последние были признаны институтом гражданского общества. Автором выдвинуто предположение, что процесс формирования в России гражданского общества получил беспрецедентное стимулирование с началом проведения СВО, при этом он во многом направляется деятельностью лидеров мнений и патристических Telegram-каналов, которые, в свою очередь, являются одновременно и результатом, и стимулом (локомотивом) развития российского гражданского общества. **Практическое применение.** В результате проведенного исследования произошло расширение теоретических сведений относительно институтов гражданского общества, доказано новое и перспективное направление в развитии и управлении деятельностью гражданского общества в России, что может быть использовано при дальнейшем его изучении. Исследование эффективности деятельности Telegram-каналов/ЛОМов не только в части информирования населения, но и в реализации функций стимулирования и организации общественной жизни и признание их частью гражданского общества констатирует значимость данного социального явления, что, в свою очередь, стимулирует внимание социума к данному виду деятельности и пролонгирует его всестороннее развитие. **Оригинальность.** Представленная работа предназначена для научного сообщества, студентов гуманитарных факультетов и широкой общественности, интересующейся проблемами развития гражданского общества вообще и российского в частности. **Ключевые слова:** гражданское общество; общественные организации; государство; специальная военная операция; Россия; лидеры мнений; Telegram

Для цитирования: Кулакова Н.Н. «Трудные времена» как стимул для единения и развития гражданского общества в России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):113-120. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-113-120

ORIGINAL PAPER

“Hard times” as an Incentive for Unity and Development of Civil Society in Russia

N.N. Kulakova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Purpose. The main purpose of writing the work were to study the changes that occurred in the activities of the modern civil society after the start of the Special Military Operation (SVO), characterize the activities and determine the role of patriotic public opinion leaders (telegram channels, military correspondents) in the ongoing transformation processes.

Method. This study used the analytical method (studying the essence and effectiveness of the interaction between Internet platforms and the structure of civil society), the historical method (studying the history of the formation of Russian civil society), and the deductive method (recognizing telegram channels as informing, stimulating and agitating, as well as their mediating role between society and power). **Conclusions.** During the research, the main processes occurring in the institutions of civil society and the directions of information and activities of popular patriotic Internet platforms were identified. When conducting an analysis and analogy of social processes stimulated by SVO, and the characteristics of educational, propaganda and organizational publications in telegram channels, similar features of these social phenomena were identified, as a result of which a conclusion was made about the relationship between civil society and the activities of leading patriotic telegram channels and LOMs as general and private accordingly, in recognizing the latter as an institution of civil society. The author has suggested that the process of formation of civil society in Russia received unprecedented stimulation with the beginning of the SVO, while it is largely directed by the activities of opinion leaders and patriotic telegram channels, which in turn are both the result and the stimulus (locomotive) for the development of Russian civil society. **Practical use.** As a result of the study, theoretical information regarding the institutions of civil society was expanded, a new and promising direction in the development and management of the activities of civil society in Russia was proven, which can be used in its further study. **Social consequences.** A study of the effectiveness of the activities of telegram channels/LOMs not only in terms of informing the population, but also in implementing the functions of stimulating and organizing public life and their recognition as part of civil society states the significance of this social phenomenon, which, in turn, stimulates the attention of society to this type of activity and prolongs its comprehensive development. **Originality.** The presented work is intended for the scientific community, students of humanities faculties, and the public interested in the problems of the development of civil society in general and Russian society in particular. **Keywords:** civil society; public organizations; state; Special military operation; Russia; opinion leaders; Telegram

For citation: Kulakova N.N. "Hard times" as an incentive for unity and development of civil society in Russia. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):113-120. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-113-120

ВВЕДЕНИЕ

Становление, развитие и качественная характеристика структур гражданского общества в настоящее время образуют комплекс политических, экономических, социальных, культурных процессов, разворачивающихся в государстве.

По поводу проблемы формирования и деятельности гражданского общества за более чем тридцатилетний период существования современной России научных копий было сломано немало [1]. Одним из наиболее довлеющих, но дискуссионных является вопрос о частной собственности на средства производства как неизменной основой для формирования гражданского общества [2].

При этом показательным моментом является тот факт, что большинство работ, обосновывающих данный тезис, написаны не социологами и политологами, а исследователями в сфере юридических и экономических наук. Так, именно кандидатом экономических наук частная собственность названа «базовым условием становления гражданского общества в современной России» [2], другой автор утверждает, что «частная собственность выступает основой гражданского общества» [3]. Стоит также обратить внимание, что работы, авторы которых обосновывают взгляды на частную собственность как на важнейшее и неизменное условие развития гражданского

общества, изданы в период активной приватизации общественной собственности, что позволяет задуматься о политической конъюнктурности подобных утверждений или ангажированном характере такой позиции.

Некоммерческие организации (НКО), активно продвигаемые еще в 90-е гг. XX в., финансируемые спонсорами и получающие государственные субсидии, не сплотили и не вдохновили широкие массы граждан страны на совместную общественную деятельность. Виды и численность НКО в период 2011–2014 гг. представлены в таблице.

Представленная информация свидетельствует, что НКО специализировались прежде всего на профессиональных, этнических или околомаркетинговых проектах. Функционирование данных организаций, позиционирующих себя как гражданское общество, не предполагало осуществление общественно значимых задач или контроль за деятельностью государственной власти, их основная цель — управление и/или реализация собственных коммерческих проектов. Основываясь на численности членов НКО, с высокой долей уверенности можно сделать вывод о том, что идеи и цели, лежащие в основе их создания и функционирования, не затрагивали «боли» и интересы широких масс населения, следовательно, не находили широкой поддержки у российских граждан.

Таблица / Table

**Виды и численность НКО в период 2011–2014 гг. (на конец года) /
Types and number of NGOs in the period 2011–2014 (at year end)**

Тип организации	2011	2012	2013	2014
Фонды	15 710	15 916	16 425	16 637
Некоммерческие партнерства	23 070	23 011	23 170	22 158
Автономные некоммерческие организации	16 224	17 055	18 152	19 008
Объединения юридических лиц (ассоциации, союзы)	5 178	4 948	4 871	5 067
Учреждения	15 931	16 559	17 071	16 900
Территориальные общественные самоуправления	2 033	2 056	2 119	2 218
Коллегии адвокатов	2 272	2 347	2 402	2 490
Общины малочисленных народов	1 172	1 196	1 261	1 288
Казачьи общества	1 675	1 981	2 201	2 41
Итого:	85 185	87 028	89 617	90 155

Источник / Source: Федеральная служба государственной статистики / Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b15_11/lssWWW.exe/Stg/d01/11-02.htm

Как известно, верификация — это способ проверки научности теоретических гипотез, в данном случае критерием верификации анализируемой проблемы выступает вполне материальный факт — полноценное функционирование гражданского общества или имитация такового. Социальная практика современной России доказала несостоятельность утверждений о частной собственности как основе для зарождения и функционирования гражданского общества. Автор разделяет мнение исследователей, считающих, что факторы, характерные для формирования гражданского общества в европейских государствах с господством частного, партикулярного интереса, базирующегося на институте частной собственности, для нашей страны оказались мало востребованным явлением, а гражданское общество европейского типа не получило массовой поддержки [4–6]. Институциональным стержнем формирования российского гражданского общества, «его сердцевиной служат объединения, не стремящиеся к извлечению из своей деятельности коммерческой прибыли, а избравшие ее предметом общественно полезные задачи» [4].

ПОСЛЕДСТВИЯ ВЛИЯНИЯ ЗАПАДА НА РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Несмотря на вторжение в информационное пространство России разнообразных цивилизационных начал и забвение/незнание российских традиционных демократических институтов, активное насаждение «демократии» по западному образцу, российская ментальность, сформированная на принципах православной идеологии, проповедующей приоритет общественного интереса над личными потребностями, возвышение духовности и нестяжательства над прагматичностью и богатством, не приняла идею защиты интересов собственности в качестве объединяющей людей в гражданское общество [7]. Невозможно изменить фундаментальные ценности российского общества, которые опираются на высокий запрос на справедливость, традиции общительности и солидарности. Эти ценности стали непреодолимым препятствием для внедрения чуждых идей и форматов, которые могли бы стать основой для создания социальных институтов. Стремление как можно быстрее перестроить

социальное устройство и внедрить гражданские институты, не учитывая потребности общества, привело к результату, который можно сравнить с парадоксом Шрёдингера. В физике это понятие связано с уравниванием волновой функции, которое помогает определить вероятность нахождения кванта в определенной точке пространства. Деятельность российского гражданского общества напоминает эксперимент с котом Шрёдингера, который как будто и жив, и мертв одновременно.

На фоне постперестроечной атомизации социума и построения капиталистической экономики одними из очень немногих групп интересов, аккумулирующих и направляющих свои усилия для влияния на властные структуры, остались организации, с переменным успехом отстаивающие культурное наследие страны, а также объединения ветеранов силовых структур, анализируемые автором в работе «Социальная роль и специфика военных ветеранских общественных организаций в политическом пространстве Российской Федерации» [5].

Древнегреческий философ Платон в работе «Республика» сформулировал афористичную идею, связывающую появление трудных времен с деятельностью слабых людей. Думается, именно по таким принципам и существовало российское общество в прошедшие десятилетия. Времена, материально обеспеченные высоким курсом нефтедоллара, были, с финансовой точки зрения, достаточно благополучными, а общество, с разрушенными еще в перестройку социальными связями и все нарастающей фрагментацией, существовало практически без объединяющих национальных ценностей и целей. В начале 90-х гг. в обществе образовался идеологический вакуум, который на протяжении более чем трех десятилетий активно заполнялся. В лучшем случае это была идеология потребительства, когда материальные ценности стали главной целью и смыслом жизни. В худшем — презрение к собственной стране¹.

Увы, но многолетняя информационная война Запада против России оставила свой отпечаток на мировоззрении российских граждан, в том числе власть предержащих. На протяжении всей, еще столь недолгой постсоветской истории, значительная часть российской элиты не отождествляла себя с населением России и размещала и разме-

щала своих наследников и капиталы в стабильных странах Запада². Исходя из существующих реалий складывается впечатление, что часть истеблишмента не испытывает потребности в создании надежной защиты нашего государства для обеспечения его независимости и территориальной целостности, не заинтересована в его развитии и укреплении позиций на мировой арене, что подрывает возможности нашей страны в реализации своих национальных интересов³.

ДИНАМИКА РЕАКЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА ВЫЗОВЫ СВО

Дата 24 февраля 2022 г. в жизни нашей страны, да и мира в целом, стала точкой невозврата к прежнему способу существования, а возможно, и точкой отсчета сложного времени, которое, опять же по Платону, должно породить хороших людей. СВО стала поворотным моментом в жизни миллионов россиян, разделив её на периоды до и после: одни бежали из страны, другие оказались в самом эпицентре военных событий, выбрав путь добровольца или став мобилизованным. Тысячи людей поехали «за ленту» волонтерами, другие, оставаясь на местах, экстренно включились в деятельность по сбору помощи фронтовикам.

За прошедшие два с половиной года в обществе произошли колоссальные перемены, военная беда, как лакмусовая бумага, проявила характер и качества людей и вынудила значительную часть общества выйти из духовного анабиоза, сплотиться для помощи своим воинам⁴. Солидарность, готовность объединяться с другими людьми для совместных действий, эмпатия, осознание личной ответственности граждан за ход общественного развития, являющиеся важнейшими предпосылками для формирования гражданского общества, стали характерны для значительной части российских граждан.

Общественные организации занялись своим основным делом — артикулировать потребности и интересы граждан и способствовать их удовлетворению. Именно внутри таких объединений, образованных в результате инициативы

¹ URL: <https://pressria.ru/20230608/954892126.html>

² URL: <https://rossaprimavera.ru/news/95fad3a3>

³ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5669814>

⁴ URL: <https://rg.ru/2023/12/31/matvienko-sereznye-vyzovy-splotili-rossii-v-2023-godu.html>

отдельных людей или групп единомышленников, стремительно прошел процесс самоорганизации, реализуемый вне зависимости от позиции «добрых или злых» представителей власти, а сама власть стала рассматриваться как равный партнер по общественному делу, более того, с помощью широкого привлечения внимания к проблемам, недостаткам и преступлениям, на власть стало оказываться значительное влияние, невозможное в довоенном прошлом [8].

Одной из важных проблем, ранее не доступных для обсуждения, стала чрезмерная бюрократизация армейского управления. Сложность ее решения состоит в том, что в этой ситуации общество взаимодействует с закрытой структурой, жестко регламентирующей свою деятельность и опирающуюся на однозначность и беспрекословность выполнения приказов. Вопросом, поднятым еще в начале военных действий Лидерами общественного мнения (ЛОМ) и Telegram-каналами, был внешний вид бойцов СВО. В частности, запрет на ношение бороды военнослужащими, у которых в условиях жестоких боев далеко не всегда есть возможность заниматься гигиеническими процедурами, далее последовало привлечение внимания общественности и гражданских властей к проблемам с обмундированием и средствами защиты военнослужащих, к задержкам с выплатой денежного довольствия и «боевых», к необходимости списания шин военных машин по факту, а не по нормативному пробегу и многое-многое другое.

Одновременно с решением бытовых проблем участников СВО отечественный Telegram бил в набат по поводу налетов украинских беспилотников на тыловые военные аэродромы. Авторы месседжей привлекли внимание к острой необходимости строительства защитных ангаров для российских самолетов и вертолетов, которые повсеместно строят для своей авиации, в том числе в Туркмении, Узбекистане, не говоря уже о странах НАТО.

Активисты гражданского общества, зачастую направляемые все теми же патриотическими Telegram-каналами, не остались в стороне и от публичной критики гражданских чиновников, от привлечения внимания к столь болезненной для нашей страны проблеме — косности мышления чиновничьего аппарата, не успевающего за радикальным изменением жизненных реалий. Деятельность ЛОМов и инициативных сообществ

не ограничилась критикой и распространением информации. Многие из них работали и работают по принципу «Не согласен — критикуй, критикуешь — предлагай, предлагаешь — делай, делаешь — отвечай».

С началом СВО по лекалам стартапов стали работать инициативные группы, которые смогли быстро и без бюрократических процедур сориентироваться в нуждах фронта. Они сыграли большую роль в решении первоочередной боевой задачи, к которой российский оборонно-промышленный комплекс был не готов — обеспечении дронами боевых подразделений, средства на которые были собраны методом краудфандинга (общественное привлечение денег на реализацию проекта)⁵. При этом общепринятый принцип привлечения первых инвестиций в проект, имеющий формулу 3F: friends, family, founder (друзья, семья, основатель) на российской земле значительно трансформировался — «семьей» и «друзьями» оказались никак не связанные между собой люди, которые финансово поддержали отечественные разработки, при этом суммы пожертвований очень разные — порой они начинаются с 50 рублей. Автор Telegram-канала «Повернутые на войне», начавший сбор средств на народный дрон со сказочным названием «Упырь», заявляет: «Без пожертвований людей со всей России ничего бы у нас не получилось, конечно, это ответственность. Вообще, история нашего дрона — история постоянной помощи и взаимовыручки...»⁶.

Гражданские объединения не просто собрали и собирают деньги на аптечки и бронежилеты для воинов, они занимались и занимаются доставкой из-за рубежа комплектующих, модифицируют готовые квадрокоптеры, спонсируют технические новшества, плетут маскировочные сети, шьют одежду, изготавливают вещи, которые очень нужны бойцам на передовой. Во имя помощи армии люди по всей стране начали выстраивать горизонтальные связи, делиться опытом. «Народные полки» выполняют эту работу на собственные средства, привлекают помощь благотворителей, властей и предпринимателей⁷.

В сегменте Telegram сложился пул влиятельных блогов, концентрирующихся на освещении

⁵ URL: <https://ria.ru/20240425/putin-1942315410.html>

⁶ URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/20056007>

⁷ URL: <https://vesti-ural.ru/2023/07/25/203097/>

событий СВО: «Рыбарь», «Старше Эдды», «Два майора», «Выпускайте КракенаZ!», «Военный осведомитель» и ряд других — это Telegram-каналы с поддержкой миллионов подписчиков⁸. К примеру, Telegram-канал «Рыбарь», разросшийся до аналитического центра, стал одним из самых авторитетных и цитируемых российских источников информации в мире, его основатели проводят мастер-классы, открыли медиа-школу на Балканах, на публикации «Рыбаря» ссылаются в новостных передачах центральных каналов.

Названные информационные площадки не просто информируют о реальных событиях на фронте, но занимаются организацией пожертвований, координируют взаимодействие поставщиков и воинских подразделений, собирают деньги на вещи, продукты, окопные свечи, машины и многое другое на нужды российской армии. С их информационной поддержкой и помощью был поставлен на поток защитный антидроновый козырек, в народе называемый «мангал», который рассеивает кумулятивную струю от взрыва над башней. Технология разработки этой защиты с полным правом может быть признана народным техническим изобретением, разработанным на СВО, а само изобретение спасло не одну человеческую жизнь. В настоящее время «мангал» получил признание в других армиях мира, он уже используется... на израильских танках Merkava⁹. Гражданские инициативные группы, организованные и вдохновленные мессенджерами Telegram, сыграли существенную роль в распространении новых приемов и методов в работе снайперов, в обеспечении военнослужащих линейкой винтовок Лобаева, в том числе сверхдальнобойных, столь ценных на СВО¹⁰. ЛОМы и патриотические мессенджеры стали основным каналом коммуникации для военнослужащих, разработчиков военного оборудования и волонтеров, а их деятельность шагнула далеко за рамки информирования.

СВО, стимулировавшая активность и креативное мышление населения, снизила порог вхождения на рынке оборонной продукции для новых участников. Инициативные инженер-

ные группы разработчиков, порой не имеющие юридической регистрации, но горячо желающие реализовать техническую идею, способную помочь воюющим, и готовые моментально ее адаптировать под запросы фронта, стали непероценимой опорой армии с первых дней военного конфликта. Как в этом плане справедливо заметил Д. Песков: «Сегодня на поле боя побеждает тот, кто больше открыт для инноваций, больше открыт для максимально оперативного внедрения...»¹¹.

Патриотически настроенные граждане, направляемые и координируемые как ЛОМами, так и мессенджерами Telegram, способствовали активизации и координации действий гражданского общества. Активная гражданская позиция нашла свое воплощение в деятельности на общее благо как отдельных граждан, так и стихийно созданных объединений людей. Работа устойчивых гражданских объединений, как и текущее положение на фронте, становится информационными поводами для освещения в мессенджерах. Военкоры, блогеры, ЛОМы исписали километры постов в Telegram-каналах с целью распространения и внедрения опыта, аккумулированного в ходе боевых действий в зоне СВО и включения его в процесс боевой подготовки мобилизованных и добровольцев.

В реальном времени происходит перерождение информационных ресурсов и их выход за пределы мессенджера — становясь общенародным форумом, они поднимают острые вопросы по различным проблемам — противодействию паводку и необходимости совместных действий для защиты своих жилищ, здесь же находят свое отражение проблемы миграции, распространяются петиции с требованиями по регуляции и наведению порядка, отражается борьба с чиновничьей некомпетентностью. Активисты российского гражданского общества поднимают острые и неудобные вопросы, волнующие жителей страны. «Информационная работа — один из самых важных боевых участков», — отметил на встрече с ними В.В. Путин¹².

ВЫВОДЫ

Практическими результатами совместных действий населения, патриотических ЛОМов и мес-

⁸ URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/10/2022/63402de89a79475ab651800a

⁹ URL: <https://rg.ru/2024/05/21/rossijskie-mangaly-stalinovym-tankovym-trendom-vo-vsem-mire.html>

¹⁰ URL: <https://rg.ru/2022/08/09/vladislav-lobaev-vsia-linejka-nashih-vintovok-uchastvuet-v-specoperacii.html>

¹¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6690530>

¹² URL: <https://tass.ru/politika/18053445>

сенджеров, способствующих объединению людей, стали духовная поддержка и сбор денег на нужды армии, укрепление дамб и противодействие паводку, создание народных дружин, противостоящих этнической преступности в Самаре, Санкт-Петербурге, Москве. Вот именно такие качества нашего народа, способность в трудную минуту объединяться и добиваться нужного результата и вселяют надежду на будущее.

Общественно-патриотические каналы Telegram оказывают все возрастающее влияние на социально-политическую повестку Российской Федерации, оперативно предоставляют текущее информирование, профессиональную политическую и военную аналитику, публикуют размышления и критику действий властей разных уровней, формируют общественное мнение миллионов подписчиков.

Результатом совместной деятельности общественных организаций «на земле», Telegram-каналов и ЛОМов в сети стало объединение во имя единой цели, решение управленческой и координирующей задач, реализация функции аккумуляции, пропаганды и гражданского контроля.

Оказывая взаимопомощь и поддержку, они стали важнейшими ячейками гражданского общества и продолжают расширять свои горизонты влияния на граждан, власть, бюрократические структуры.

Увы, но долгую историю жизни России нельзя назвать ареной счастья, на долю нашей страны выпало много сложных и трагических времен, ни одна страна не вела столько оборонительных войн против Запада и против Востока, как наша. Однако один из непреложных законов, всегда работающих в нашей стране — единение народа ее населяющего перед лицом опасности¹³. Исторически сложилось, что мы, россияне, выживем только сплотившись, только вместе. Поодиночке нам нашу жизнь и нашу страну не отстоять. Масштабы вызовов, стоящих перед Россией, требуют от государства, гражданского общества, бизнеса и информационного сообщества предельно четкой и слаженной работы на благо нашей Родины.

¹³ URL: <https://www.pnp.ru/politics/vremyabolshikhresheniy.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Правовые основы формирования гражданского общества в современной России. Сборник научных трудов по материалам всероссийского научно-практического круглого стола. В: А.В. Малько и К.А. Струсь, ред. Пятигорск-Саратов-Москва: РИА КМВ; 2010. 321 с.
2. Боряк Е. Частная собственность как базовое условие становления гражданского общества в современной России. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. <https://www.dissercat.com/content/chastnaya-sobstvennost-kak-bazovoe-uslovie-stanovleniya-grazhdanskogo-obshchestva-v-sovremen>
3. Скрыль С.М. Частная собственность как основа гражданского общества. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2009;(28):102–106. <https://www.elibrary.ru/kwycbp>
4. Туманова А.С. Концепции гражданского общества западных обществоведов XX века. *Гражданское общество в России и за рубежом*. 2013;(1):10–15. https://www.hse.ru/data/2013/04/12/1297239305/GO-1_2013_10_16.pdf
5. Кулакова Н.Н. Социальная роль и специфика военных ветеранских общественных организаций в политическом пространстве Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(3):25–30. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-25-30>
6. Радиков И.В. Гражданское единство россиян как фактор упрочения национальной безопасности. 2024;20(1):122–137. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. DOI: 10.21638/spbu23.2024.111
7. Казаков А., Сухачева К. Национальная идея как основа формирования гражданского общества в России. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2022;24(1):99–108. DOI:10.24866/1813-3274/2022-1/99-108
8. Ильин В.А., Морев М.В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022;15(5):9–32. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.1

REFERENCES

1. Legal foundations for the formation of civil society in modern Russia. Collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian scientific and practical round table. In: Malko A. V., Strus ., K.A.. eds. Pyatigorsk-Saratov-Moscow: RIA KVM; 2010. 321 p. (In Russ.).
2. Boryak E. Chastnaya sobstvennost' kak bazovoe uslovie stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v sovremennoj Rossii. Nauchnaya biblioteka dissertacij i avtoreferatov disserCat. (In Russ.). <https://www.dissercat.com/content/chastnaya-sobstvennost-kak-bazovoe-uslovie-stanovleniya-grazhdanskogo-obshchestva-v-sovremen>
3. Skryl S. M. Private property as basis of civil society. *Bulletin of the South Ural State University*. 2009;(28):102–106. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/kwycbp>
4. Tumanova A. S. Concepts of the civil society of Western sociologists of the 20-th century. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*. 2013;(1):10–15. (In Russ.). https://www.hse.ru/data/2013/04/12/1297239305/GO-1_2013_10_16.pdf
5. Kulakova N. Social role and specificity of military veteran public organizations in the political space of the Russian Federation. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(3):25–30. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-25-30
6. Radikov I. V. Civil unity of Russians as a factor in strengthening national security. *Political Expertise: POLITEX*. 2024;20(1):122–137. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu23.2024.111
7. Kazakov A. Sukhacheva K. National idea as a basis for the formation of civil society in Russia. 2022;24(1):99–108. (In Russ.). DOI:10.24866/1813-3274/2022-1/99-108
8. Ilyin V. A., Morev M. V. Special military operation reveals new features of civil society. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2022;15(5):9–32. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Нина Николаевна Кулакова — кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Nina N. Kulakova — Cand.Sci.(Political), Assoc. Prof., Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6776-6084>

nnkulakova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.08.2024; принята к публикации 27.02.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 01.08.2024; accepted for publication on 27.02.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-121-134
УДК 378.147:81'243(045)

Роль педагога в развитии интегрированной предметно-языковой компетентности будущего выпускника неязыкового вуза

Н.Г. Кондрахина, Н.Е. Южакова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В рамках данной статьи рассматривается предметно-языковая компетентность будущего выпускника неязыкового вуза как фактор эффективности иноязычного обучения. В изменяющихся условиях реальности, которая все больше характеризуется неоправданностью, неустойчивостью, обращается внимание на роль предметно-языковой компетентности будущего выпускника неязыкового вуза, ее место в русле профессионально значимых качеств студентов. В ходе проведенного экспериментального исследования и статистического анализа данных делается вывод о том, что для эффективности учебной деятельности развитие данного параметра является необходимым условием. Анализ экспериментальных данных свидетельствует о значимой динамике развития позитивного отношения студентов к деятельности нравственно-эстетического характера. На момент начала обучения экспериментальная группа выполняла предложенные задания нейтрально, без интереса, не проявляя инициативы. В своем итоговом анкетировании большинство студентов выразило желание изучать культуру и традиции своей и других стран дальше, а также обсуждать и решать проблемы морального выбора, с которыми сталкиваются молодые люди. Результаты опытно-экспериментальной работы подтвердили эффективность разработанной технологии, нацеленной на нравственно-эстетическое воспитание студентов.

Ключевые слова: предметно-языковая компетентность; иноязычное обучение; эффективность иноязычного обучения; неязыковой вуз

Для цитирования: Кондрахина Н.Г., Южакова Н.Е. Роль педагога в развитии интегрированной предметно-языковой компетентности будущего выпускника неязыкового вуза. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):121-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-121-134

ORIGINAL PAPER

The Role of a Teacher in the Development of Integrated Subject-Language Competence of a Future Graduate of a Non-Linguistic University

N.G. Kondrakhina, N.E. Yuzhakova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Within the framework of this article, the subject-language competence of a future graduate of a non-linguistic university is considered as a factor of the effectiveness of foreign language education. In the changing conditions of reality, which is increasingly characterized by unjustifiability, instability, attention is drawn to the role of subject-language competence of a future graduate of a non-linguistic university, its place in line with professionally significant qualities of students. In the conducted experimental research and statistical analysis of the data, it is concluded that the development of this parameter is a necessary condition for the effectiveness of educational activities. The analysis of experimental data indicates significant dynamics in the development of a positive attitude of students to activities of a moral and aesthetic nature. At the beginning of the training, the experimental group performed the proposed tasks neutrally, without interest, without showing initiative. In their final survey, most of the students expressed a desire to study the culture and traditions of their own and other countries further, as well as to discuss and solve the problems of moral choice faced by adolescents. The results of experimental work confirmed the effectiveness of the developed technology aimed at the moral and aesthetic education of students.

Keywords: subject-language competence; foreign language education; effectiveness of foreign language education; non-linguistic university

For citation: Kondrakhina N.G., Yuzhakova N.E. The role of a teacher in the development of integrated subject-language competence of a future graduate of a non-linguistic university. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):121-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-121-134

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования подтверждается требованиями ФГОС как на уровне основного, так и высшего образования. Эти требования, касающиеся личностных, метапредметных и предметных результатов изучения иностранного языка, вступают в противоречие с использованием современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в языковом образовании студентов неязыковых вузов.

Главным направлением нравственно-эстетического воспитания студентов, согласно исследовательским работам ученых, является привитие обучающимся гуманистических идеалов педагогическими средствами воздействия на мотивы деятельности и чувственную сторону личности обучающихся.

Решение этих задач в современной педагогике основано на гуманистическом, личностно-деятельностном, аксиологическом и коммуникативно-когнитивном подходах [1].

Результатом проведенной работы является сформированность понятия «нравственно-эстетическое воспитание студентов». Оно определено как процесс целенаправленного взаимодействия педагога и студентов с применением совокупности педагогических технологий и организационно-педагогических условий, направленный на развитие нравственного и эстетического потенциала личности в социокультурном пространстве и актуализацию самовоспитания.

Возможности иностранного языка в процессе нравственно-эстетического воспитания студентов посредством ИКТ проявляются в развитии студентов как субъектов родной и иноязычной культур; вступлении преподавателя иностранного языка в роль носителя и передатчика нравственных и эстетических ценностей различных культур и народов; проведении нетрадиционных форм урока; реализации нравственно-эстетического компонента в тренировочных упражнениях; индивидуализации ценностного развития; мониторинге за выполнением задач нравственно-эстетического воспитания.

Целью статьи выступает комплексный анализ проблемы роли педагога в развитии интегриро-

ванной предметно-языковой компетентности будущего выпускника неязыкового вуза.

Для достижения данной цели были решены следующие задачи:

- изучить особенности и структуру интегрированной предметно-языковой компетентности будущего выпускника неязыкового вуза;
- провести экспериментальное исследование формирования интегрированной предметно-языковой компетентности будущего выпускника неязыкового вуза;
- рассмотреть роль педагога в развитии интегрированной предметно-языковой компетентности будущего выпускника неязыкового вуза.

Научная новизна статьи определяется комплексным исследованием проблематики развития предметно-языковой компетентности будущего выпускника неязыкового вуза как фактора эффективности иноязычного обучения в неязыковом вузе.

Теоретическая значимость статьи состоит в актуализации проблематики развития предметно-языковой компетентности будущего выпускника неязыкового вуза

Практическая значимость исследования обозначена в возможностях использования полученных результатов при разработке модели развития предметно-языковой компетентности будущего выпускника неязыкового вуза.

МЕТОДЫ

Для эмпирической проверки уровня сформированности интегрированной предметно-языковой компетентности (ИПЯК) будущего выпускника неязыкового вуза была проведена проверка процесса интеграции иностранного языка и профессиональных дисциплин, который включает в себя определенные стадии, а также установку критериев и показателей сформированности иноязычных предметно-ориентированных знаний и умений.

Эксперимент проводился в три этапа с 2021 по 2023 год. В экспериментальной части исследования участвовали студенты первых, вторых и третьих курсов Финуниверситета.

В общей сложности в эксперименте приняло участие 94 человека, в экспериментальной груп-

пе — 47 человек, контрольная группа насчитывала также 47 человек.

В данном исследовании под эмпирической проверкой понимается процесс, позволяющий доказать или опровергнуть правильность нашей гипотезы в рамках педагогического эксперимента.

Был выявлен сравнительно невысокий уровень владения английским языком в контексте нейтральных тем у некоторых студентов, что позволяет предположить недостаточный его уровень в академическом и профессиональном направлениях. Для оценки данных параметров будет применена экспертная оценка компонентов ИПЯК студентов.

Это диктует необходимость использования элементов технологии *Content and language integrated learning* (предметно-языковое интегрированное обучение), которая требует особых способностей от педагогов, например, на порядок более высокого ИПЯК педагогов, эффективности педагогической деятельности в вузе.

Для анализа данных параметров была реализована комплексная психодиагностика педагогического коллектива.

Использованные методики приведены к единой шкале измерений от 1 до 100, где 1–35 — низкий уровень, 35–70 — средний уровень, 70–100 — высокий уровень.

Диагностируемые параметры в совокупности представляют факторы, которые обуславливают эффективность педагогической деятельности в вузе и дифференцируются на:

- личностный аспект;
- эмоционально-волевой аспект;
- подготовленность к педагогической деятельности [2].

По результатам факторного анализа данные параметры объясняют 94% дисперсии общего массива, где сформированность ИПЯК педагога объясняет 56,8%, а факторы эффективности педагогической деятельности — 37,2%.

Факторы эффективности педагогической деятельности (ФЭПД) представляют собой совокупность с разветвленными и глубокими интеркорреляциями, что позволяет рассматривать ФЭПД как отдельную совокупность.

Важно отметить, что ИПЯК педагога представляют собой основной фактор, ФЭПД — вторичный, однако кластерный анализ указывает на примерно тождественную плотность данных совокупностей, исходя из чего можно сделать

вывод: несмотря на меньшую силу влияния на развитие ИПЯК студентов, ФЭПД — крайне важная совокупность в контексте их развития.

Тем самым констатируется, что для развития ИПЯК студентов именно сформированность ИПЯК педагогов является наиболее значимым фактором, что подтверждается статистически. Более детально данная тенденция будет рассмотрена позднее.

На *рис. 1* продемонстрировано распределение педагогов по уровню развития всех диагностируемых параметров ФЭПД.

Распределение испытуемых позволяет сделать вывод о том, что для оптимизации их деятельности, как индивидуальной, так и групповой, требуется, прежде всего, оптимизация организации их педагогической деятельности, максимизация знаний о формировании ИПЯК и профессиональной специфике иноязычных компетенций, развиваемых у студентов [1].

Для того чтобы определить направление совершенствования деятельности педагогического коллектива в вузе по развитию ИПЯК студентов и алгоритм действий в данном направлении, был проведен корреляционный анализ данных (критерий Андерсона). Результаты корреляционного анализа представлены в *табл. 1*.

Анализ данных, представленных в *табл. 1*, позволяет констатировать, что наибольшее влияние на состояние и развитие ИПЯК оказывают параметры, которые обуславливают степень стремления педагога к самореализации и профессиональному развитию, индивидуальную и групповую мотивацию к данной деятельности, степень эмоциональной устойчивости и стрессоустойчивости.

При этом такие параметры, которые представляют собой ключевые компетенции педагога, такие как самоконтроль в общении, эмпатия и толерантность, оказывают существенно меньшее влияние на развитие ИПЯК студентов [3] (*табл. 2*).

Далее рассмотрим степень влияния развития ИПЯК педагогов на состояние изменений динамики развития ИПЯК студентов.

Данные представлены в *табл. 3*, на основании корреляционного анализа по критерию Краскела — Уоллиса.

Анализ данных, представленных в *табл. 3*, позволяет сделать заключение о том, что уровень сформированности ИПЯК педагогов оказывает фундаментальное влияние на состояние и ди-

намику изменений ИПЯК студентов, при этом условием эффективного развития ИПЯК студентов является высокий уровень сформированности ИПЯК педагогов.

Важно отметить, что средний уровень сформированности ИПЯК педагогов существенно снижает эффективность деятельности по развитию ИПЯК студентов, в то время как низкий уровень

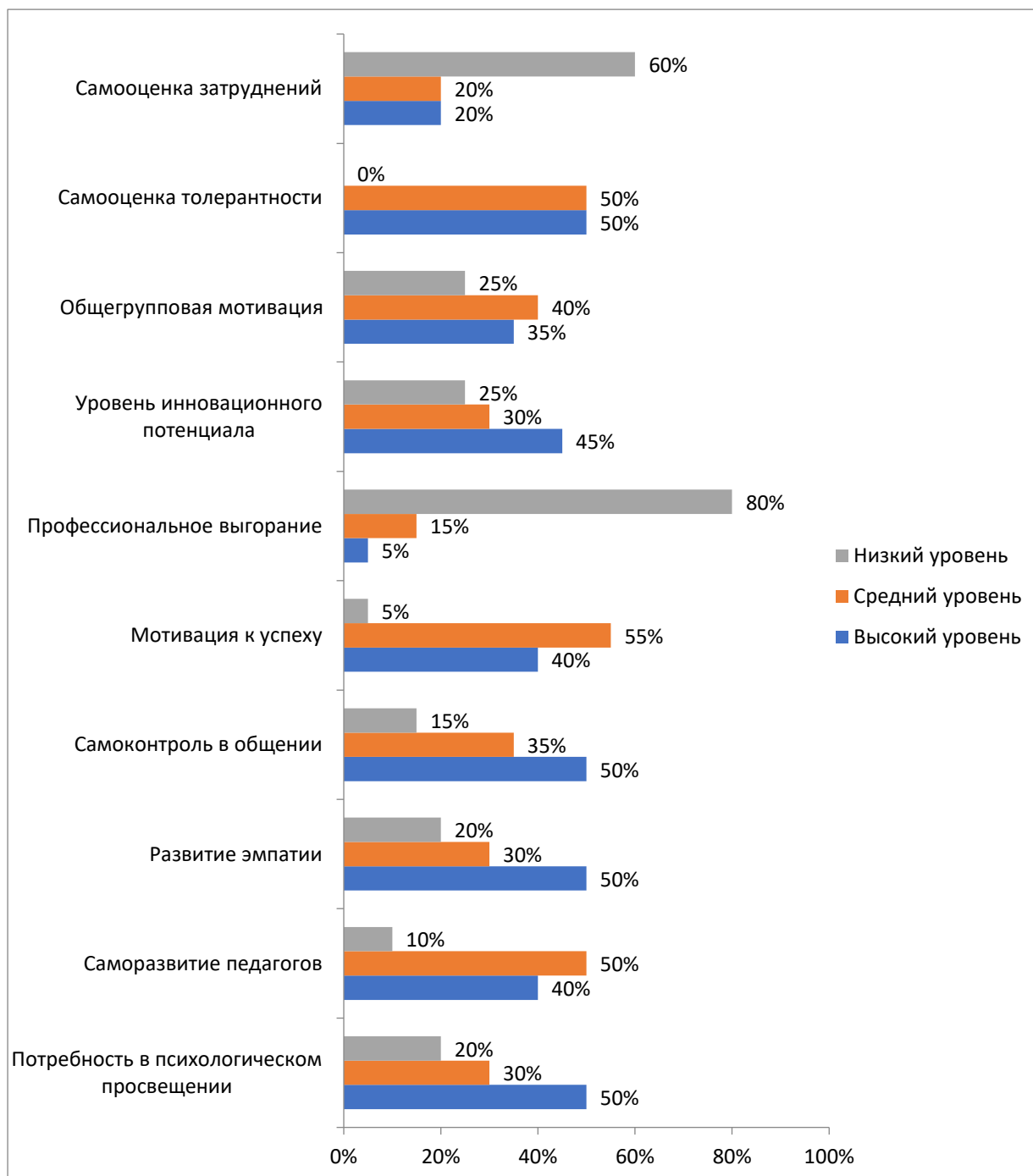

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение педагогов по результатам комплексной психодиагностики ФЭПД на констатирующем этапе исследования / The distribution of teachers according to the results of complex psychodiagnostics of FEPA at the ascertaining stage of the study.

Источник / Source: составлено авторами / complied by the authors.

влияет на данный процесс неблагоприятно [4]. Можно сделать вывод о том, что для того чтобы оптимизировать развитие ИПЯК студентов, педагогическому коллективу в вузе необходимо организовать профессиональное развитие и саморазвитие педагогов, создать условия для максимального проявления ими своего потенциала, способствовать развитию их профессионализма.

Проверка эффективности разработанной технологии формирования нравственно-эстетических качеств студентов на уроках английского языка была проведена нами в процессе опытно-экспериментальной работы в согласии с теоретическими положениями данного исследовательского метода [5].

Для подтверждения гипотезы опытно-экспериментальной работы об эффективности применения разработанной технологии нравственно-эстетического воспитания студентов соблюдались следующие обязательные условия:

- наличие для участия в опытно-экспериментальной работе достаточного количества участников в экспериментальных группах;
- регистрация результатов двух экспериментальных срезов (предэкспериментального и постэкспериментального) для контроля динамики в развитии нравственно-эстетического потенциала личности;
- подборка корректных статистических методов обработки данных опытно-экспериментальной работы.

Процесс исследования предполагал выяснить, насколько эффективно разработанная технология способствует формированию гражданских, личностных и эстетических ценностей студентов.

Экспериментальной базой исследования стали группы студентов Финуниверситета. Опытно-экспериментальная работа была проведена в рамках курса иностранного языка. Общее количество студентов, принявших участие в опытно-экспериментальной работе, составило 94 человека.

Анализ динамики наблюдаемых изменений проводился в трех экспериментальных группах и трех контрольных, при этом сравнивались уровни сформированности знаний, умений и качеств одних и тех же участников в начале и конце обучения [2,5]. Контроль за процессом развития нравственно-эстетических качеств осуществлялся на базе ответов студентов в электронном языковом портфеле, выполненных творческих заданий, презентаций.

Критерием оценки эффективности работы примененной технологии являлась сформированность нравственно-эстетической воспитанности студентов в условиях иноязычного образования. В ходе опытно-экспериментальной работы применялись количественные (анкетирование, опрос) и качественные методы исследования: анализ результатов деятельности студентов, педагогическое наблюдение за студентами, беседа, интерпретация социально-полезной деятельности.

Педагогическое наблюдение, с фиксацией данных и интерпретацией социально-полезной деятельности, включало наблюдение за такими проявлениями нравственно-эстетической направленности, как внешний вид обучающегося, его аудиторное и внеаудиторное поведение, участие в художественно-эстетической деятельности, проявление самостоятельности. При анализе результатов экспериментального обучения для более точной их оценки и описания выводов применялась частная методика Л.В. Байбородовой [2].

Комплексное использование представленных методов исследования позволило оценить степень сформированности нравственно-эстетических качеств студентов после окончания периода экспериментального обучения. Процесс опытно-экспериментальной работы содержал четыре этапа: подготовительный, диагностирующий, формирующий и контрольный. Для получения статистической верности данных обобщенные результаты опытно-экспериментальной работы были обработаны программой Microsoft Excel по критерию t-Стьюдента. Целью обработки являлось оценивание различий средних величин двух выборок.

Подготовительный этап состоял из постановки цели опытно-экспериментальной работы, формулировки гипотезы, выборки экспериментальных групп студентов, подготовки учебно-методического материала.

Диагностирующий этап опытно-экспериментальной работы проводился в первой половине сентября в 2021–2023 гг. и включал в себя проведение предэкспериментального среза, анализ и обработку результатов среза, формулировку выводов. Задачей этого этапа являлось определение уровня сформированности нравственно-эстетических ценностей студентов.

Срез проводился в контрольной группе с применением данных анкетирования, наблюдения и электронного языкового портфолио. Для опре-

деления личностных ценностей было проведено анкетирование на выявление преобладающих мотивов к деятельности по методике Л. В. Байбородовой [2]. Большинство студентов контрольной и экспериментальных групп называли преобладающими мотивами к деятельности личност-

ные — 46%, коллективные мотивы руководили 30% студентов, престижность поступков выбрали 24% студентов.

Наблюдения за общественной активностью студентов, имеющей нравственную направленность (по методике Е. Н. Степанова), дали нам

Таблица 1 / Table 1

**Корреляционный анализ взаимосвязей ФЭПД педагогов и ИПЯК студентов /
Correlation analysis of the interrelationships of teachers' FEPA and students' ISLC**

Параметр	Сформированность ИПЯК студентов	Динамика изменений сформированности ИПЯК студентов
Потребность в психологическом просвещении»	0,72	0,77
Способность к саморазвитию	0,75	0,81
Самоконтроль в общении	0,68	0,64
Способность к эмпатии	0,71	0,67
Уровень профессионального выгорания	-0,88	-0,83
Самооценка толерантности личности	0,80	0,69
Мотивация к групповой деятельности	0,89	0,92
Мотивация к успеху	0,76	0,71
Уровень эмоционального выгорания	-0,86	-0,84
Оценка инновационного потенциала педагога	0,77	0,69
Оценка готовности к педагогической деятельности	0,81	0,88

Источник / Source: составлено авторами / complied by the authors.

Примечание / Note: Коэффициент корреляции / Correlation coefficient: $p \leq 0,05$.

Таблица 2 / Table 2

**Корреляционный анализ взаимосвязей аспектов ФЭПД и ИПЯК студентов /
Correlation analysis of the interrelationships of the aspects of the FEPA and the ISLC of students**

Параметр	Сформированность ИПЯК студентов	Динамика изменений сформированности ИПЯК студентов
Личностный аспект	0,70	0,73
Эмоционально-волевой аспект	0,71	0,88
Подготовленность к профессиональной деятельности	0,75	0,81

Источник / Source: составлено авторами / complied by the authors.

Примечание / Note: Коэффициент корреляции / Correlation coefficient: $p \leq 0,05$.

Таблица 3 / Table 3

Корреляционный анализ влияния ИПЯК педагогов на состояние и динамику изменений ИПЯК студентов / Correlation analysis of the influence of teachers' ISLC on the state and dynamics of changes in students' ISLC

Сформированность ИПЯК педагогов	Сформированность ИПЯК студентов	Динамика изменений сформированности ИПЯК студентов
Высокий уровень	0,79	0,88
Средний уровень	0,70	-0,62
Низкий уровень	-0,77	-0,83

Источник / Source: составлено авторами / complied by the authors.

Примечание / Note: Коэффициент корреляции / Correlation coefficient: $p \leq 0,05$.

основание судить о сформированности гражданских ценностей студентов. С целью определения степени сформированности эстетических ценностей студентов в электронное портфолио были включены задания на знание истории и культуры, национальных традиций и экологических проблем. Студенту предлагалась возможность представить себя в роли гида в городе и определить, насколько обширны его знания в этих областях. Студенты сами определяли, насколько хорошо они знают исторические и культурные места города и его окрестностей [3].

Выбирая один из предложенных ответов, они определяли уровень своих краеведческих, исторических и культурных знаний. За полную осведомленность в вопросе студенты получали 1 балл, за частичное знание — 0,5 балла и за незнание — 0 баллов. В табл. 1 представлены

результаты анализа данных предэкспериментального среза в контрольных и экспериментальных группах. Числовой коэффициент, показывающий ту или иную переменную, был взят из процентного отношения к максимальному проценту сформированности проверяемого качества, который составил 15 (100%).

Результаты предэкспериментального среза показывают незначительное различие в уровне сформированности личностных, гражданских и эстетических ценностей в экспериментальных и контрольных группах (табл. 4, рис. 2). Анализ тестов, разработанных нами в рамках диагностирующего этапа, показал, что у всех студентов имеется определенная база эстетических представлений, однако большинство из них не готовы к кросскультурному обмену в области искусства и культуры, экономики и финансов

Таблица 4 / Table 4

Результаты анализа данных предэкспериментального среза в контрольных и экспериментальных группах / The results of the analysis of the data of the pre-experimental section in the control and experimental groups

Группа	Число студентов	t- критерий Стьюдента		
		Личностные ценности	Гражданские ценности	Эстетические ценности
Контрольные группы	47	6,97	5,71	4,19
Экспериментальные группы	47	7,1	5,55	3,85
p-значение	—	> 0,05	> 0,05	> 0,05

Источник / Source: составлено авторами / complied by the authors.

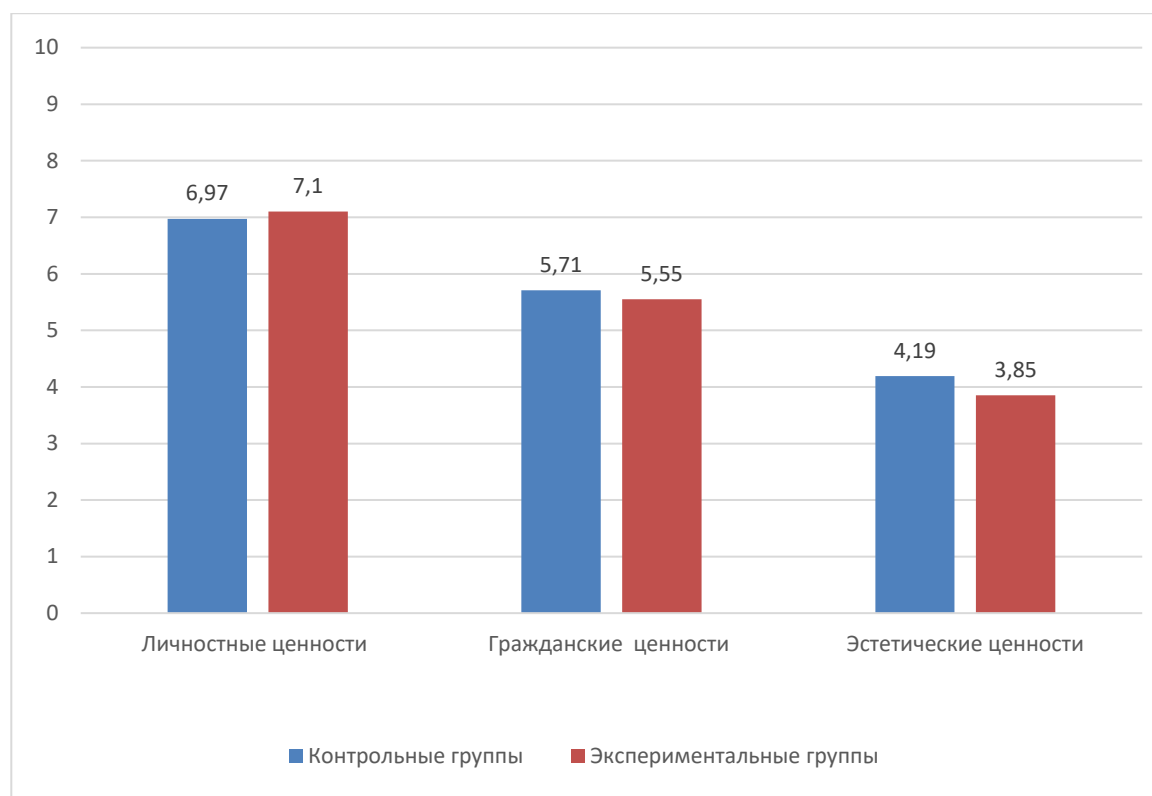

Рис. 2 / Fig. 2. Результаты контрольного среза контрольных и экспериментальных групп /
The results of the control section of the control and experimental groups

Источник / Source: составлено авторами / complied by the authors.

Таблица 5 / Table 5

Результаты анализа данных предэкспериментального и постэкспериментального срезов
в контрольных группах / The results of the analysis of data from pre-experimental and post-
experimental sections in control groups

Группа	Число студентов	t- критерий Стьюдента		
		Личностные ценности	Гражданские ценности	Эстетические ценности
Предэкспериментальный срез	47	6,97	5,71	4,19
Постэкспериментальный срез	47	7,00	6,41	7,5
p-значение	—	> 0,05	> 0,05	≤ 0,05

Источник / Source: составлено авторами / complied by the authors.

в связи с недостаточной осведомленностью в этих областях.

Анализ также показал, что студенты не обращают должного внимания на эстетические аспекты окружающего мира, 80% студентов интересуются больше парками развлечений и кафе, галереями и выставками.

У многих студентов нет четко сформированной гражданской позиции, многие не могут объяснить, что такое чувство долга, в чем проявляется патриотизм, почему трудовая деятельность должна идти на благо общества. Личностные качества студентов ярко выражены в желании помочь своим друзьям и товарищам.

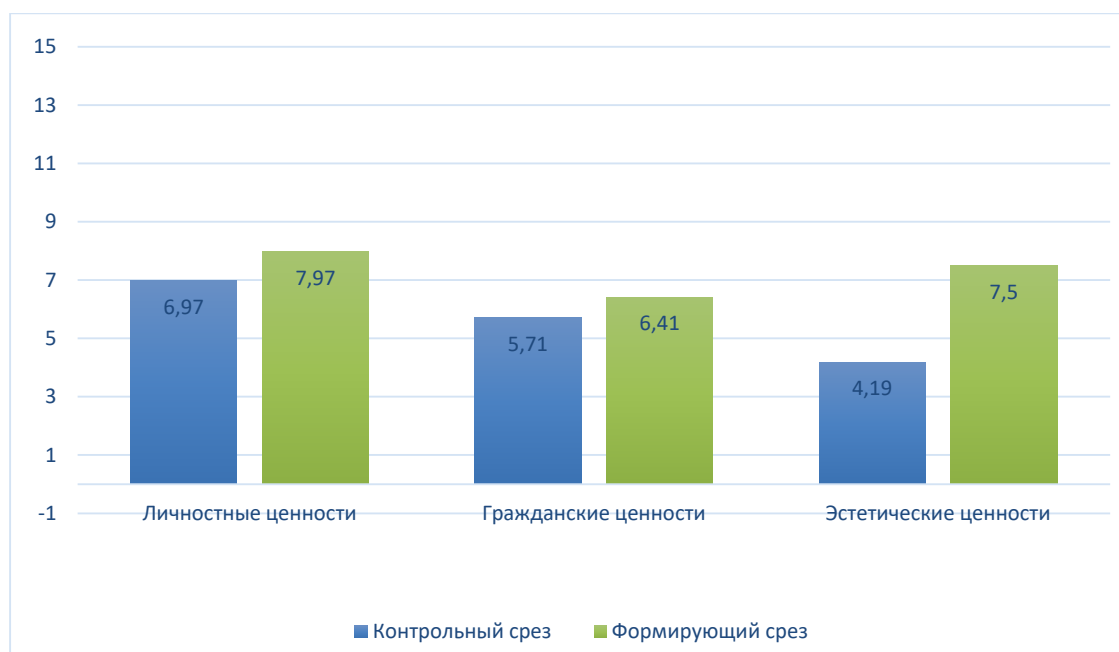

Рис. 3 / Fig. 3. Результаты предэкспериментального и постэкспериментального срезов в контрольных группах / The results of pre-experimental and post-experimental sections in the control groups

Источник / Source: составлено авторами / complied by the authors.

Таблица 6 / Table 6

Результаты анализа данных постэкспериментального среза в контрольных и экспериментальных группах / The results of the analysis of postexperimental cross-section data in the control and experimental groups

Группа	Число студентов	t-критерий Стьюдента		
		Личностные ценности	Гражданские ценности	Эстетические ценности
Контрольные группы	47	7,00	6,41	7,5
Экспериментальные группы	47	10,1	9,41	11,5
p-значение	—	≤ 0,05	≤ 0,05	≤ 0,05

Источник / Source: составлено авторами / complied by the authors.

Устная беседа показала, что обучающиеся проявили интерес к работе с информационно-коммуникационными средствами. У всех студентов экспериментальных групп была возможность выхода в интернет, а также они располагали оборудованием для работы в СДО Moodle¹.

¹ URL: <https://moodle.org>

Учитывая результаты предэкспериментального среза студентов, направленных на выявление уровня сформированности нравственных и эстетических качеств, были определены содержание и структура формирующего этапа.

Формирующий этап исследования составило непосредственно экспериментальное обучение,

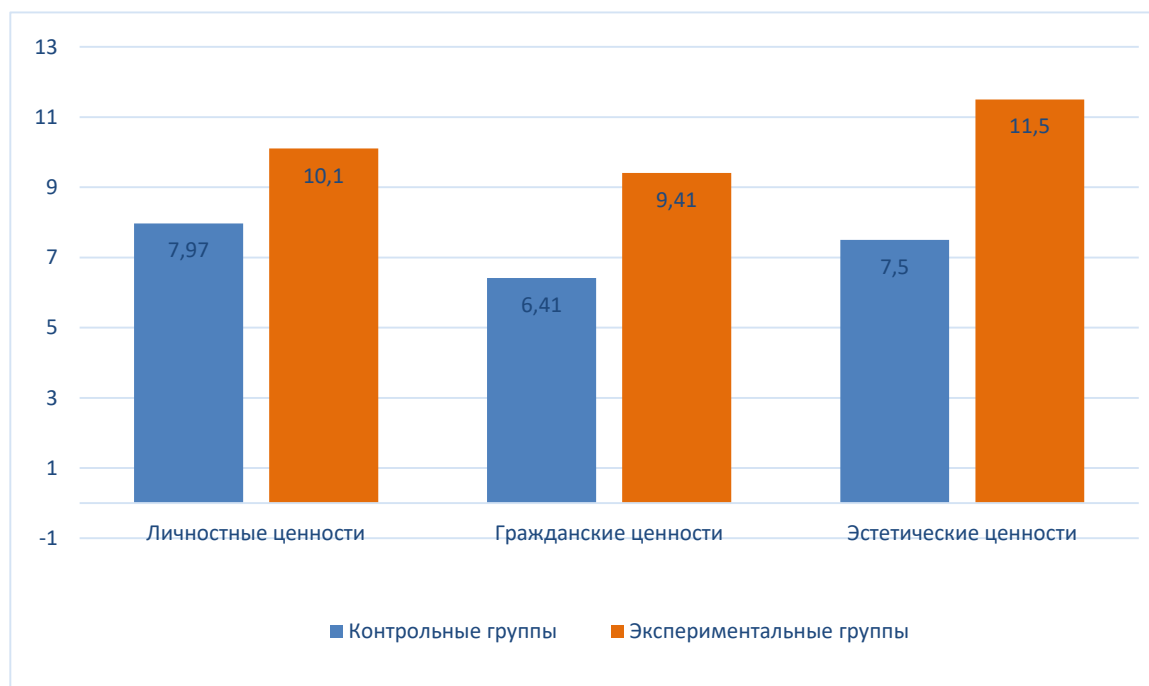

Рис. 4. / Fig. 4. Результаты постэкспериментального среза в экспериментальных и контрольных группах /
The results of the postexperimental cross-section in the experimental and control groups

Источник / Source: составлено авторами / complied by the authors.

последовавшее после диагностики студентов со второй половины сентября по апрель в 2021–2023 гг. Этап заключался в экспериментальном обучении в соответствии с разработанной технологией, во время него проводились: систематические регистрация и контроль результатов, промежуточные срезы, корректировка и уточнение деталей разработанной технологии.

Его цель заключалась в апробации разработанной технологии нравственно-эстетического воспитания студентов в условиях иноязычного образования. На данном этапе были реализованы сценарии уроков, внедрен комплекс заданий и упражнений на формирование нравственно-эстетической воспитанности, а в качестве промежуточной оценки и самооценки проделанной обучающимися работы был использован метод языкового портфолио.

В ходе экспериментального обучения предстояло проверить:

- а) рабочую гипотезу исследования;
- б) эффективность внедрения технологии нравственно-эстетического воспитания студентов в условиях иноязычного образования.

В контрольных группах была использована система заданий и упражнений по формированию

нравственно-эстетической воспитанности студентов, проводились внеклассные мероприятия, обучающиеся заполняли данные электронного портфолио на базе системы дистанционного обучения (СДО) Moodle.

Контрольный (оценочный) этап проводился в мае 2021, 2022 и 2023 гг. Основными задачами контрольного этапа являлись проведение постэкспериментального среза, обработка полученных результатов, определение эффективности использования разработанной технологии нравственно-эстетического воспитания студентов в условиях иноязычного образования, уровня сформированности гражданских, личностных и эстетических ценностей студентов первых, вторых и третьих курсов. Проведение среза осуществлялось по тем же методикам, что и проведение предэкспериментального среза.

В соответствии с данными, отраженными в табл. 4 и на рис. 2, можно сделать вывод, что в результате обучения по традиционной методике не выявлен значительный рост параметров развития нравственно-эстетических ценностей. Степень сформированности эстетических ценностей увеличилась до $4,19 + 3,31$, что в процентном отношении составляет 40%. Это говорит о продук-

Таблица 7 / Table 7

Результаты анализа данных постэкспериментального среза в контрольных и экспериментальных группах / The results of the analysis of postexperimental cross-section data in the control and experimental groups

Группа	Число студентов	t-критерий Стьюдента		
		Личностные ценности	Гражданские ценности	Эстетические ценности
КГ vs ЭГ	94	2,13	3	4
p-значение	—	≤ 0,05	≤ 0,05	≤ 0,05

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors

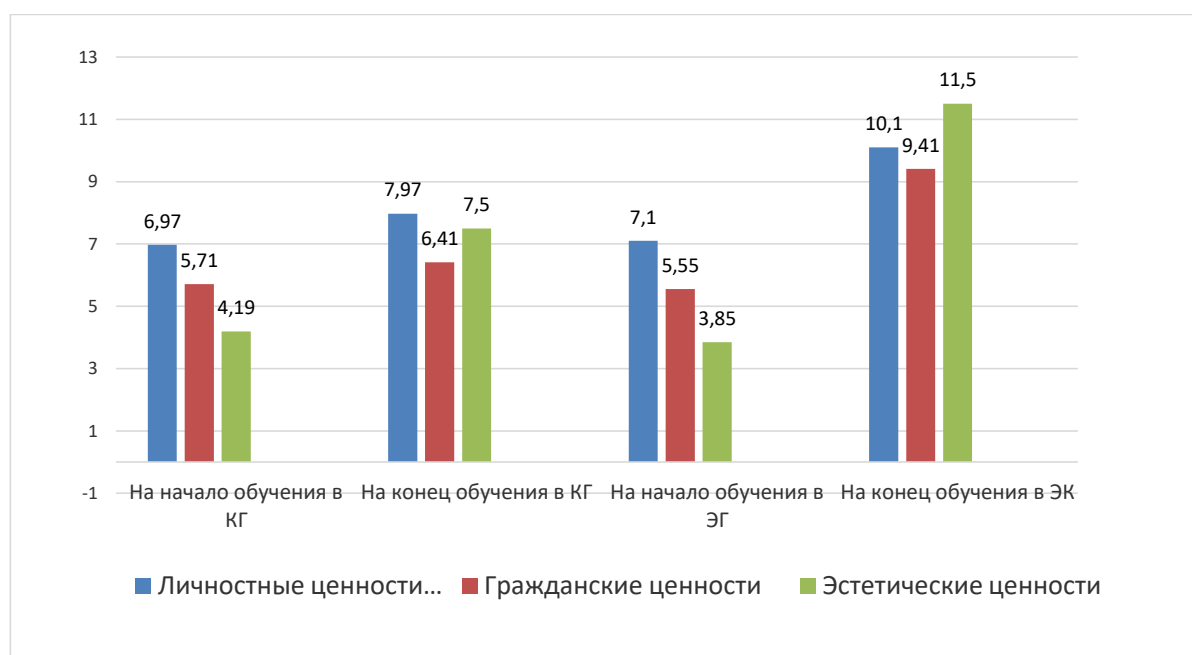

Рис. 5. / Fig 5. **Динамика развития ценностных качеств / Dynamics of the development of value qualities**

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

тивном развитии данного качества студентов при применении традиционного воспитания.

В табл. 5 показаны результаты анализа данных предэкспериментального и постэкспериментального срезов в экспериментальных группах. Сопоставительный анализ этих результатов представлен на рис. 3.

На основании зафиксированных данных можно сделать вывод, что в результате экспериментального обучения прослеживаются четкие изменения в сторону увеличения сравниваемых параметров развития личностных, гражданских и эстетических ценностей. Из табл. 6 видно, что увеличился уро-

вень сформированности личностных ценностей до 7,1 + 3, что в процентном отношении составляет 42%.

Студенты стали больше думать о моральной стороне своих поступков и показали ответственное отношение к выполнению заданий электронного курса, что было обусловлено используемой технологией воспитания. Также уровень развития гражданской ответственности, студентов увеличился до 5,55 + 3,86, что в процентном соотношении составляет 69%.

Прирост уровня сформированности эстетических ценностей составил 3,85 + 7,65, что в процентном отношении составляет 98,7%. Студенты

показали знание произведений искусства и отметили важность стремления к красоте и гармонии в учебе и повседневной жизни.

Результаты анализа данных постэкспериментального среза в контрольных и экспериментальных группах показывает *рис. 4*. Для получения статистической верности данных обобщенные результаты экспериментального обучения были обработаны программой Microsoft Excel по критерию t-Студента. Целью обработки являлось оценивание различий средних величин двух выборок.

Для определения эффективности работы предлагаемой технологии важность приобретает статистический анализ данных результатов постэкспериментального среза между контрольной и экспериментальными группами, представленными в *табл. 7*.

Сравнение проводилось по результатам двух срезов. Динамика развития формируемых качеств показана на *рис. 5*.

Анализ результатов постэкспериментального среза на момент завершения обучения показывает, что такие качества, как взаимопомощь, взаимоуважение, коммуникабельность, а также трудолюбие, характерны для большинства студентов. Резюмируя данные, взятые из электронного портфеля, мы можем сказать, что сами студенты полагают, что усиление работы, направленной на развитие нравственно-эстетических навыков, очень позитивно влияет на отношение студентов к учебе, мотивирует на самостоятельную работу и изучение культуры и искусства своей и иноязычных стран [6,7].

По мнению студентов:

It's amazing, that there is a course which helps me to enjoy to learn English and helps me to know more about history and culture of Russia and England.

I think, that lessons were very interesting, all tasks and texts made me think about my behavior and my attitude to my family and friends. I have known a lot about life of the young from other countries and their problems with study and friends, I think it helps me to become more friendly and patient².

² Пер. с англ. Замечательно, что есть курс, который помогает мне получать удовольствие от изучения английского языка и помогает мне больше узнать об истории и культуре России и Англии. Я думаю, что уроки были очень интересными, все задания и тексты заставили меня задуматься о своем поведении и отношении к своей семье и друзьям. Я много узнал о жизни молодежи из других стран и их проблемах с учебой и друзьями, думаю, это помогает мне стать более дружелюбным и терпеливым.

При этом студенты показали ответственное отношение к выполнению заданий дома и должное ведение электронного портфолио. В процессе работы над такими темами, как «Пример для подражания», «Что есть особенного в твоей стране?» студенты выявили много интересных фактов о своей культуре, попытались выяснить, что лучше всего может представить их страну, в которой они живут:

When I meet tourists from other countries, I will tell them about the Bolshoi

Theater and the history of Moscow railway road³.

На вопрос о том, какие ценности русского народа ты можешь назвать, студенты дали следующие ответы: sincerity, endurance, faith, persistence, strong friendship, compassion⁴.

ВЫВОДЫ

Анализ приведенных данных свидетельствует о динамике развития позитивного отношения студентов к деятельности нравственно-эстетического характера. На момент начала обучения экспериментальная группа выполняла предложенные задания нейтрально, без интереса, не проявляя инициативы. Студенты пассивно и неохотно участвовали в обсуждениях и не проявляли инициативу в организации внеклассных мероприятий, но по завершении экспериментального обучения участники экспериментальных групп были положительно настроены на обсуждение нравственной проблематики, гражданских обязанностей, тем искусства и культуры [4,7]. Они выразили явное желание продолжить творческую деятельность, интегрированную с предметами других областей знания, им понравилось работать с электронными образовательными ресурсами и делиться с одноклассниками найденным материалом. В своем итоговом анкетировании большинство студентов выразило желание изучать культуру и традиции своей и других стран дальше, а также обсуждать и решать проблемы морального выбора, с которыми сталкиваются молодые люди.

Итак, результаты опытно-экспериментальной работы подтвердили эффективность разработанной технологии, нацеленной на нравственно-эстетическое воспитание студентов, и полностью подтвердили выдвинутую гипотезу исследования.

³ Пер. с англ. Когда я встречаюсь с туристами из других стран, я обязательно рассказываю им о Большом театре и истории Московской железной дороги.

⁴ Пер. с англ. Искренность, выносливость, вера, настойчивость, крепкая дружба, сострадание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Минеева О.А., Клопова Ю.В., Борщевская Ю.М. Организация и проведение текущего контроля при обучении иностранному языку с помощью LMS MOODLE. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017;1–2(67):210–211. <https://elibrary.ru/xiiiooh>
2. Байбородова Л.В., Жедунова Л.Г., Ковальчук М.А., Посысоев О.Н., Рожков М.И. Профессиональное и личностное самоопределение детей-сирот. Ярославль; 1999. 67 с.
3. Шаломова Е.В. Нравственное воспитание как важное условие превенции аддиктивного поведения подростков. *Мир науки, культуры, образования*. 2018;(3):154–157.
4. Афанасьев А.Н., Куклев В.А., Егорова Т.М., Воеводин Е.Ю., Бочков С.И. Расширение интерактивных возможностей электронного обучения на основе СДО MOODLE: поиски и решения. *Дистанционное и виртуальное обучение*. 2016;7(109):8–12. <https://elibrary.ru/wfnyev>
5. Щепилова А.В. Тактика реализации межкультурного подхода: цели, документы, практика. В: Тарева Е.Г., Викулова Л.Г., ред. Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы Первой международной конференции. Москва: Языки народов мира; 2016:605–610. <https://elibrary.ru/xqmwwt>
6. Майборода С.В. Коммуникативно-когнитивный подход в обучении связной речи иностранных студентов-медиков. *Педагогика высшей школы*. 2016;(1):66–68. <https://elibrary.ru/vpvafh>
7. Мощинская Н.В. Методический аспект применения визуальных средств в системе формирования культурологической компетенции. *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*. 2016;(5):1925–1929. <https://elibrary.ru/xxdmpn>

REFERENCES

1. Mineeva O.A., Klopova Y.V., Borshchevskaya Y.M. Organization and implementation of current control in foreign language teaching using LMS MOODLE. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2017;1–2(67):210–211. (In Russ.). <https://elibrary.ru/xiiiooh>
2. Baiborodova L.V., Zhedunova L.G., Kovalchuk M.A., Posysoyev O.N., Rozhkov M.I. Professional and personal self-determination of orphans. Yaroslavl; 1999. 67 p. (In Russ.).
3. Shalomova E.V. Moral education as an important condition for preventing addictive behavior in adolescents. *World of Science, Culture, and Education*. 2018;(3):154–157. (In Russ.).
4. Afanasyev A.N., Kuklev V.A., Egorova T.M., Voevodin E.Y., Bochkov S.I. Expanding interactive capabilities of e-learning based on MOODLE LMS: Searches and solutions. *Distance and Virtual Learning*. 2016;7(109):8–12. (In Russ.). <https://elibrary.ru/wfnyev>
5. Shchepilova A.V. Tactics of implementing a cross-cultural approach: Goals, documents, practice. In: Tareva E.G., Vikulova L.G., editors. *Dialogue of Cultures. Culture of Dialogue: In Search of Advanced Socio-Humanitarian Practices. Proceedings of the I International Conference*. Moscow: Languages of the Peoples of the World; 2016:605–610. (In Russ.). <https://elibrary.ru/xqmwwt>
6. Maiboroda S.V. Communicative-cognitive approach in teaching coherent speech to foreign medical students. *Higher School Pedagogy*. 2016;(1):66–68. (In Russ.). <https://elibrary.ru/vpvafh>
7. Moshchinskaya N.V. Methodological aspect of using visual aids in the system of forming cultural competence. *Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia*. 2016;(5):1925–1929. (In Russ.). <https://elibrary.ru/xxdmpn>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Наталья Геннадиевна Кондрахина — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Natalya G. Kondrakhina — Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Prof. of the Department of the English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3299-2617>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

nkondrakhina@fa.ru

Нина Евгеньевна Южакова — старший преподаватель, кафедра английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Nina E. Yuzhakova — Senior Lecturer of the Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3683-7166>

NYuzhakova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.12.2024; принята к публикации 27.02.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 29.12.2024; accepted for publication on 27.02.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-135-148
УДК 316.334.2(045)

Модели социальных агентов в современном управленческом поле

К.Э. Гусейнова

Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья является постановочной и призвана найти теоретико-методологические основания для выявления и анализа унифицированных факторов, способствующих организации эффективного коммуникативного пространства управления в регионах России. В статье представлена систематизация подходов к пониманию социального агента в социологии. Приведены словарные толкования терминов «агент» и «актор», которые в научной литературе часто являются взаимозаменяемыми понятиями. С помощью теоретического анализа работ зарубежных ученых были выделены три унифицированные модели интерпретации социального агента (индивидуальный актер; коллективный актер (субъект); индивидуальный актер или коллективный субъект — промежуточный тип). Разработанная типология применяется для анализа современных агентов (практиков) управления, участвующих в разработке и реализации государственных стратегических программ (Стратегия научно-технологического развития, Национальные проекты и проч.). Описанные модели взаимодействия социальных агентов способствуют более глубокому пониманию механизмов формирования коммуникативного пространства управления, а также процессов унификации и разнообразия, лежащих в основе организации и формирования его структуры. Статья предлагает методологический подход к анализу свойств практиков современного поля управления. На основе качественного анализа официальных документов выявлены и унифицированы ключевые характеристики управленцев как социальных агентов, с помощью которых можно сделать предварительные выводы об их роли в процессах стратегического и пространственного развития России. Используемый методологический подход к анализу свойств социальных агентов позволит в дальнейшем оценить, в какую сторону будет направлен вектор региональной управленческой практики, будет ли он способствовать стандартизации управленческих стратегий на территории Российской Федерации. Авторы подчеркивают необходимость дальнейшего исследования региональных особенностей, в том числе социокультурных, для более полного понимания данной проблемы.

Ключевые слова: социальный агент; свойства социального агента; индивидуальный актер; коллективный субъект; унификация; коммуникативное пространство управления; национальные проекты; контент-анализ

Для цитирования: Гусейнова К.Э. Модели социальных агентов в современном управленческом поле. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):135-148. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-135-148

ORIGINAL PAPER

The Models of Social Agents in the Modern Management Field

K.E. Guseynova

Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is staged and designed to find theoretical and methodological grounds for identifying and analyzing unified factors that contribute to the organization of an effective communication management space in the regions of Russia. The article systematizes existing sociological approaches to the concept of the social agent. It provides dictionary definitions of terms “agent” and “actor”, which are often used interchangeably in academic literature. Through a theoretical analysis of works by international scientists there were identified three unified models of the social agent: the individual actor; the collective actor (subject); an intermediate type combining individual and collective aspects. This typology is applied to analyze contemporary managerial agents (practitioners) involved in the development and implementation of strategic

state programs (the Strategy for Scientific and Technological Development, National Projects, etc.). The described models of social agent interaction contribute to a deeper understanding of the mechanisms forming the communicative space of management, as well as processes of unification and diversification in organization and formation of its structure. This article proposes a methodological approach to analyzing the properties of practitioners in the contemporary field of management. Based on a qualitative analysis of official documents, key characteristics of managers as social agents have been identified and unified, allowing preliminary conclusions about their role in the processes of strategic and spatial development of Russia. This article's methodology for analyzing the properties of the social agents provides a foundation for future research assessing the potential standardization of management strategies across Russia. The authors emphasize the need for further research into regional characteristics, including sociocultural ones, for a more complete understanding of this issue.

Keywords: social agent; properties of a social agent; individual actor; collective subject; unification; communicative management space; national projects; content analysis

For citation: Guseynova K.E. The models of social agents in the modern management field. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):135-148. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-135-148

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество представляет собой насыщенное социальное пространство, функционирование которого зависит от множества факторов: исторических, культурных, экономических, политических и проч. Пространство становится коммуникативным тогда, когда его участники вступают во взаимодействие друг с другом. Будучи деятельностными субъектами, наделенными властью изменять окружающую их реальность, индивиды становятся социально активными личностями — агентами.

В условиях реализации проектов, направленных на масштабное развитие России по множеству направлений (Стратегия научно-технологического развития, Национальные проекты, Федеральные программы и проч.), возникает особая необходимость в построении эффективного коммуникативного пространства между государством и гражданским обществом, представленным различными группами (бизнесом, наукой, общественностью и проч.).

Разработка и реализация государственных программ подобного рода требует активного включения социальных агентов, т.е. заинтересованных участников, в практику решения управленческих задач. Отсутствие эффективного диалога между агентами, к числу которых авторы также относят и государственные структуры, может привести к низкой эффективности реализации программ и недоверию власти со стороны населения [1]. В этом заключается особая значимость социальных агентов в коммуникативном пространстве управления.

С позиции социологии управления термин «социальные агенты» может быть отождествлен с термином «субъекты управления», к числу которых в данной статье относятся: федеральные

органы власти, региональные органы власти, органы местного самоуправления, представители науки и образования, бизнеса, общественных организаций и проч. Включение перечисленных участников в процесс реализации национальных проектов способствует преобразованию социальной реальности, эффект от которой (как положительный, так и отрицательный) больше всего коснется жителей регионов.

В связи с этим особая значимость видится в решении вопросов, касающихся определения ключевой роли социальных агентов в процессе разработки и реализации государственных программ, а также степени их влияния на процесс принятия решений. Поиск научно обоснованного ответа на поставленные вопросы невозможен без выявления, анализа и типологии свойств социальных агентов.

В научной литературе термин «агент» часто отождествляют с понятием «актор». Так, например, в Большом толковом социологическом словаре оба эти термина означают «действующие социальные субъекты, а иногда также организации и институты»¹. Схожей позиции придерживался Н.И. Лапин в своей работе по анализу процессов инновационной деятельности. Он утверждал, что активным участником может быть конкретный человек, группа или целая организация, выполняющая те или иные функции. Таким образом, любой участник процесса обретает статус актора (агента)².

Существуют определения, которые четко разграничивают смысловое содержание данных

¹ Большой толковый социологический словарь. URL: [https://gufo.me/dict/social_dict/Агенты_\(акторы\)](https://gufo.me/dict/social_dict/Агенты_(акторы))

² Лапин Н.И., Карачаровский В.В. Теория и практика инноватики. Учебник для вузов. 2-е издание. Москва: Издательство Юрайт; 2019. 350 с.

понятий. В качестве примера можно привести такое понятие, как субъект трудовой деятельности, качественная трансформация которого привела к тому, что на смену актору — «исполнителю заданной социальной функции»³ пришел агент — субъект, провоцирующий социальные изменения»⁴.

Отечественный социолог В. А. Ядов считал, что агентом (субъектом трудовой деятельности) может быть как один человек, так и целая группа, оказывающая влияние или даже являясь источником социальных процессов. «В этом смысле он является рационально действующим, мотивированным и обладающим необходимыми ресурсами: знаниями и навыками для выполнения трудовых функций»⁵. Таким образом, основная разница между актором и агентом заключается в том, что первый исполняет заданную ему социальную роль или функцию, а второй является источником и трансформатором социальных процессов.

С другой стороны, в словаре под редакцией С. А. Кравченко агент определяется как «социально активная личность»⁶, в то время как актор является «активно действующим индивидом, способным влиять на социальные реалии, преобразовывая их», является «действующей личностью, способной к реализации той или иной власти»⁷. Приведенные словарные определения по сути своей являются противоположными и могут вызвать затруднения у ученого, стремящегося к терминологической определенности и чистоте использования конкретных понятий.

Для избежания смысловой путаницы в данной статье термины «агент» и «актор» будут рассматриваться как тождественные понятия.

К ВОПРОСУ О РАЗНООБРАЗИИ СОЦИАЛЬНЫХ АГЕНТОВ

В книге Джорджа Ритцера «Современные социологические теории» (2002) представлен анализ концепций, оказавших влияние на историческое становление социологии как научной дисциплины.

Автор делает особый акцент на различиях, которые наблюдаются в теоретических конструктах американских и европейских ученых XX в. Одним из оснований, которое он приводит в качестве примера, заключается в объяснении природы социального агента — вопрос, который, по словам автора, является камнем преткновения между западными учеными, занимающимися изучением вопроса структуры и действия. Так, агентом социальной жизни одни ученые видят индивидуального актора, вторые — коллективное образование, третьи занимают промежуточную позицию, утверждая, что социальным агентом могут быть либо те, либо другие [2].

На основании данной типологии авторами статьи был осуществлен анализ свойств коммуникативных социальных агентов, выявленных в теориях классиков социологии.

В научной литературе можно найти множество работ, в которых понятие «социальный агент» трактуется с точки зрения *индивидуального актора* (Г. Зиммель, П. Бурдьё, Э. Гидденс, Ю. Хабермас и др.). Например, Георг Зиммель рассматривал его в контексте взаимодействия внутри физически существующего социального пространства [3]. Каждый находящийся в нем объект, в силу своей материальной природы, обладает уникальными свойствами. Актор (или агент — в терминологии Зиммеля) является автономным субъектом, и его участие в объединении с другими является добровольным и основывается на схожести интересов. Осознанность подобного взаимодействия, а также желание достичь общих целей приводит к усилению коммуникации внутри пространства. Немаловажную роль в пространственной идентификации играют границы, социальная и физическая характеристика которых определяет дистанцию между акторами⁸ в зависимости от конкретной ситуации [4].

Основу структуралистско-конструктивистского подхода П. Бурдьё составляет анализ отдельных индивидов (акторов), существующих в том или ином социально сконструированном пространстве. В отличие от Зиммеля, ученый не настаивает на физической природе пространства. Позиция каждого актора определяется наличием капиталов различного типа, среди которых экономический считается наиболее значительным и власть

³ Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. В. А. Ядов, ред. Санкт-Петербург: Наука; 2006. 426 с.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Кравченко С. А. Социологический энциклопедический англо-русский словарь. Более 15 000 словарных статей М.: РУССО; 2002. 512 с.

⁷ Там же.

⁸ Ярская В. Н. и др. Пространство и время социальных изменений. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та; 2004. 280 с.

определяющим [5, 6], а также зависит от имеющихся ментальных структур и практик, посредством которых он взаимодействует в обществе. В представлении П. Бурдье нахождение актора в том или ином социальном пространстве, т.е. дистанция по отношению к другим участникам, обусловлена его готовностью к взаимодействию, а относительная свобода опосредована выбором стратегии для достижения конкретных целей [7], которая, в свою очередь, зависит от габитуса. Однако следует добавить, что в понимании Бурдье стратегия не является целенаправленным, обдуманном заранее процессом, а скорее упорядоченными, «объективно ориентированными линиями действия» [8].

Некоторые различия в трактовке социального агента как индивидуального актора можно встретить у Энтони Гидденса. В отличие от того же Бурдье, его социальный агент представляется интенционально (т.е. осознанно) действующей личностью, что объясняется имеющейся у него возможностью предвидеть последствия своих действий [9]. При этом полный контроль совершенных действий для него является недоступным, поскольку ограничен контекстом [10], в зависимости от которого агенты адаптируют свою идентичность, поскольку он может влиять на характер их взаимодействия в социальном пространстве [11]. Интенция, т.е. смысл последствий от принятых решений агента, зависит от времени и удаленности пространства, в котором эти следствия реализуются. По мнению Гидденса, действие всегда связано с субъектом и предполагает обладание властью, максимальное использование которой, а именно личное воздействие и влияние на других, определяет существование самого агента и формирование структуры [10]. Утверждая, что агент не может существовать без структуры, а структура без агента, Гидденс тем самым указывает не только на ограничения, но и на преимущества такого подхода. Соответственно, власть для актора не является ресурсом, а возможностью для осуществления конкретного действия (практик) в пространстве.

Противоположную так называемой «дуальности» Гидденса точку зрения выражает английский социолог Маргарет Арчер. По ее мнению, с точки зрения социологического анализа, было бы правильнее говорить о «дуализме» понятий *структура* и *агент*, поскольку такой подход помог бы оценить степень их взаимного влияния [12]. При

этом неочевидность их взаимосвязи М. Арчер видит в том, что агент сам по себе имеет субъективную природу, а структура — объективную [13].

Самостоятельную роль личности как осознанно действующего субъекта (актора) в своих работах отстаивал Юрген Хабермас. Основу любого коммуникативного действия [14], считал он, составляет процесс развития взаимопонимания и согласованности взглядов, так называемая коммуникативная рациональность [15]. Вступая во взаимодействие, актер руководствуется неким рациональным планом, соответствующим конкретной ситуации и достижению определенных целей [16], а также предположением о том, что его действия будут понятны окружающим [14].

Второе основание для типологии видов социального агента заключается в представлении последнего в качестве *коллективного субъекта*. Подобной позиции придерживался французский социолог Ален Турен. В своих работах ученый использовал такие понятия, как общественные движения и социальные классы, утверждая, что исторические и культурные тенденции способны изменить образ коллективного субъекта. Коллективное действующее лицо, в понимании ученого, включено в постоянный общественный конфликт [17]. При этом оно представляет собой совокупность ролей и способно управлять обществом за счет высокого уровня историчности и самосознания [17].

Среди классиков социологии можно найти и тех, кто занимает промежуточную позицию относительно природы социального агента (И. Гофман, Т. Бернс и др.). К примеру, Том Р. Бернс и Елена Флэм сосредоточены не столько на деятелях, сколько на структурах, рассматривая в качестве последних систему социальных правил, поскольку именно они регулируют и организуют социальную деятельность [18]. Существующие правила являются объективными в человеческом восприятии и поддерживаются за счет социальных санкций. Сама система правил формируется и трансформируется под воздействием индивидов [19].

Ирвинг Гофман рассматривал взаимодействие индивидов с учетом их повседневных практик. В своем эссе, посвященном анализу «фреймов» [20], определяющих смысловые форматы повседневного общения, Гофман говорит о том, что помимо пространственного размещения акторов

и определения границ необходимо учитывать процесс и особенности коммуникации в том или ином пространстве.

Деятельность акторов, в интерпретации В.А. Ядова, обусловлена их фреймами, воздействие на которые оказывает расстановка ролей в пространстве и способы интерпретации событий его участниками [21]. Согласно теории Гофмана, границы любого социального пространства структурируются относительно роли актора, которую он играет на так называемом публичном «переднем плане» (авансцене) с целью создания благоприятного впечатления. Таким образом, он демонстрирует свое соответствие господствующим в обществе (пространстве) социальным нормам и стандартам. При этом значимость актора зависит от его самоидентификации, от того, какую роль он начинает играть в той или иной ситуации, от адаптации к условиям «здесь и сейчас». При помощи различных декораций создается внешний публичный образ, «картинка» как результат скрытой «закулисной игры» [22], в которой сохранение дистанции помогает скрывать определенные мотивы и усиливать эффект от показательных действий.

С другой стороны, В.А. Ядов считал, что «вместо индивидуальных акторов как расчетливых игроков, преследующих свои выгоды, Гофман рассматривает всех участников взаимодействия как хранителей ситуаций межличностного взаимодействия. Основной мотив поведения заключается в данном случае не в максимизации личной выгоды, а в укреплении социальных ситуаций» [23].

СВОЙСТВА СОЦИАЛЬНЫХ АГЕНТОВ

На основе описанных концепций можно дать описание трех моделей социальных агентов.

К первой модели (I), в которой социальный агент рассматривается как *индивидуальный актор*, можно отнести следующие свойства:

1. *Агентность* (интенциональность, осознанность) — апеллирует к целенаправленности и осмысленности нахождения актора в социальном пространстве. Его действия интенциональны, опосредованы относительной автономностью в выборе стратегий поведения, основаны на понимании своих целей и предвидении возможных последствий (осознанность). Агентный подход подчеркивает активную роль актора в формировании социального пространства, его способность

влиять на ситуацию и изменять ее в соответствии со своими целями и представлениями.

2. *Социальный капитал* (ресурс, статус, власть) — набор доступных возможностей и ресурсов, определяющих положение и степень влияния актора в социальном пространстве. К материальным ресурсам можно отнести наличие собственности, к нематериальным — социальные связи, доступ к информации, престиж и проч. При этом власть позволяет актору влиять на социальные процессы и формировать структуру социального пространства. Высокий уровень капитала обеспечивает актору более выгодное положение, широкий доступ к возможностям для достижения своих целей. В то же время капитал может изменяться в зависимости от социальных процессов и действий самого актора.

3. *Взаимодействие, опосредованное контекстом* (социальные границы, практики) — действия акторов по отношению друг к другу не являются случайными, они формируются в рамках специфических условий (социального контекста), определяющих их возможности и (или) ограничения. Помимо согласованности взглядов и схожести интересов, характер взаимодействия социальных акторов зависит от их дистанции и осуществляемых социальных практик. Дистанция представляет собой не только физические, но и социальные границы (статус, роль), так как близость может способствовать сотрудничеству, удаленность — конкуренции или игнорированию. Поддержание социальных связей на определенном уровне дистанции, равно как и способность к кооперации или конкуренции, во многом зависит от усвоенных актором социальных практик, которые даже при схожести интересов и близости в пространстве могут привести к разным формам взаимодействия.

4. *Взаимозависимость* (с социальной структурой и другими акторами) — актор зависит от социального пространства, а пространство от актора. Каждый из них способен оказывать на другого конструктивное или деструктивное воздействие.

Ко второй модели (II), в которой социальный агент рассматривается как *коллективный субъект*, можно отнести следующие свойства: *динамичность, самоорганизация, коллективная идентичность, внутренняя дифференциация*. Таким образом, коллективный субъект может представлять собой сложную динамичную структуру,

трансформирующуюся под воздействием различных факторов, в том числе социокультурных. Такой субъект способен оказывать влияние на различные процессы, происходящие в социальном пространстве (включая негативные), формировать общественное мнение, что обусловлено его внутренней сложностью и разнообразием имеющихся ролей. Будучи активным агентом социальных изменений, он обладает самосознанием и пониманием собственной роли в обществе, а также способностью к самоорганизации и трансформации.

Третья модель (III), в которой социальный агент рассматривается с *промежуточной позиции*, позволяет выделить иные основания для типологии свойств: 1) агенты как участники и хранители социальных структур, 2) агенты как «актеры» в повседневных практиках.

В первом случае речь идет о регуляции как о способности агентов (как индивидуальных, так и коллективных) не только действовать в рамках существующих объективно признанных социальных правил, но и активно участвовать в их создании, изменении и поддержании. Во втором — о способности социальных агентов к целенаправленному формированию представления о себе и своем месте в социальном пространстве с учетом определенного контекста и заданных целей, которое они создают с помощью:

- адаптации своих действий относительно конкретной ситуации, характера взаимодействия, изменения обстановки и реакции других агентов;
- регулирования внешнего образа посредством латентных (скрытых) мотивов и демонстрации необходимых качеств;
- самоидентификации и понимания смыслового контекста, в рамках которого существует пространство.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Для авторов данной статьи особый интерес представляет положение «дискурсивной этики» [24] Ю. Хабермаса, подробный анализ которой представлен им в работе «Моральное сознание и коммуникативное действие».

Описывая концептуальные основания своей теории с позиции аргументации и соучастия, ученый также анализирует подход немецкого социолога Эрнста Тугендхата, согласно кото-

рому одной из основных коммуникативных задач, имеющих место в процессе обсуждения какого-либо вопроса, является оценка того, насколько принятые или утвержденные нормы для реализации определенных действий являются подходящими для каждого из участников социального пространства [24]. Включение агентов в коммуникативное пространство управления обязывает их находить общее основание для решения коллективных задач. Значимость данного утверждения подтверждается тем, что реализация национальных проектов — это управленческое решение, обладающее, как было сказано ранее, значительным социальным эффектом. Обсуждение подобных проектов должно охватывать максимальный круг проблем. Процесс взаимного убеждения в том, что выбранный способ действия соответствует интересам каждого участника, согласно Ю. Хабермасу, называется «практическим дискурсом» [24].

Если процесс обсуждения сопровождается достаточной аргументацией, с учетом индивидуальных намерений и равноправных возможностей каждого агента, то принятый способ действия (норму) можно считать оправданным, т.е. рационально обоснованным. Данное утверждение справедливо, если обсуждение осуществляется в условиях, не оказывающих влияния на свободное высказывание любого мнения, основанного на личной воле участника [24]. По мнению Э. Тугендхата, правила обсуждения, установленные в коммуникативном пространстве, с учетом перечисленных особенностей, способствуют организации диалога, свободного от моральных и политических установок, а также достижению «властного равновесия» [25].

Следует отметить критические замечания Хабермаса в отношении описанного подхода. Авторы статьи согласны с тем, что на основании одного лишь «властного равновесия» невозможно выбрать решение, которое в равной степени удовлетворяло бы интересы всех агентов. При этом стремление к взаимодействию и согласованности взглядов, а также ясность в понимании общего интереса по-прежнему важны для качественной коммуникации, поскольку без нее было бы невозможно упорядочить действия агентов внутри социального пространства [26].

Исходя из всего вышеперечисленного и взяв во внимание описанные выше модели, перейдем к выявлению и описанию ключевых агентов

современного коммуникативного пространства управления.

Для более глубокого понимания роли и выявления характеристик социальных агентов, участвующих в разработке и реализации государственных программ (стратегия научно-технологического развития, национальные проекты), был использован метод контент-анализа официальных документов.

1. Для обеспечения согласованного взаимодействия органов федеральной и региональной власти в части научно-технологического развития страны была создана специальная комиссия, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»⁹ (далее — Комиссия НТР), в состав которой, помимо властных структур, вошли представители науки (в том числе Российская академия наук, далее — РАН), бизнеса, государственных корпораций, фондов поддержки и проч. Основная задача работы комиссии заключается в контроле за обеспечением согласованных действий участников в процессе разработки и реализации государственной научно-технологической политики¹⁰.

За последние три года состав комиссии утверждался четыре раза, каждый раз в него входило 47 участников. Таким образом, был собран и проанализирован массив из 141 участника, каждый из которых был отнесен к соответствующей категории: государственные корпорации, федеральные органы власти, региональные органы власти, венчурные фонды, научные организации, бизнес-организации.

2. Вторым документом, выбранным для качественного анализа данных, стало Постановление Правительства РФ от 10.07.2020 № 1019¹¹, устанавливающее порядок организации и функционирования проектной деятельности. Цель его создания — повышение эффективности управления национальными проектами и обеспечение достижения поставленных задач. Документ определяет зону ответственности участников государственных проектов (национальные, федеральные),

а также механизмы мониторинга и контроля реализации принятых управленческих решений. Постановление регламентирует взаимодействие между участниками проектной деятельности, определяет их полномочия и функции.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Научное и экспертное обеспечение работы Комиссии НТР осуществляется научно-техническим советом под руководством президента РАН, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 23.05.2024 № 646 «Об утверждении Положения о научно-техническом совете Комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации». В документе подробно описаны функции совета, его предназначение и зоны ответственности. Особый акцент сделан на необходимости обновления трети состава каждые два года. «Состав Совета формируется из числа ведущих ученых по приоритетам научно-технологического развития и представителей организаций реального сектора экономики, заинтересованных в использовании научных, научно-технических результатов по приоритетам научно-технологического развития»¹². Помимо этой информации других качественных данных относительно участников совета в документе не представлено.

Теперь рассмотрим, какова доля каждого из агентов, участвующих в реализации государственной политики в области научно-технологического развития. Как видно из рисунка, практически половина комиссии (49%) состоит из представителей органов федеральной власти (Аппарат правительства, отраслевые министерства, Совет Федераций, Совет Безопасности, Государственная Дума и проч.). На втором месте (21%) следуют представители научных и образовательных организаций (в том числе РАН, НИЦ Курчатовский институт, РНФ и проч.). В значительно меньшей степени в комиссии представлены органы государственной власти регионов — 11% (губернаторы Московской, Калининградской, Новосибирской, Томской, Новгородской областей, президент Республики Татарстан), участники из сферы бизнеса — 9% («Сбербанк России», «Газпром нефть» и др.), государственные корпорации — 6% («Ростех», «Роснано», «Росатом»).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>

¹⁰ URL: <https://rcsi.science/activity/komissiya-po-ntr/>

¹¹ URL: <http://government.ru/docs/all/128983/>

¹² <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409001038/>

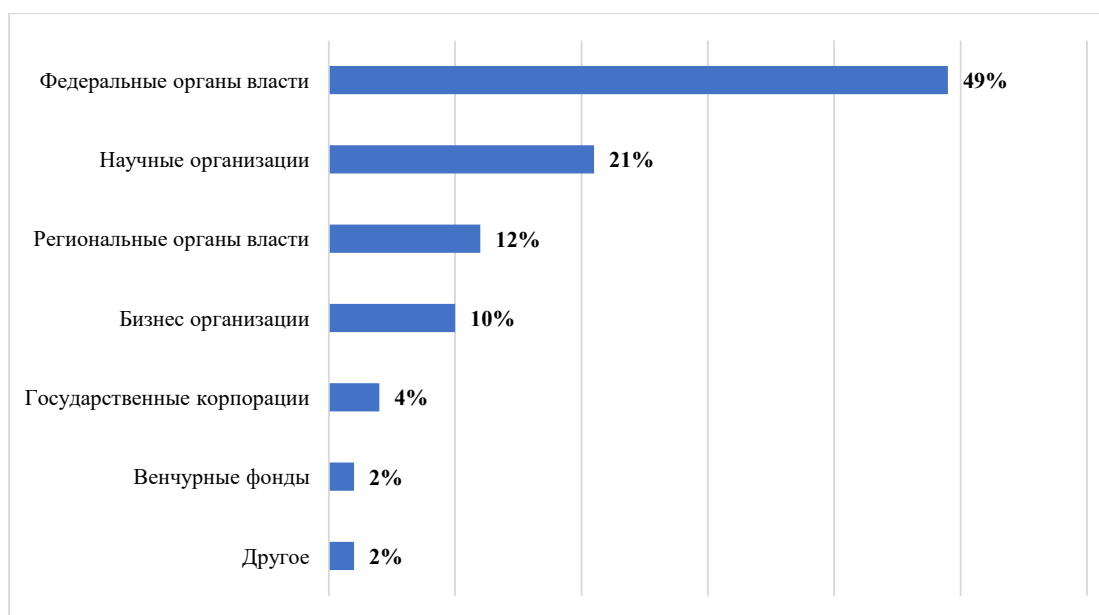

Рис. / Fig. Участники комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации / **Members of the Commission for Scientific and Technological Development of the Russian Federation**

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Федеральная власть и наука представлены в комиссии в качестве постоянных членов, участие остальных агентов, за небольшим исключением, каждый раз требует дополнительного согласования. На этом основании мы можем сделать следующий вывод: федеральные органы власти и научное сообщество являются социальными агентами, проявляющими признаки коллективного субъекта. Обладая ярко выраженной статусной идентичностью, они способны оказывать влияние на формирование общественного мнения и вызывать социальные изменения. Данный фактор является определяющим в вопросе их унификации.

Несмотря на низкий уровень представительства государственных корпораций, их роль также является значительной и неизменной. Корпорации, входящие в состав Комиссии НТР, занимаются развитием ключевых секторов российской экономики: оборонно-промышленный комплекс и высокие технологии («Ростех»), инвестирование нанотехнологий и инновационных проектов («Роснано»), развитие ядерной энергетики и сопутствующих технологий («Росатом»).

Вместе с другими категориями участников, включая органы региональной власти субъектов Российской Федерации, они являются социальными агентами с выраженными индивидуаль-

ными признаками. Их роль в составе Комиссии НТР во многом опосредована наличием определенных ресурсов и капиталов, четко определены границы их целерациональной деятельности, а взаимодействие с другими участниками является интенциональным и осознанным.

Теперь перейдем к анализу документа, созданного с целью повышения эффективности управления национальными проектами и обеспечения достижения поставленных задач. Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 10.07.2020 № 1019, функциональную структуру проектной деятельности в России составляют следующие участники:

1. Президиум Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам.
2. Проектный комитет.
3. Проектный офис Правительства Российской Федерации.
4. Министерство экономического развития Российской Федерации.
5. Ведомственный проектный офис.
6. Проектный офис субъекта Российской Федерации.
7. Руководитель национального проекта, руководитель федерального проекта.
8. Администратор национального проекта, администратор федерального проекта.

Таблица / Table

Агенты реализации государственных программ и типология их свойств в соответствие с выраженным типом социального агента / Agents for the implementation of state programs and the typology of their properties in accordance with the expressed type of social agent

I Модель (индивидуальный актор)	II Модель (коллективный субъект)	III Модель (промежуточная позиция)
Проектный офис субъекта Российской Федерации (региональный проектный офис)		
1. Осуществляет самостоятельный мониторинг и анализ данных 2. Осуществляет индивидуальную экспертизу, способен стандартизировать необходимые процедуры 3. Организует коммуникацию (взаимодействие) между региональным и федеральным уровнем власти	1. Проявляет способность к организации совместной работы и взаимодействия между федеральными, региональными и муниципальными уровнями власти. 2. Несет коллективную ответственность посредством участия и оценки мероприятий, осуществляемых в рамках проекта. 3. Оказывает косвенное воздействие на принятие управленческих решений на федеральном уровне (посредством анализа и внесения предложений). 4. Оказывает косвенное воздействие на принятие управленческих решений на региональном уровне (за счет поддержки деятельности коллегиальных органов)	1. Синтезирует индивидуальные навыки и компетенции участников для достижения коллективных целей
Руководитель национального или федерального проекта		
1. Проявляет способность к стратегическому планированию и принятию управленческих решений 2. Несет индивидуальную ответственность за реализацию проекта и достоверность данных	1. Осуществляет функции координации и управления коллективом 2. Проявляет коллективную ответственность за транслирование интересов других участников 3. Осуществляет коллективное стратегическое планирование	1. Обладает способностью к адаптации и быстрому реагированию на изменения обстоятельств
Администратор национального или федерального проекта		
1. Осуществляет функцию координации участников и мероприятий 2. Несет индивидуальную ответственность за мониторинг процессов реализации проекта 3. Несет индивидуальную ответственность за соблюдение стандартов и процедур	1. Проявляет коллективную ответственность за транслирование интересов других участников 2. Обеспечивает взаимодействие и координацию работы участников проекта 3. Оказывает косвенное влияние на принятие управленческих решений на более высоких уровнях власти	1. Выступает как организатор и координатор коллективной работы, несет индивидуальную ответственность за коллективные цели проекта

I Модель (индивидуальный актор)	II Модель (коллективный субъект)	III Модель (промежуточная позиция)
Участники национального и федерального проекта		
1. Проявляют инициативу и вносят рациональные предложения по достижению целей проектов (индивидуальная ответственность и контроль) 2. Проявляют индивидуальную ответственность и осуществляют контроль за достоверностью представленной информации	1. Проявляют коллективную мобилизацию и координацию общих действий в рамках проекта 2. Проявляют коллективную идентичность за счет транслирования интересов своих групп, организаций 3. Оказывают коллективное влияние на принятие управленческих решений на более высоких уровнях власти	1. Проявляют способность к адаптации и быстрой реакции на поступающие внешние изменения 2. Предоставляют информацию, которая может быть индивидуальным намерением, либо выражением коллективной позиции организации или группы, которую они представляют
Общественно-экспертный совет		
1. Осуществляет независимую оценку и предлагают рекомендации на основании индивидуальных знаний и опыта 2. Проявляет активную позицию посредством внесения предложений по улучшению реализации проекта (внесение интеллектуального вклада) 3. Проявляют индивидуальную ответственность посредством участия в мониторинге и контроле за исполнением задач проекта	1. Осуществляет коллективную экспертизу и формируют общую обоснованную позицию 2. Оказывает коллективное воздействие на процесс принятия решений 3. Способствует легитимности процесса разработки и реализации проектов за счет учета мнений независимых экспертов	1. Стремится к достижению коллективных целей посредством объединения членов совета и учета их индивидуального вклада
Центр компетенций проектной деятельности		
1. Вносит индивидуальный аналитический вклад посредством независимой экспертизы и анализа реализации проектов 2. Проявляет проактивную позицию и способность к инициативе 3. Проявляет индивидуальную способность к обучению консультированию	1. Формирует коллективное знание и разрабатывает обоснованные рекомендации посредством объединения экспертов разных профилей 2. Осуществляет коллективную деятельность, направленную на унификацию подходов к разработке и реализации проектов посредством разработки методических указаний и рекомендаций 3. Оказывают коллективное влияние на принятие управленческих решений на более высоких уровнях власти	1. синтезирует индивидуальный вклад экспертов в коллективные решения и рекомендации

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

9. Участники национальных и федеральных проектов.

10. Общественно-экспертный совет.

11. Центр компетенций проектной деятельности.

12. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации.

Основная задача на данном этапе заключается в оценке функциональной деятельности участников реализации государственных программ, а также выявление на их основе свойств социальных агентов.

В процессе анализа данных было решено изучить свойства лишь 6 из 12 участников, а именно: регионального проектного офиса, руководителя национального или федерального проекта, администратора национального или федерального проекта, участников национального или федерального проекта, общественно-экспертного совета и центра компетенций проектной деятельности. Их взаимодействие в рамках реализации государственных программ происходит на уровне региональных и муниципальных органов власти, что дает нам возможность для более детального анализа управленческих практик в регионах, выявления их сходств и различий в будущем.

Качественный анализ данных позволил составить типологию свойств социальных агентов в соответствии с тремя описанными ранее моделями (см. *таблицу*).

На основании *таблицы* мы можем сделать следующие выводы:

1) в деятельности регионального проектного офиса, общественно-экспертного совета и центра компетенций проектной деятельности прослеживается тесная взаимосвязь между моделями индивидуального и коллективного типа. Фактором, способствующим эффективной реализации государственных проектов и достижения поставленных задач, является синтез индивидуальных ресурсов и навыков, направленный на поиск коллективных решений;

2) в случае с руководителем проекта наблюдается ярко выраженный коллективный тип социального агента. Будучи ключевой фигурой, участвующей в координации работы значительного числа участников, он также является ответственным за достижение коллективных целей. При этом многие из осуществляемых им функций требуют проявления осознанности и мобилизации личностных ресурсов;

3) в деятельности администратора государственного проекта граница между индивидуальными и коллективными формами взаимодействия является довольно размытой. С одной стороны, он выступает организатором, и даже координатором работы коллектива, с другой — несет индивидуальную ответственность за многие аспекты реализации проекта. То же самое касается и деятельности отдельных участников. Отдельные функции, которые они выполняют в рамках реализации проекта, могут быть проявлением ответственности как одного человека, так и целой группы.

ВЫВОДЫ

Задача, стоящая перед авторами, заключалась в поиске методологических оснований для анализа свойств социальных агентов, занятых в современном практическом поле управления. Для этого был проанализирован значительный пласт работ западных ученых, с помощью чего удалось дифференцировать индикаторы, способствующие формированию моделей социального агента.

Проведенное исследование позволило выявить и систематизировать ключевые характеристики социальных агентов, задействованных в реализации государственных программ стратегического развития России. Посредством качественного анализа официальных документов были выделены три модели социальных агентов: индивидуальный актор, коллективный субъект и промежуточный тип.

Выявленные свойства агентов (автономность, социальный капитал, взаимодействие, опосредованное социальными контекстами, стратегическое планирование и проч.) позволяют сделать вывод о том, что эффективность реализации государственных программ зависит от способности к коллективной работе, синтеза индивидуальных ресурсов и навыков. В связи с этим дальнейший фокус исследований должен быть направлен на более глубокий анализ взаимодействия различных социальных агентов управления, деятельность которых осуществляется в конкретных региональных условиях, в том числе с учетом социокультурных особенностей территорий и выявления наиболее острых социальных проблем. Это поможет оценить потенциал стандартизации управленческих практик и выявить факторы, способствующие как унификации, так и дифференциации управленческих стратегий в регионах России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шилова В.А., Гусейнова К.Э. Включенность населения в социальное пространство управления регионов как фактор территориального неравенства. *Вопросы управления*. 2023;17(6):84–98. DOI: 10.22394/2304-3369-2023-6-84-98
2. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. Санкт-Петербург: Питер; 2002. 688 с.
3. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 11. Frankfurt M.: Suhrkamp; 1992.
4. Власюк Г.В. Пространство социальной организации. *Преподаватель XXI век*. 2012;3(2):364–378. <https://www.elibrary.ru/pxbktv>
5. Бурдьё П. Социология политики. Пер. с фр. Н.А. Шматко. Москва: SocioLogos; 1993. 336 с.
6. Бурдьё П. Социология социального пространства. Пер. с франц. Н.А. Шматко. Москва: Алетея; 2007. 288 с.
7. Bourdieu P. The field of cultural production: Essays on art and leisure. New York: Columbia University Press; 1993.
8. Bourdieu P., Wacquant L. An invitation to reflexive sociology. Chicago: University of Chicago Press; 1992.
9. Климов И.А. Социологическая концепция Энтони Гидденса. *Социологический журнал*. 2000;(1–2):121–149. <https://www.elibrary.ru/pzqkud>
10. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
11. Lobo I., Dimas J., Mascarenhas S., Rato D., Prada R. When “I” Becomes “We”: Modelling dynamic identity on autonomous agents. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2023;26(3)9. DOI: 10.18564/jasss.5146
12. Archer M.S. Realist social theory: The morphogenetic approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 354 p.
13. Archer M.S. Structure, agency and the internal conversation. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 370 p. DOI: 10.1017/CBO9781139087315.001
14. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. Пер. с нем. А.К. Судакова. Москва: Весь мир; 2022. 878 с.
15. Линде А.Н. Сохранение личности в информационных обществах: применение подхода Ю. Хабермаса. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2019;12(2):114–133. DOI: 10.21638/spbu12.2019.201
16. Rovane C. Is group agency a social phenomenon. *Synthese*. 2019;196(12):4869–4898. DOI: 10.1007/S 11229-017-1384-1
17. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. Москва: Научный мир; 1998. 204 с.
18. Burns T.R., Machado N. Social rule system theory: Universal interaction grammars. *CIES e-Working Paper*. 2014;(175):1–13.
19. Sztompka P. The Sociology of Social Change. Wiley-Blackwell, 1993; 368 p.
20. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. Пер. с англ. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. Москва: Институт социологии РАН; 2003. 752 с.
21. Ядов В.А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011;14(2):85–97.
22. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. Пер. с англ. А.Д. Ковалева. Москва: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле; 2000. 304 с.
23. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2001;(2):5–24. <https://www.elibrary.ru/bfesdx>
24. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с нем. С.В. Шачина. Санкт-Петербург: Наука; 2001. 380 с.
25. Tugendhat E. Morality and communication. MS; 1981.
26. Гусейнова К.Э. Проблема организации коммуникативного пространства российских регионов в условиях реализации национального проекта «Наука». *Научный результат. Социология и управление*. 2020;6(4):169–183. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-10

REFERENCES

1. Shilova V.A., Guseynova K.E. Population involvement in the social space of regional governance as a factor of territorial inequality. *Management Issues*. 2023;17(6):84–98. (In Russ.). DOI: 10.22394/2304-3369-2023-6-84-98
2. Ritzer G. Modern sociological theory. 5th ed. St. Petersburg: Piter, 2002; 688 p. (In Russ.).
3. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 11. Frankfurt M.: Suhrkamp; 1992.
4. Vlasjuk G.V. Social organization space. *Prepodavatel' XXI vek*. 2012;3(2):364–378. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/pxbktv>
5. Bourdieu P. Sociology of politics. Transl. from French. Moscow: SotsioLogos; 1993. 336 p. (In Russ.).
6. Bourdieu P. Sociology of social space. Transl. from French. Moscow: Aleteiya; 2007. 288 p. (In Russ.).
7. Bourdieu P. The field of cultural production: Essays on art and leisure. New York: Columbia University Press; 1993.
8. Bourdieu P., Wacquant L. An invitation to reflexive sociology. Chicago: University of Chicago Press; 1992.
9. Klimov I.A. The sociological concept of Anthony Giddens. *Sociological Journal*. 2000;(1–2):121–149. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/pzqkud>
10. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press; 1984.
11. Lobo I., Dimas J., Mascarenhas S., Rato D., Prada R. When “I” Becomes “We”: Modelling dynamic identity on autonomous agents. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2023;26(3)9. DOI: 10.18564/jasss.5146
12. Archer M.S. Realist social theory: The morphogenetic approach. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. 354 p.
13. Archer M.S. Structure, agency and the internal conversation. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; 370 p. DOI: 10.1017/CBO9781139087315.001
14. Habermas J. Communication activity theory. Transl. from German. Moscow: Ves' mir; 2022; 878 p. (In Russ.).
15. Linde A.N. The safekeeping of the personality in the information societies: The application of the approach of J. Habermas. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2019;12(2): 114–133. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu12.2019.201
16. Rovane C. Is group agency a social phenomenon. *Synthese*. 2019;196(12):4869–4898. DOI: 10.1007/S 11229-017-1384-1
17. Touraine A. Return of the actor: Social theory in postindustrial society. Moscow: Nauchnyi mir; 1998. 204 p. (In Russ.).
18. Burns T.R., Machado N. Social rule system theory: universal interaction grammars. *CIES e-Working Paper*. 2014;(175):1–13.
19. Sztompka P. The Sociology of Social Change. Wiley-Blackwell, 1993. 368 p.
20. Goffman E. Frame analysis: an essay on the organization of experience. Transl. from English. G. S. Batygina, L.A. Kozlovoi. Moscow: Institute of sociology; 2003; 752 p. (In Russ.).
21. Yadov V.A. Trying to rethink Erving Goffman's framing concept. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2011;14(2):85–97. (In Russ.).
22. Goffman I. The presentation of self in everyday life. Transl. from English. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole; 2000. 304 p. (In Russ.).
23. Batygin G.S. The continuum of frames: The dramatic realism of Irving Hoffman. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*. 2001;(2):5–24. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/bfesdx>
24. Habermas J. Moral consciousness and communicative action. Transl. from German. St. Petersburg: Nauka; 2001. 380 p. (In Russ.).
25. Tugendhat E. Morality and communication. MS; 1981.
26. Guseynova K.E. The problem of organizing the communicative space of Russian regions in the context of the national science project. *Research Result. Sociology and management*. 2020;6(4):169–183. (In Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-10

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ксения Эльдаровна Гусейнова — научный сотрудник, Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия

Ksenia E. Guseynova — Research Fellow, Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7957-7317>

likseidar@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.10.2024; принята к публикации 27.02.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.10.2024; accepted for publication on 27.02.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.